56 02/60

ПОСОБІЕ

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

ПО БАСКОНА АБЕЦЕДА
ПОСОРЕ

Стеблинъ Каменскій
86 02/60
№ 280

ПОСОБІЕ

ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ЗАНЯТІЙ

ПРИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ИЗУЧЕНІИ

РУССКАГО ЯЗЫКА

ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

ОДОБРЕНО УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПРОГИМНАЗІЯХЪ, И УЧЕБНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

КНИГА 1-я.

Д 2835/45

СОСТАВИЛЪ

УЧИТЕЛЬ ПРИ С. П. Б. ШЕСТОЙ ГИМНАЗІИ

М. НИКОЛЕНКО.

3-е изданіе, исправленное.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ СТЕПАНА ИВАНОВА ЛИТОВА. въ КІЕВѢ въ 1830 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1873.

Б 02
60

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

МЛАДШЕМУ.

Гос. Историч. Музей
Инвент. № 30443
193 г.

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПРИНОШЕНІЕ СОСТАВИТЕЛЯ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Благоволите принять этотъ усердный трудъ Вашего наставника, какъ доказательство искреннѣйшаго желанія принести пользу и удовольствіе ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ *и всѣмъ русскимъ* ВАШИМЪ *сверстникамъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одномъ изъ собраній преподавателей Русскаго языка и Словесности С.-Петербургскихъ гимназій, при составленіи программъ для всѣхъ классовъ гимназій, между прочимъ очень долго разсуждали о томъ, какова должна быть книга для занятій по Русскому языку въ младшихъ классахъ, и есть ли между существующими такая? Такой книги не оказалось. Вотъ, что было высказано по поводу этихъ вопросовъ:

Книга должна заключать въ себѣ: 1) сборникъ статей для чтенія и различныхъ практическихъ упражненій въ языкѣ и 2) младшій курсъ грамматики. Статьи должны быть выбраны исключительно изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, а не изъ переводовъ по естественнымъ наукамъ и землеописанію. Главная цѣль преподаванія Русскаго языка, не обогащеніе учениковъ разнородными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, а именно изученіе языка; а для этого, безъ сомнѣнія, должны служить образцы языка художественнаго и народнаго. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ собраніи преподавателей предлагали цѣликомъ взять «Дѣтство Багрова внука», «Семейную хронику» Аксакова, «Записки охотника» Тургенева, или «Дѣтство и отрочество» Толстого, и читать постоянно съ учениками только одну которую-нибудь изъ этихъ книгъ. Для изучиванія наизустъ давать отрывки изъ той-же книги и диктовать стихотворенія, какія преподаватель найдетъ удобными. Многіе были въ пользу такого мнѣнія, но его нельзя осуществить, потому что каждая изъ приведенныхъ книгъ очень дорога для учениковъ, и все-таки понадобится еще учебникъ по грамматикѣ. При этомъ само-собою возникъ еще вопросъ: произведенія какихъ писателей, по преимуществу, могутъ служить

образцами языка въ младшихъ классахъ? Поименованы были слѣдующіе: С. Аксаковъ, И. Аксаковъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Даль, Лермонтовъ, Пушкинъ, Жуковскій, Никитинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Разинъ, Гончаровъ, Максимовъ, Майковъ, Гоголь, Хемницеръ; кромѣ того, народныя пѣсни и сказки. Изъ нѣкоторыхъ писателей, конечно, надобно дѣлать строгій, осторожный выборъ, а не хвататься за все, что попадется. Помѣщеніе въ книгѣ младшаго курса грамматики необходимо для того, чтобы ученикамъ было по чему повторять, что ими пройдено путемъ практическимъ, а главное,—необходимо для отсутствующихъ учениковъ по разнымъ причинамъ и для поступающихъ вновь.

Кто же можетъ лучше знать, какая нужна книга для учениковъ, какъ не сами преподаватели? а потому, при составленіи нашего «Пособія» мы и руководились вышеозначенными мнѣніями, и кромѣ того, совѣтовались со многими другими преподавателями и воспитателями, неприсутствовавшими въ общемъ собраніи преподавателей.

«Пособіе» наше состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ книгъ, по числу младшихъ классовъ въ гимназіяхъ. Первая книга предъ вами, читатель, и мы постараемся объяснить вамъ ея внѣшній и внутренній характеръ.

Книга раздѣлена на четыре отдѣла, согласно главному, общему раздѣленію занятій по Русскому языку, а именно: заучиваніе наизустъ, чтеніе съ пересказомъ содержанія прочитаннаго, бесѣды о составѣ русской рѣчи и чтеніе на языкѣ церковно-славянскомъ; разнаго рода письменныя упражненія идутъ неразлучно съ тѣми же занятіями, какъ это изложено въ примѣчаніяхъ при самыхъ статьяхъ.

Весьма трудною задачею для насъ было назначеніе статей для того или другого рода практическихъ занятій. Нѣсколько разъ мы даже были готовы совсѣмъ оставить эту попытку, многотрудную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, неблагодарную, потому-что, при разносторонности взглядовъ на этотъ предметъ, очень легко насъ могутъ упрекнуть за наше усердіе. Разсуждая съ товарищами и показывая имъ образчики нашихъ примѣчаній къ статьямъ, мы замѣтили, что они большинству очень нравились: было настойчивое требованіе, чтобы мы сдѣлали подобныя примѣчанія ко всѣмъ статьямъ, помѣщеннымъ въ нашей книгѣ; нѣкоторые же, впрочемъ значительное меньшинство, напротивъ, требовали, чтобы мы совсѣмъ не дѣлали никакихъ примѣчаній, а предоставили бы преподавателямъ полную

свободу поступать съ каждою статьею такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Они старались увѣрить, что своими примѣчаніями мы можемъ подорвать авторитетъ преподавателей, заставляя ихъ заниматься съ учениками по плану, заранѣе нами самими начертанному, отнимая, такъ сказать, всю самодѣятельность отъ преподавателя и обращая его въ какую-то машину. Мы совершенно иначе думаемъ о преподавателяхъ: отчего же собранія арифметическихъ, алгебраическихъ, геометрическихъ и физическихъ задачъ не подрываютъ авторитета преподавателей Математики? Сколько бы мы ни сдѣлали примѣчаній къ статьямъ, преподавателю всегда останется еще довольно обширное поле, неисчерпаемый источникъ для его самодѣятельности. И въ чемъ-же наконецъ состоятъ наши примѣчанія?

Но прежде чѣмъ приступимъ къ этому объясненію, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какія практическія занятія, по преимуществу, были у насъ въ виду: извѣстное дѣло, что ихъ можетъ быть безчисленное множество, особенно если принять въ соображеніе и всѣ, такъ сказать, непредвидимыя, которыя могутъ быть вызваны съ какою-нибудь особою цѣлію. Главнѣйшими упражненіями мы считаемъ: *заучиваніе наизустъ отрывковъ и цѣлыхъ небольшихъ статей въ прозѣ и стихахъ, чтеніе механическое и объяснительное, пересказываніе содержанія прочитаннаго, списываніе съ книги, диктовка и письменные отвѣты на вопросы, касающіеся содержанія прочитаннаго или выученнаго, бесѣды по поводу прочитаннаго и выученнаго, бесѣды о составѣ русской рѣчи, первыя попытки разбора предложеній относительно ихъ состава, главныхъ и второстепенныхъ членовъ, а затѣмъ и частей рѣчи, или разрядовъ словъ, съ ихъ главнѣйшими измѣненіями.* Безъ сомнѣнія, никто, изъ понимающихъ дѣло преподаванія, не станетъ отвергать, что для каждаго изъ приведенныхъ практическихъ занятій не всегда можетъ служить одна и та-же статья: необходимъ выборъ статей, наиболѣе соотвѣтствующій извѣстному роду упражненій; ужь конечно никто не станетъ диктовать такую статью, въ которой случайно соединились слова, самаго незатѣйливаго правописанія, въ которой и слабенькій ученикъ не сдѣлаетъ много ошибокъ; никто для механическаго чтенія, или для упражненія въ раздѣленіи статьи на части не возьметъ коротенькой статейки, въ которой или вовсе невозможно отличить частей, или довольно трудно; для обогащенія словами (copia verborum) не возьметъ статьи, въ которой всѣ слова хорошо знакомы учащимся; для знакомства съ составомъ простого предложенія

нѣ возьметъ статьи, въ которой много придаточныхъ и сжатыхъ предложеній и т. д.

Неужели можетъ пострадать авторитетъ преподавателя, если мы указываемъ въ книгѣ, которыя изъ статей наиболѣе пригодны для того или другого рода упражненій; если мы помѣщаемъ при статьяхъ нѣсколько вопросовъ, относящихся къ содержанію статьи и, такъ сказать, завязывающихъ бесѣду между преподавателемъ и учащимися; если мы отмѣчаемъ слова, которыя могутъ быть несовсѣмъ понятны ученикамъ, или вовсе неизвѣстны, и требуютъ слѣдственно объясненія; если мы обозначаемъ цѣлыя статьи, или только отдѣльныя предложенія, которыя доступны для разбора въ этомъ классѣ; если мы въ словахъ отмѣчаемъ курсивомъ тѣ буквы, въ которыхъ ученики могутъ ошибаться, и приводимъ нѣсколько другихъ словъ для запоминанія ихъ правописанія путемъ сравненія... и т. д? Такими примѣчаніями, кажется, мы только облегчаемъ занятія преподавателя, выигрывая ему время, которое онъ долженъ бы убивать на выборъ статей для различныхъ упражненій. Впрочемъ, помѣщая эти примѣчанія къ статьямъ, мы даже и не имѣли въ виду помогать собственно преподавателямъ,—цѣль была другая: многіе ученики, особенно I и II классовъ, имѣютъ *репетиторовъ*, которые, по своей полной добросовѣстности и по усердію, и хотѣли бы дѣльно заняться съ учениками, но, еще неопытные, неискусившіеся, такъ-сказать, въ преподавательскомъ дѣлѣ, не знаютъ, какъ и за что приняться. Затѣмъ многія дѣти поступаютъ прямо во II классъ, получивъ домашнее приготовленіе, большею частію несоотвѣтствующее требованіямъ гимназической программы; потому что въ ней приготовляющіе ребенка въ гимназію не находятъ точныхъ указаній, чѣмъ именно должно заниматься съ нимъ, и какимъ путемъ, какими средствами придти къ тѣмъ результатамъ, которыхъ требуетъ гимназія. Приготовителями дѣтей большею частію бываютъ люди не вполнѣ, а иногда и вовсе незнакомые со всѣми спеціальными, дидактическими средствами по каждому отдѣльному предмету. Для нихъ-то, намъ кажется, въ особенности полезны всѣ наши примѣчанія къ статьямъ. Наконецъ, эти примѣчанія, особенно вопросы, необходимы и самимъ ученикамъ для приготовленія статьи къ уроку, если задаютъ ее разсказать или выучить наизустъ. Безъ этихъ примѣчаній и вопросовъ, какъ ученику, особенно I класса, припомнить, что объяснялъ преподаватель, и о чемъ бесѣдовалъ въ классѣ по поводу этой статьи, если въ этотъ день было пять уроковъ? Замѣтимъ еще послѣднее: при этихъ примѣчаніяхъ пре-

подаватель во всякое время имѣетъ возможность дать себѣ отчетъ, что онъ успѣлъ сдѣлать со своими учениками: ему стоитъ только прослѣдить всѣ примѣчанія, которыя сдѣланы при статьяхъ, ими пройденныхъ.

Впрочемъ, чтобы уважить, по возможности, желаніе каждаго преподавателя съ его взглядомъ, мы оставили довольно статей въ нашей книгѣ безъ всякихъ примѣчаній.

Теперь постараемся объяснить, какими соображеніями мы руководствовались при назначеніи статей для извѣстнаго рода упражненій и примѣчаній къ нимъ:

Для *заучиванія наизустъ* мы назначаемъ преимущественно статьи описательнаго содержанія, именно картины изъ внѣшней природы. Такъ какъ онѣ по большей части произведенія стихотворныя, то разсказывать ихъ содержаніе своими словами ученикамъ довольно трудно: они постоянно будутъ смѣшивать свой чисто прозаическій языкъ съ рѣчью мѣрною и рифмованною. Поэтому при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, кромѣ вопросовъ, помѣщены и образчики изложенія прозою содержанія этихъ стихотвореній. Почти всѣ статьи, предлагаемыя нами для заучиванія наизустъ, въ то-же время назначаются и для списыванія, а впослѣдствіи для диктовки. Вотъ отчасти почему этотъ отдѣлъ мы помѣстили первымъ. Весьма естественно, что, уча статью наизустъ, ученикъ разъ десять, а пожалуй и больше, посмотритъ на отмѣченныя въ ней слова и невольно запомнитъ ихъ правописаніе; при прочитываніи же статьи только для разсказа такого пріема быть не можетъ. Заучиваніе отрывковъ прозы мы считаемъ весьма важнымъ упражненіемъ, особенно въ томъ отношеніи, что черезъ одно чтеніе ученикъ (I и II класса) не разовьетъ такъ своего дара слова, потому-что его занимаетъ только содержаніе статьи, а на внѣшнюю ея сторону, на самое изложеніе онъ, конечно, не обращаетъ вниманія; заучивая же образцы прозаической рѣчи лучшихъ писателей, онъ невольно усвоиваетъ себѣ ихъ выраженія, а слѣдственно развиваетъ даръ слова.

Для *списыванія и диктовки* мы выбирали статьи, гдѣ болѣе встрѣчается словъ, въ которыхъ начинающіе ученики чаще дѣлаютъ ошибки противъ правописанія. Буквы, въ которыхъ можно ошибиться, напечатаны курсивомъ, чтобы онѣ рѣзче бросались въ глаза. Извѣстное дѣло, что наглядность наилегчайшій способъ научиться писать правильно; а потому мы совѣтовали бы заставлять учениковъ, давая списывать статью на-домъ, предварительно въ классѣ поставить *надъ-курсивами* точки (карандашомъ). При этихъ статьяхъ мы постоянно помѣщали,

въ примѣчаніяхъ, по нѣскольку словъ, которыхъ правописаніе ученики должны замѣтить, то есть, *нѣсколько разъ написать ихъ наизустъ*, даже выучить. Такимъ образомъ, если взять вмѣстѣ всѣ наши статьи, назначаемыя для списыванія и диктовки, то въ примѣчаніяхъ окажутся почти всѣ слова, отличающіяся правописаніемъ (слова, съ коренною буквою *ѣ*, положительно всѣ внесены). Въ статьяхъ для чтенія механическаго и объяснительнаго, для изустнаго разсказа и бесѣдъ, вмѣсто списыванія всей статьи, мы назначаемъ *выписываніе* словъ, напечатанныхъ курсивомъ, въ тетрадь, затѣмъ, чтобы ученикамъ не терять напрасно времени за списываніемъ тѣхъ словъ, въ которыхъ нельзя имъ ошибиться. При первыхъ опытахъ, диктовка статей, которыхъ ученики не списывали, должна быть непремѣнно объяснительная: преподаватель останавливается на затруднительныхъ словахъ, въ которыхъ есть курсивъ, и заставляетъ слабѣйшихъ учениковъ, прежде чѣмъ слово написано, сложить его, и ту букву, въ которой онъ ошибся при складываніи, подчеркнуть потомъ въ тетради. По мѣрѣ знакомства учениковъ съ разрядами словъ и измѣненіями ихъ, являются объясненія ужь не въ столь механической формѣ, какъ значатся въ примѣчаніяхъ къ статьямъ.

На какіе именно вопросы могутъ ученики дѣлать *письменные ответы*, мы не указываемъ, только намъ кажется, что не слѣдовало бы на первыхъ порахъ стѣснять учениковъ строгими требованіями относительно способа выраженія: пусть онъ пишетъ отвѣтъ такимъ языкомъ, каковъ у него пока есть; всего-же лучше писать эти отвѣты сначала въ классѣ, подъ руководствомъ преподавателя, предварительно выразивъ ихъ изустно. Отвѣты должны быть полные, т. е., въ нихъ должны повторяться и предложенные вопросы.

Только что поступившіе ученики въ 1-й классъ гимназіи обыкновенно читаютъ и пишутъ очень плохо, а разсказать что-нибудь, или коротко передать содержаніе прочитаннаго вовсе не въ состояніи; а потому, первое время, кажется, лучше всего и слѣдуетъ занимать ихъ *чтеніемъ* и *списываніемъ*. Для первоначальнаго чтенія (въ I классѣ гимназіи) мы предлагаемъ сказки, а потому второй отдѣлъ этой книги и начинается именно ими. Дѣти всего охотнѣе читаютъ сказки, разсказываютъ ихъ другъ другу, даже, сами того не замѣчая, частенько почти слово въ слово заучиваютъ ихъ наизустъ; значитъ, сказки ближе всего пригодны для первоначальныхъ занятій съ дѣтьми. Кромѣ того, со словомъ *сказка* у дѣтей какъ-то связаны воспоминанія о нянѣ, о домѣ, о семьѣ, о родителяхъ:

практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи Русскаго языка (*) Поэтому наши статьи выбраны исключительно изъ произведеній русской рѣчи нашихъ лучшихъ писателей, а не переводы съ иностраннаго на, Богъ вѣсть, какой языкъ — только никакъ не русскій. Наши религіозно - нравственныя статьи разсказываются русскимъ народомъ, его широкою раздольною рѣчью, изъ нашего русскаго быта, а не изъ китайскихъ, индѣйскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ гостиныхъ, дворцовъ, хижинъ и т. д. При нѣкоторыхъ статьяхъ мы помѣстили пословицы и поговорки, потому что онѣ легче усвоиваются въ примѣненіи къ самой дѣйствительности, разоблачая свою аллегоричность. Пословицы, поговорки и примѣты высказываютъ народный бытъ, умъ, желанія и характеръ. Ихъ аллегорическая иногда форма, фигуральность и образность знакомятъ съ богатствомъ и красотами языка, а мѣткость поражаетъ умъ и восхищаетъ душу. На этихъ же основаніяхъ мы помѣстили въ нашей книгѣ два извлеченія изъ сочиненій г. Остр..... составленныя изъ подбора пословицъ, поговорокъ и примѣтъ.

Для *чтенія* собственно *механическаго*, безъ котораго обойтись никакъ нельзя, мы помѣстили статьи, наиболѣе понятныя какъ по содержанію, такъ и по изложенію, и пообъемистѣе, чтобы не утомлять учениковъ прочитываніемъ одной и той-же статьи по нѣсколько разъ; иначе-же, предложивъ имъ прочитать, вмѣсто одной длинной статьи, нѣсколько коротенькихъ, можно потеряться въ обиліи содержанія. Замѣтимъ при этомъ, что *чисто механическое* чтеніе—занятіе довольно скучное, утомительное, а потому его необходимо также прерывать, въ удобныхъ мѣстахъ, вопросами, касающимися прочитаннаго отрывка; съ этою цѣлію, при нѣкоторыхъ статьяхъ и для механическаго чтенія, у насъ приведено также по нѣскольку вопросовъ. Для *чтенія же объяснительнаго* выбраны статьи покороче и гораздо покороче, смотря по обилію выраженій и словъ, требующихъ объясненій. При такихъ статьяхъ, кромѣ вопросовъ, касательно содержанія и главной мысли, отмѣчены слова и выраженія, требующія объясненій.

(*) Составить *книгу для чтенія* мы считаемъ дѣломъ слишкомъ многотруднымъ: она должна удовлетворять требованіямъ по всѣмъ предметамъ какого-либо учебнаго заведенія, — пополнять пробѣлы, которые существуютъ въ программахъ или учебникахъ; а это можетъ быть, разумѣется, извѣстно только преподавателямъ-спеціалистамъ по каждому отдѣльному предмету; имъ же должно быть лучше другихъ извѣстна и литература своего предмета. Слѣдственно, мы такъ полагаемъ, составить хорошую, дѣльную *книгу для чтенія* не можетъ одно лицо, какъ бы оно образовано ни было.

304493

Для *изустнаго пересказа и бесѣдъ*, равно-какъ и для двухъ вышеупомянутыхъ упражненій, мы предпочитаемъ статьи *повѣствовательнаго* содержанія, какъ болѣе соотвѣтствующія силамъ дѣтскаго языка и пониманію. При нихъ помѣщены вопросы, подходящіе къ главной мысли статьи и относящіеся къ ея содержанію; на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ ученики могутъ дѣлать письменные отвѣты, сначала въ классѣ, подъ руководствомъ преподавателя, а потомъ и на дому, въ видѣ урока.

Для *бесѣдъ о составѣ русской рѣчи и разбора предложеній* (главныхъ и второстепенныхъ членовъ) выбраны статьи, состоящія исключительно изъ простыхъ предложеній, въ которыхъ нетрудно отличить главные и второстепенные члены. При нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщены, въ примѣчаніяхъ, вопросы, помогающіе при первыхъ попыткахъ разбора. Кромѣ-того, въ нѣкоторыхъ статьяхъ выдѣлены предложенія, удобныя для разбора въ этомъ классѣ, и напечатаны курсивомъ. Ученики должны выписать ихъ въ тетрадь и потомъ надписать надъ подлежащимъ *п*, надъ сказуемымъ *с*, надъ опредѣленіемъ *о*, надъ дополненіемъ *д*, надъ обстоятельствомъ *об*, когда такая работа уже можетъ сдѣлаться домашнею. Такое надписываніе мы находимъ необходимымъ для того, чтобы преподаватель могъ убѣдиться, что ученикъ дѣйствительно занимался дома. Эти-же предложенія могутъ служить и для подробнѣйшаго объясненія состава рѣчи, разрядовъ словъ, ихъ измѣненій и т. д. Этотъ отдѣлъ книги начинается тремя бесѣдами о составѣ русской рѣчи. Предупреждаемъ, что онѣ назначены только для *чтенія* съ дѣтьми на-дому и какъ образцы бесѣдъ для репетиторовъ, а не для чего-иного, какъ было неудачно понято нѣкоторыми изъ читавшихъ наши *Первыя бесѣды съ дѣтьми о составѣ русской рѣчи*, помѣщенныя въ «Учителѣ». Странно было бы, если не сказать рѣзче, съ нашей стороны, заставлять наставника или наставницу, а тѣмъ болѣе учащихся, спрашивать и отвѣчать именно тѣми самыми вопросами и отвѣтами, какими начинаются и ведутся наши бесѣды. Пусть каждый начинаетъ свои бесѣды съ какихъ вопросовъ угодно, и объясняетъ ихъ, какъ ему нравится, лишь бы дѣти поняли его. Дѣло въ томъ, что при другихъ урокахъ, особенно если ихъ много, напр. пять въ одинъ день по разнымъ предметамъ, дѣти весьма естественно не могутъ хорошо и всего упомнить, что имъ было объяснено, а повторить не по чему; другія-же вовсе не были на урокѣ, положимъ, хоть по болѣзни; третьи не совсѣмъ были внимательны въ классѣ и т. д. Вотъ

для такихъ-то учениковъ мы и надѣемся быть полезны нашими бесѣдами. Для приготовляющихся же на-дому прямо во 2-й классъ онѣ, безъ сомнѣнія, должны быть полезны. При каждой бесѣдѣ есть выводъ того, о чемъ говорилось въ ней, и примѣры или задачи для практическаго повторенія объясненнаго; сводъ этихъ выводовъ даетъ ученику полное понятіе о томъ, что имъ пройдено и усвоено —а это весьма важно. Бесѣды 4-я и 5-я (можетъ быть 6-я и 7-я) должны заключить курсъ 1-го кл.—*знакомство съ частями рѣчи и главными ихъ свойствами*. Мы не помѣстили самыхъ бесѣдъ (4-й и 5-й), а ограничились только помѣщеніемъ тѣхъ выводовъ, результатовъ, къ которымъ онѣ должны привести, съ приложеніемъ статей, удобныхъ для упражненія по поводу этихъ бесѣдъ.

Въ 4-мъ отдѣлѣ этой книги заключаются статьи для первоначальныхъ занятій языкомъ церковно-славянскимъ. Сначала помѣщены: азбука, числа, знаки и главныя словосокращенія (титла), потому что никто изъ поступающихъ въ 1-й классъ обыкновенно этого не знаетъ. Потомъ идутъ 1) главныя молитвы съ подстрочнымъ переводомъ и объясненіемъ, въ выноскахъ, непонятныхъ выраженій и словъ, 2) нѣсколько главныхъ молитвъ, Символъ вѣры и заповѣди уже безъ перевода, а только съ объясненіемъ непонятныхъ выраженій и словъ. Такимъ образомъ, на знакомыхъ молитвахъ ученики легче выучатся читать, пріобрѣтутъ порядочный запасъ славянскихъ словъ для послѣдующихъ занятій, а наконецъ, что весьма важно, совершенно поймутъ смыслъ этихъ молитвъ, которыя обыкновенно читались ими наизустъ, какъ на какомъ-нибудь чуждомъ, иностранномъ языкѣ, безсознательно. Затѣмъ помѣщены безъ всякихъ объясненій 12 Евангелій, читаемыхъ въ Великій четвергъ за всенощной. Отрывки изъ Св. Евангелія слѣдуетъ собственно помѣстить въ книгѣ для 2-го класса, гдѣ проходятъ Исторію Новаго Завѣта; но въ «Распредѣленіи предметовъ по классамъ въ гимназіяхъ» прямо сказано: «Славянское чтеніе (по Евангелію)». Что же можно дать изъ Св. Евангелія въ 1-мъ классѣ, что не казалось бы, такъ сказать, забѣганіемъ впередъ? Мы и помѣстили 12 Евангелій: они составляютъ какъ-бы нѣчто цѣлое, законченное; въ нихъ (кромѣ 1-го Евангелія) гораздо менѣе встрѣчается, отвлеченностей, и впечатлѣніе, производимое ими, такъ глубоко религіозно-нравственное. Кромѣ-того, у всѣхъ сословій всенощная въ Великій четвергъ какъ-то особенно чтится: всегда за нею бываетъ много народа съ дѣтьми, а между-тѣмъ, по различнымъ причинамъ, далеко не всѣ ясно

разслышать чтеніе Св. Евангелій, особенно 1-го, на которое очень многіе и опаздываютъ.

Объяснивъ внѣшній и внутренній характеръ нашей книги, мы снова обращаемся ко всѣмъ, трудящимся на одномъ съ нами поприщѣ, съ покорнѣйшею просьбою не оставить нашей книги безъ замѣчаній, какъ въ отношеніи ея всецѣла, такъ и отдѣльныхъ частей. На всѣ сколько-нибудь дѣльные вопросы и замѣчанія мы не замедлимъ отвѣчать, потому-что такая полемика можетъ привести къ результатамъ очень полезнымъ. Каждый пойметъ, что нашъ трудъ почти новый въ своемъ родѣ; въ немъ видно по крайней мѣрѣ желаніе дать что-нибудь дѣйствительно насущное, а не такъ *что-нибудь*; трудъ гораздо болѣе самостоятельный, нежели обыкновенные сборники статей для чтенія, которыми теперь мы пробавляемся: слѣдственно судить насъ слишкомъ строго было бы несправедливо, и мы вправѣ просить, чтобъ насъ *не осуждали только*; какъ нынче принято, а *помогли бы* намъ добрыми, полезными совѣтами.

М. Николенко.

ГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ I. Для ученія наизусть и различныхъ письменныхъ упражненій:
1) Статьи съ примѣчаніями . . . . . 1.
2) Статьи безъ примѣчаній . . . . . 22.

Отдѣлъ II. Для чтенія, устнаго пересказа и различныхъ письменныхъ упражненій:
1) Статьи съ примѣчаніями . . . . . 33.
2) Статьи безъ примѣчаній . . . . . 99.

Отдѣлъ III. Для бесѣдъ о составѣ русской рѣчи, разбора предложній и письменныхъ упражненій . . . . . 142.

Отдѣлъ IV. Для первоначальныхъ занятій языкомъ церковно-славянскимъ . . . . . 187.

Алфавитный указатель статей по всѣмъ отдѣламъ.

Баба-Яга (сказка) . . . . . 38.
Баринъ, для чего ты пташку убилъ? Тургеневъ . . . . . 88.
Бесѣда 1 о составѣ русской рѣчи М. Н. . . . . 142.
Бесѣда 2 о составѣ русской рѣчи М. Н. . . . . 152.
Бесѣда 3 о составѣ русской рѣчи М. Н. . . . . 163.
Бирюкъ (сказка) . . . . . 47.
Бонапартъ и черногорцы. А. Пушкинъ . . . . . 120.
Братъ и сестра. С. Аксаковъ . . . . . 55.
Вавило. В. Остр. . . . . 96.
Ведряный день. Григоровичъ . . . . . 13.
Вездѣ хорошо. Тургеневъ. . . . . 92.
Веселье и горе. Баратынскій . . . . . 6.
Весеннія воды. Тютчевъ . . . . . 22.
Весна. А. Пушкинъ. . . . . 71.
Весна. Плещеевъ . . . . . 151.
Водопадъ и Ручей. Крыловъ. . . . . 10.
Водяная мельница. С. Аксаковъ . . . . . 181.
Возвращеніе гимназиста въ деревню. С. Аксаковъ . . . . . 138.
Возвращеніе на родину. Григоровичъ. . . . . 31.
Володя перестаетъ быть ребенкомъ. Толстой . . . . . 84.

Воробьи и Овсянка. Измайловъ . . . . . 25.
Воскресное утро въ деревнѣ. Жуковскій. . . . . 67.
Встрѣча Рогдая съ Фарлафомъ. А. Пушкинъ . . . . . 63.
Вурдалакъ. А. Пушкинъ . . . . . 28.
Выздоравливающее дитя. С. Аксаковъ . . . . . 53.
Гаданье на Святкахъ. Жуковскій. . . . . 16.
Голуби Три-Ивана. Даль . . . . . 82.
Гостьба у дѣдушки и бабушки, С: Аксаковъ . . . . . 54.
Двѣнадцать Евангелій, Святыхъ страстей . . . . . 198.
Деревенскій вечеръ. И. Аксаковъ . . . . . 152.
Догадливость русскихъ мужичковъ. Даль . . . . . 134.
Дорога въ степь. Тургеневъ . . . . . 123.
Дорожный колокольчикъ. Козловъ . . . . . 18.
Друзья. Хемницеръ . . . . . 58.
Дядя и племянникъ. Григоровичъ . . . . . 184.
Жаворонокъ. Жуковскій . . . . . 23.
Жаръ-Птица (сказка) . . . . . 36.
Жизнь подъ снѣгомъ. С. Аксаковъ. . . . . 133.
Жизнь и смерть. Толстой. . . . . 118.
Загадочный старикъ. Тургеневъ. . . . . 89.
Зеркало и Обезьяна. Крыловъ . . . . . 8.
Зима. А. Пушкинъ . . . . . 17.
Зима (наступленіе зимы). А. Пушкинъ . . . . . 15.
Зима. Баратынскій . . . . . 77.
Зима. Григоровичъ . . . . . 16.
Зимній буранъ. С. Аксаковъ . . . . . 29.
Зима въ деревнѣ. Григоровичъ . . . . . 182.
Зимнее утро. А. Пушкинъ. . . . . 161.
Зимнее утро. Григоровичъ . . . . . 151.
Зимняя дорога. А. Пушкинъ . . . . . 30.
Изъ воспоминаній гимназиста. С. Аксаковъ. . . . . 115.
Истинно-счастливый возрастъ. Толстой . . . . . 110.
Какъ умираетъ русскій мужикъ. Тургеневъ . . . . . 135.
Картина зимы. Баратынскій . . . . . 30.
Картина зымы. А. Пушкинъ . . . . . 29.
Картина ночи. А. Пушкинъ. . . . . 22.
Катанье съ горъ въ деревнѣ. С. Аксаковъ . . . . . 183.
Конь (Сербская пѣсня). А. Пушкинъ . . . . . 85.
Крестьянинъ и Лошадь. Крыловъ . . . . . 14.
Лебедь, Щука и Ракъ. Крыловъ . . . . . 59.
Левъ и Волкъ. Крыловъ . . . . . 31.
Лисица и виноградъ. Крыловъ . . . . . 15.
Лисица и Волкъ (сказка) . . . . . 43.
Лукоморье. А. Пушкинъ . . . . . 99.
Лѣтній вечеръ. Жуковскій . . . . . 69.
Любопытный. Крыловъ. . . . . 20.
Материнская любовь. С. Аксаковъ . . . . . 112.
Мать и больное дитя. С. Аксаковъ . . . . . 52.
Медвѣдь пріѣзжаетъ на дровняхъ въ деревню. Даль . . . . . 107.
Молитвы съ подстрочнымъ переводомъ . . . . . 189.

Молитвы, съ указаніями (въ выноскахъ) для перевода . . . . . 192.
Мужикъ, медвѣдь и лиса (сказка) . . . . . 45.
Муравей и зерно. Хемницеръ . . . . . 26.
Муравьи и Бабочка. Толстой . . . . . 26.
Мщеніе. Жуковскій . . . . . 162.
Мятель. Григоровичъ . . . . . 131.
Народныя пѣсни (двѣ). Жуковскій . . . . . 1.
Наступленіе ночи. Жуковскій . . . . . 179.
Наступленіе ночи. Лермонтовъ . . . . . 10.
Наступленіе ночи, въ лѣсу. Тургеневъ . . . . . 150.
Наступленіе ночи. Баратынскій. . . . . 21.
Наступленіе утра. А. Пушкинъ. . . . . 7.
Наступленіе утра. Козловъ . . . . . 161.
Насъ семеро. Козловъ. . . . . 116.
Насѣдка. Измайловъ . . . . . 21.
Нива. Жадовская. . . . . 24.
Нашъ домъ и садъ въ Уфѣ. С. Аксаковъ . . . . . 149.
Нищіе. Никитинъ . . . . . 4.
Нищій и Собака. Дмитріевъ . . . . . 4.
Ночевка въ татарской деревнѣ. С. Аксаковъ . . . . . 124.
Обитель. Козловъ . . . . . 19.
Овсяный кисель. Жуковскій . . . . . 74.
Огородъ. Тургеневъ . . . . . 173.
О пользѣ труда въ юности . . . . . 174.
О рыбакѣ и рыбкѣ. А. Пушкинъ . . . . . 101.
Осенніе вечера. С. Аксаковъ . . . . . 73.
Осень. Кольцовъ. . . . . 179.
Осень въ деревнѣ. С. Аксаковъ . . . . . 150.
Осень. А. Пушкинъ. . . . . 178.
Осень въ деревнѣ. Григоровичъ . . . . . 28.
Отправленіе въ гимназію. С. Аксаковъ . . . . . 78.
Парашинскіе родники. С. Аксаковъ . . . . . 122.
Пейзажъ. И. Аксаковъ , ... 24.
Пейзажъ. Григоровичъ . . . . . 9.
Первыя воспоминанія. Даль . . . . . 61.
Первые уроки рисованія у дяди. С. Аксаковъ . . . . . 79.
Перелетная птичка. А. Пушкинъ . . . . . 2.
Полдень. И. Аксаковъ. . . . . 22.
Портретъ швеи. С. Аксаковъ. . . . . 62.
Пословицы и поговорки . . . . . 159.
Послѣ половодья. С. Аксаковъ . . . . . 121.
Потокъ. Козловъ. . . . . 30.
Похороны дѣдушки. С. Аксаковъ . . . . . 57.
Появленіе первой ласточки. Плещеевъ. . . . . 160.
Притча о дубовой бочкѣ. Даль . . . . . 49.
Птичка. А. Пушкинъ . . . . . 2.
Путница. Козловъ . . . . . 87.
Разсѣянность. С. Аксаковъ . . . . . 177.

Родство. М. Н. . . . . 108.
Рукодѣльная пѣсня. Одоевскій . . . . . 64.
Русакъ. С. Аксаковъ . . . . . 13.
Рыбачья хата. А. Пушкинъ . . . . . 86.
Рыбная ловля крестьянъ. С. Аксаковъ . . . . . 181.
Сиротка. Козловъ . . . . . 5.
Сиротка. Жуковскій. . . . . 59.
Сказка о набитомъ дуракѣ . . . . . 100.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. А. Пушкинъ . . . . . 101.
Сладкое пробужденіе больного ребенка. С. Аксаковъ . . . . . 50.
Слонъ и Моська. Крыловъ . . . . . 11.
Смѣтливость и смѣлость русскаго мужика. Даль . . . . . 137.
Собака и Лошадь. Крыловъ . . . . . 5.
Солнце, морозъ и вѣтеръ. (Народн. сказка) . . . . . 18.
Соловей и Чижъ. Хемницеръ . . . . . 23.
Спускъ пруда. С. Аксаковъ . . . . . 180.
Степь въ концѣ лѣта. С. Аксаковъ . . . . . 72.
Сѣнокосъ. И. Аксаковъ . . . . . 25.
Сѣнокосъ. Майковъ . . . . . 12.
Титъ. В. Остр. . . . . 93.
Тишина ночи. Козловъ . . . . . 162.
Три-Ивана. Даль . . . . . 81.
Уборка хлѣба. Толстой . . . . . 130.
Увядающая природа. Тургеневъ . . . . . 27.
У страха глаза велики. Даль . . . . . 119.
Утренняя звѣзда. Жуковскій. . . . . 66.
Утренняя пѣсня. Одоевскій . . . . . 7.
Утро на берегу озера. Никитинъ . . . . . 174.
Червячокъ. Одоевскій . . . . . 125.
Чижъ и Голубь. Крыловъ. . . . . 3.
Что знаешь, о томъ не спрашивай. Даль . . . . . 3.

ОТДѢЛЪ I.

Народныя пѣсни.

1.

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный,
Боже, царя храни!

2.

Слава на небѣ солнцу высокому,
На землѣ государю великому;
Слава на небѣ утру прекрасному,
Не землѣ государынѣ ласковой.
Слава на небѣ ясному мѣсяцу,
На землѣ государю-наслѣднику;
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи,
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ
И великому князю съ княгинею.
Слава громамъ, играющимъ на небѣ,
Слава храброму русскому воинству.
Слава небу всему лучезарному,
Слава Русскому царству великому.
Веселися ты, солнце небесное,
Много лѣтъ царю благовѣрному!

В. Жуковскій.

Объясните: народныя пѣсни (гимнъ), скипетръ, держава, вѣнецъ, тронъ, державный царь, православный царь, бѣлый царь, надёжа-государь, царь батюшка, царь-государь, наслѣдникъ, великій князь.

Назовите имя и отчество: Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника, Его супруги и всѣхъ прочихъ особъ Августѣйшей фамиліи.

Кто и чему уподобленъ во 2-й пѣснѣ? Чему уподоблено Русское царство? А русское воинство?

Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать.

А. Пушкинъ.

Что утѣшаетъ его? Почему? Не лучше ли птичкѣ сидѣть въ клѣткѣ, имѣя готовый кормъ и питье? Зачѣмъ птичекъ держатъ въ клѣткахъ? Не грѣшно ли это?

Объясните слова: чужбина, родина, отечество, обычай, обрядъ, доступенъ утѣшенью, роптать, жаловаться. Отличите слова: моръ и моръ (въ примѣрахъ).

Въ словахъ, кончающихся на *чка*, не вставляйте ъ: птичка, печка, свѣчка, рѣчка и др.

Перелетная птичка.

Птичка Божія не знаетъ,
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ:
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ;
Людямъ скучно, людямъ горе,
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за синее море,
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

Неужели у птички нѣтъ никакой заботы, и она не знаетъ, что такое трудъ? Почему она не нуждается въ долговѣчномъ гнѣздѣ? Какъ птичка

внемлетъ гласу Бога? Почему весна называется красою природы? Что значитъ перелетная птичка? А какъ называются тѣ птички, которыя остаются у насъ во всякое время года?

Объясните: птичка Божія, долговѣчный, солнце красное (красна дѣвица, красны денёчки), внемлетъ гласу, встрепенется, теплый край, сине море, осень несетъ непогоды.

Отличите слова: *глазъ* и *гласъ* (въ примѣрахъ).

Что знаешь, о томъ не спрашивай.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему навстрѣчу.—«Здорово»!—Здорово. «А что везешь»?—Дрова. «Какія дрова? вѣдь у тебя сѣно?» «А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь».

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «а вѣдь и *вп*равду, *чего*-жь я спрашивалъ?»

Даль.

Для чего-же въ самомъ дѣлѣ мужикъ спрашивалъ? Случалось ли подобное съ вами, припомните-ка хорошенько? Давали ли вы подобный отвѣтъ? Повторите же этотъ разговоръ? На сколько тутъ есть смѣшного и естественнаго? Объясните слово *здорово* (къ чему оно относится?), напр.: Какъ ты живешь?

Замѣтьте правописаніе словъ: *Сѣно, сѣдой, сѣни* (*сѣнь*), *сѣра, сѣрый, сѣтовать, сѣчь* (*сѣку*), *сѣять* (*сѣмя*).

Чижъ и голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка западня,
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
«Не стыдно-ль», говоритъ: «средь бѣла дня
Попался.
Не провели бы такъ меня,
За это я ручаюсь смѣло».
Анъ, смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впредь чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

Крыловъ.

«Чему посмѣешься тому поработаешь»

Что случилось съ чижомъ? А съ голубемъ? Котораго больше жаль? Почему? Какъ смѣялся голубокъ надъ чижомъ?

Объясните слова: западня, металася, издѣвался, бѣлъ день, красныя денёчки, сѣренькій денекъ, провести, ручаться, силокъ.

Отличите слова: провести и привезти. Почему въ словѣ *голубок* послѣ *л* и въ словѣ *тому* послѣ *т* надо писать *о*?

Нищіе.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньѣ,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой.

Никитинъ.

Зачѣмъ люди, надѣвъ сумку, ходятъ *побираться*? Что можетъ принудить къ этому человѣка? Одна ли только бѣдность? Должно-ли жалѣть ихъ? Если имъ не отказываютъ въ подаяньѣ и въ пріютѣ, такъ что-же жалѣть ихъ? Какъ надо помогать нищимъ?

Объясните: Христа ради, неволя, горькая доля, безпріютный людъ, разумное Божье созданіе.—Отличите слова: кровъ и кровь; подъ и потъ; сума и сумма; трудъ и трутъ; людъ и лютъ; безъ и бѣсъ; замѣтьте-же ихъ правописаніе.

Нищій и собака.

Большой боярскій дворъ собака стерегла.
Увидя старика, входящаго съ сумою,
Собака лаять начала.
«Умилосердись надо мною!»
Съ боязнію, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:
«Я сутки ужъ не пилъ... отъ глада умираю».
—«Затѣмъ-то я и лаю»,

Собака говоритъ: «чтобъ ты накормленъ былъ».
Наружность иногда обманчива бываетъ:
Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а кусаетъ.

Дмитріевъ.

Какъ собака стережетъ дворъ? Зачѣмъ же она лаяла, увидя нищаго? Отчего бѣднякъ молилъ ее шепотомъ (пошептомъ)? Почему не слѣдуетъ судить, или заключать, по наружности?

Объясните: боярскій дворъ, умилосердиться, обманчивая наружность. Замѣтьте правописаніе словъ: боязнь, непріязнь, казнь; сутки и судки. Какое значеніе имѣетъ здѣсь слово *надо*? А какое значеніе оно можетъ еще имѣть? (примѣръ).

Сиротка.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится.....
вѣрно мать!—
И залилася я слезами.

Козловъ.

Что значитъ сирота? Отчего сиротка залилась слезами?

Покажите различіе между: лѣсомъ, рощею, садомъ, паркомъ, огородомъ. Объясните слова: тяжелый сонъ, мечта, привольно.

Замѣтьте правописаніе словъ: вѣра, вѣдать, вѣсть, вѣкъ, вѣнецъ, вѣникъ, вѣрить, вѣсить (вѣсъ), вѣтвь, вѣтръ (вѣтеръ), вѣять, вѣщать.

Послѣ буквъ *ж, ч, ш, щ*, надо писать *и*, а не *ы*.

Собака и Лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считаться стали.
«Вотъ» говоритъ Барбосъ: «большая госпожа!
По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;

И можно-ли тебѣ равняться въ чемъ со мною?
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу!»
—Конечно—лошадь отвѣчала:
Твоя правдива рѣчь;
Однако-же, когда-бъ я не пахала,
То нечего-бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.

Крыловъ.

О чемъ спорили лошадь и собака? Кто изъ нихъ приноситъ человѣку больше пользы? Перечислите, какую пользу приноситъ собака? А лошадь? Какой смыслъ имѣлъ отвѣтъ лошади?

Объясните слова: считаться, пахать, удальство, вѣдать, стадо, надзоръ, правдивая рѣчь.

Замѣчайте въ словахъ окончанія: *ою, аго, его, яго* и не пишите вмѣсто ихъ *аво, ова, ево*, какъ вы произносите. Замѣтьте правописаніе словъ: *считать, счетъ, счастіе* (несчастный). Почему въ словахъ *крестьянин, лошадью, ночью, большая, удальствъ* надо вставлять ь? Послѣ *ж, ч, ш, щ* надо писать *а, у*, а не *я, ю*.

Веселье и горе.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что жъ? поссорилися вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Не долго розно побродили:
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути!

Баратынскій.

Почему веселье и горе названы друзьями? Отчего они разошлись? Отчего опять они сошлись? Почему они неразлучны? Было ли бы горе, если бъ не было веселья—и на оборотъ? Что подразумѣвается подъ вопросомъ: *но что жъ?*

Объясните: рука съ рукой, дорога бытія, несходные друзья, улучили, молвили, молва народа. Отличите слова: ходить, идти, блуждать, странствовать, путешествовать, влачиться, шагать, плестись, пробираться, тащиться.

Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?»—Лечиться,—
Смиренно прожурчалъ ручей.

Крыловъ.

Что за гости приходили къ ручью? А къ водопаду? Чѣмъ водопадъ гордился? Можно ли этимъ гордиться? Почему? Какъ и что отвѣчалъ ручей водопаду? Какъ называются люди, подобные этому водопаду? А подобные этому ручью? Хорошо ли быть гордымъ? Почему?

Объясните: кипящій водопадъ, свергаясь, цѣлебный ключъ, надменность (а смиреніе?), лечебная сила, бѣденъ водою, прожурчалъ ручей. Отличите слова: смирный и смиренный.

Послѣ буквъ *ж, ч, ш, щ* надо писать *и, у, а*, а не *ы, ю, я* (еще послѣ какихъ?).

Слонъ и Моська.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно, на-показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на-встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»
Ей шафка говоритъ: «тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
—Эхъ, эхъ!—ей Моська отвѣчаетъ:
—Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай, Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона.

Крыловъ.

Великій человѣкъ мишь громокъ на дѣлахъ.

Съ грустью должно признаться, что нерѣдко случается встрѣчать и между людьми, похожихъ на эту моську, которые думаютъ выка-

заться тѣмъ, что кричатъ противъ каждаго, особенно про старшихъ, сильныхъ умомъ и славныхъ дѣлами. Человѣкъ благоразумный, разумѣется, не обращаетъ на такихъ крикуновъ никакого вниманія и идетъ своимъ путемъ, какъ этотъ слонъ, хотя безъ труда могъ бы уничтожить ихъ однимъ своимъ словомъ.

Отличите слова: *метать* и *мѣтить*; *лѣзть* и *лесть*; *храпишь* и *хрипишь*.

Замѣтьте правописаніе словъ: срамъ, сраженіе, нравится (не надо ставить въ серединѣ *д*).

Сѣнокосъ.

Пахнетъ *сѣ*номъ надъ лугами.
Въ пѣсн*ѣ* душ*у* веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ—сухое уб*и*раютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ....
Возъ ростетъ, ростетъ, какъ домъ.....
Въ ожиданьѣ конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши *в*розь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ.
Только жучка удалая
Въ рыхломъ *сѣ*нѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

Майковъ.

Что дѣлаютъ бабы? чѣмъ заняты мужики? какой видъ приняла лошадь? А что говорится о жучкѣ?

Объясните слова: убогій, вкопанный, въ попыхахъ.

Замѣтьте правописаніе словъ: пѣсня, плѣнъ, плѣсень, плѣть, полѣно, пѣхот а, пѣшій (пѣшкомъ). Отличите слова: пѣсня и пѣснь.

Укажите ошибки въ словахъ: шючю, щажю, шыла. Почему? Если вы поставите удареніе на первомъ *и*, какое значеніе получитъ слово *мужички*.

Ведряный день.

И вправду, хорошъ и *упоителенъ* Божій день въ ведряное, теплое лѣто; какое *ликованье* во всей природѣ, во всемъ мірѣ! все *трепещетъ жизнію*, все проникнуто ею; каждая травка, каждое растеніе издаетъ какой-то шелестъ, сливающійся въ стройную, нѣжную *гармонію*; все, на что устремляются взоры, наполняетъ душу радостнымъ, непостижимо-прекраснымъ чувствомъ. День былъ невыносимо-зноенъ; *солнце горѣло* высоко и знойно. Въ полѣ, въ рощѣ, въ воздухѣ *царствовало безмолвіе*; ничто не шелыхалось, не отзывалось жизнію; кузнечикъ пріутихъ, не трещалъ въ тѣсной травѣ; даже гибкіе, длинные стебли чеснока съ ихъ тучною верхушкою стояли неподвижно на *закраинѣ дороги*. Густой паръ подымался изъ земли и растеній, и душно было въ *переливающихся струяхъ воздуха*.

Григоровичъ.

И такъ, что-же значитъ *ведряный* день? Что значить *вёдро*? У какого класса народа это слово въ разговорѣ чаще употребляется? Въ какое время года бываютъ такіе дни? Какъ человѣкъ чувствуетъ себя въ такіе дни? Объясните слова и выраженія, напечатанныя курсивомъ.

Русакъ.

«Вонъ, гдѣ лежитъ русакъ, Сережа!» сказалъ мой отецъ и указалъ на гриву желтаго камыша, проросшую кустами и примыкавшую къ крутцу. «Русакъ побѣжитъ въ гору, и потому все это мѣсто обметано тенетами. Видишь ихъ, какъ они висятъ на кустикахъ? Ну, смотри же, что будутъ дѣлать.» [1]) Народу было съ нами человѣкъ двадцать; одни зашли сзади, а другіе съ боковъ, и такимъ образомъ подвигаясь впередъ полукругомъ, принялись шумѣть, кричать и хлестать холудинами по камышу. [2]) Въ одну минуту вылетѣлъ русакъ, какъ стрѣла, покатилъ въ гору, ударился въ тенета, вынесъ ихъ впередъ на себѣ съ сажень, увязилъ голову и лапки, зату-

---

[1]) Въ чемъ состоялъ разговоръ отца съ Сережей? [2]) Что говорится о народѣ?

тался и завертѣлся въ сѣткѣ [3]). Люди кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ къ попавшему зайцу; я также кричалъ во всю мочь и бѣжалъ изо всѣхъ силъ [4]). Что за красавецъ былъ этотъ старый матерой русакъ! Черные кончики ушей, чёрный хвостикъ, желтоватая грудь и переднія ноги, и пёстрый въ завиткахъ ремень по спинѣ.... Я задыхался отъ восторга, самъ не понимая его причины! [5])... *С. Аксаковъ.*

На сколько же частей можно раздѣлить эту статью? Повторите содержаніе первой части, второй, и т. д. (отвѣчаютъ разные ученики, и за тѣмъ статья легко заучивается наизустъ).

Крестьянинъ и [illegible]

Крестьянинъ засѣвалъ овесъ;
То видя, лошадь молодая
Такъ про себя ворчала разсуждая:
За дѣломъ столько онъ овса сюда принесъ!
Вотъ, говорятъ, что люди насъ умнѣе;
Что можетъ быть безумнѣй и смѣшнѣе,
Какъ поле цѣлое изрыть,
Чтобъ послѣ разсорить
На немъ овесъ свой по-пустому?
Стравилъ бы онъ его иль мнѣ, или гнѣздому;
Хоть курамъ бы его онъ вздумалъ разбросать—
Все-бъ было болѣе похоже то на стать;
Хоть спряталъ бы его: я видѣла-бъ въ томъ скупость;
А по-пусту бросать!—нѣтъ, это просто глупость!
Вотъ къ осени межъ тѣмъ овесъ тотъ убранъ былъ,
И нашъ Крестьянинъ имъ того-жъ коня кормилъ.

Крыловъ.

Почему лошадь такъ разсуждала? Не судятъ ли иногда подобнымъ образомъ люди? Какъ называютъ такихъ людей? Какого человѣка называютъ опытнымъ? Могутъ ли дѣти справедливо судить о поступкахъ взрослыхъ? Почему?

Поставьте ударенія въ словахъ: молодой, молодъ, молодка; молотъ, молотка; говорить, говоръ, разговоръ? Какъ-же произносится *о* безъ ударенія? Замѣтьте правописаніе словъ *молодъ* и *молотъ*.

---

[3]) Что говорится о русакѣ? [4]) О комъ тутъ говорилось? [5]) Какъ онъ описываетъ русака?

Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись:
У кумушки на виноградъ
Запрыгали глаза, и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ.
Лишь то бѣда: висятъ онѣ высоко.
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись по-пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ: ягодки нѣтъ зрѣлой—
Тотчасъ оскомину набьешь»!

Крыловъ.

Почему лиса называется кумою? Отчего сначала виноградъ такъ понравился ей, а потомъ она не взлюбила его? Съ чего у нея взялась досада? Изъ чего видно, что виноградъ ей нравился? Дѣйствительно ли виноградъ былъ незрѣлъ? Изъ чего же вы это заключили?

Объясните: лоза, грозды, рдѣлись, яхонты, оскомина; запрыгали глаза, и зубы разгорѣлись; хоть видитъ око, да зубъ нейметъ; тотчасъ оскомину набьешь.

Замѣтьте правописаніе словъ: лѣзть (залѣзла), лѣстница, лѣвый, лѣнь лѣнивый), лѣпить, лѣсъ, лѣто, лесть; вѣсить и висить.

Зима.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою

Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

А. Пушкинъ.

Чѣмъ начинается зима? Отчего тутъ говорится про сѣверъ, а не про другую какую страну свѣта? Объясните выраженіе *сѣверъ дохнулъ и завьюлъ*? Почему зима названа волшебницей? Какую картину представляетъ зима? Какъ *блеснулъ* морозъ? Какія-же проказы творитъ зима? Отчего зиму называютъ матушкой? Всѣ ли такъ ее величаютъ? Какое врема года больше вамъ нравится? Чѣмъ же оно вамъ нравится? Какія удовольствія можно имѣть зимою, лѣтомъ, весною, осенью?

Замѣтьте правописаніе словъ: *сѣверъ*, *снѣгъ*, *стрѣла*, *стѣна*, *смѣхъ*, (*смѣяться*), *слѣдъ*, *слѣпой*.

Зима.

Всякій знаетъ, что зима ходитъ въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и угламъ и будитъ бабъ топить ночью печи. Идетъ-ли она по полю—за нею вереницами ходятъ мятели и просятъ у нея дѣла; идетъ-ли по лѣсу—сыплетъ изъ рукава иней; идетъ-ли по рѣкѣ—куетъ воду подъ слѣдомъ на три аршина.... И что жъ?—всякій, встрѣтившійся съ нею, прикутается только въ овчину, повернется спиною да идетъ на полати.

Григоровичъ.

Какъ говорится здѣсь о зимѣ? Какою она представляется? Какъ надо понимать, что зима *ходитъ въ шубѣ*, *стучится*, *будитъ бабъ*, *сыплетъ изъ рукава*, *куетъ воду*?

Отличайте въ правописаніи слова: *будитъ* и *будетъ*.

Гаданья на святкахъ.

Разъ въ *Крещенскій вечерокъ*
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу *зерномъ*;

Ярый воскъ топили;
Въ чашу, съ чистою водой,
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки *подблюдны*

В. Жуковскій.

Объясните слова и выраженія, напечатанныя курсивомъ. Какъ-же гадаютъ на святкахъ? Что такое святки? Всѣ ли классы народа проводятъ такъ святки? Какъ же веселятся въ это время образованные люди? Почему же они не гадаютъ? Хорошо ли гадать? Почему? Только ли на святкахъ гадаютъ? Не знаетъ ли кто изъ учениковъ, еще какъ гадаютъ? А не гадаемъ ли и мы иногда: вызоветъ меня сегодня учитель. или нѣтъ?

Замѣтьте правописаніе словъ: *с*четъ (*с*читать), *с*частіе.

Зима.

Въ тотъ годъ *осенняя* погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа—
Снѣгъ выпалъ только въ *январѣ*,
На *третье* въ ночь. Проснувшись *рано*,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ *легкіе* узоры,
Деревья въ зимнемъ *серебрѣ*,
Сорокъ *веселыхъ* на дворѣ
И *мягко устланныя* горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все *бѣло* кругомъ.

А. Пушкинъ.

Изъ чего видно, что это было въ началѣ зимы? А какими признаками выражается конецъ зимы? Что слѣдуетъ послѣ зимы? А что ей предшествуетъ? Сколько же временъ года? Въ какомъ порядкѣ они слѣдуютъ одно за другимъ? Почему такъ?

Объясните слова: куртина, зимнее серебро, коверъ зимы. Зачѣмъ слово *ждала* повторено (ждала-ждала)? Замѣтьте правописаніе словъ: январь, ямщикъ, янтарь, ягненокъ. Отличите слова: *услать* и *устлать*.

Дорожный колокольчикъ.

Когда дорогою большою
Прохожій встрѣтится со мною,
И колокольчикъ прозвенитъ:
Всегда въ мое воображенье
Онъ броситъ тайное смущенье,
И какъ-то сердце мнѣ стѣснитъ.
Напоминаютъ эти звуки
Обманъ надеждъ, печаль разлуки;
Быть можетъ, страждущую мать
Любимый сынъ спѣшитъ обнять—
Увы! застанетъ ли родную!

Козловъ.

Что напоминаетъ дорожный колокольчикъ? Отчего онъ смущаетъ? Какое чувство въ авторѣ обнаруживаетъ это стихотвореніе? Изъ какихъ строкъ это видно? Понимаете ли фразу *колокольчикъ броситъ въ мое воображенье тайное смущенье*? Скажите ее проще?

Объясните: большая дорога (какая же еще бываетъ?), тайное смущенье, тѣснитъ сердце, обманъ надеждъ. Замѣтьте правописаніе словъ: спѣшитъ (успѣхъ), свирѣпый, свѣжій, свѣтъ. Какія слова еще вы помните, начинающіяся съ буквы *с* и имѣющія въ срединѣ *ѣ*?

Солнце, морозъ и вѣтеръ.

Шелъ мужикъ, а навстрѣчу ему солнце, морозъ и вѣтеръ. Мужикъ сталъ посреди дороги и поклонился имъ въ поясъ.

«Это онъ мнѣ кланяется», сказало солнце: «чтобы я его не жгло».

«Нѣтъ, не тебѣ, а мнѣ», сказалъ морозъ: «потому что онъ меня болѣе боится».

«Полно-те вздоръ молоть!» перебилъ обоихъ вѣтеръ: «не вамъ мужикъ кланялся, а мнѣ!»

И начали они между собою спориться и ссориться.

«А коли такъ», сказало наконецъ солнце: «то спросимъ же самого мужика».

Догнали они мужика и спросили «скажи, мужикъ, кому изъ насъ троихъ ты отдавалъ поклонъ?»

—«Вѣтру», отвѣчалъ мужикъ.

«Ну что? *вѣдь* говорилъ я, что не вамъ, а мнѣ!» сказалъ вѣтеръ.

«Такъ я-жъ его, какъ рака, испеку!» сказало солнце: «будетъ онъ меня помнить.»

—«Не испе*чешь*»! возразилъ вѣтеръ: «какъ начну я дуять и охлаждать его, такъ не испе*чешь*»!

«Ну, такъ я его, бездѣльника, заморожу!» сказалъ морозъ.

—«Полно, старина! перестану дуть, такъ безъ меня не заморози*шь*.»

И побрелъ мужикъ своей дорогой цѣлъ и невредимъ.

(изъ народн. сказокъ) *Аѳанасьева.*

Послѣ объяснительнаго прочтенія, статью можно продиктовать, останавливаясь на словахъ съ курсивными буквами и заставляя слабѣйшихъ учениковъ сперва сказать, какъ слѣдуетъ написать такое-то слово съ объясненіемъ, на сколько возможно, почему, на основаніяхъ, изложенныхъ въ предъидущихъ примѣчаніяхъ.

Обитель.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой,
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ кельи, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой.

Козловъ.

Опишите видъ обители? Гдѣ обитель находится? Видъ Днѣпра въ этомъ мѣстѣ?

Объясните слова: обитель, монастырь, инокъ, башня, келья, студе-

ный, цѣлительный. Покажите различіе въ словахъ: зубы, зубья, зубцы. Какія слова еще сокращаются подобно слову *берегъ—брегъ*? Отличите слова: святить и свѣтить. Замѣтьте правописаніе словъ: Днѣпръ, Днѣстръ, дѣва (дѣвица), дѣло (дѣяніе), дѣвать, одѣвать (одежда), надѣяться (надежда), дѣдъ, дѣти, дѣлить.

Любопытный.

«Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?»
—Въ кунсткамерѣ, мой другъ: часа тамъ три ходилъ.
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ я птицъ тамъ не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни, какъ изумрудъ, другіе, какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!—
«А видѣлъ ли слона? каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
—Да развѣ тамъ онъ?—«Тамъ»—Ну, братецъ, виноватъ,
Слона-то я и не примѣтилъ.

Крыловъ.

«Не замѣчаемъ часто мы, любуясь бугорками горы».

Отчего онъ не примѣтилъ слона? Какъ такихъ людей называютъ? Все ли равно, что *три часа*, что *часа три*? Почему не станетъ у него ни умѣнья, ни силъ пересказать, что онъ видѣлъ?

Объясните: кунсткамера, подлинно, палата, тороватый, изумрудъ, коровки, на взглядъ, чай, здорово-ли живешь? Отличите слова: любопытный и любознательный; пріятель, другъ, товарищъ, знакомый. Измѣните слова: другъ, козявки, изумрудъ, коровки, головки, взглядъ, кругъ—такъ чтобы буквы *г, в, д*, стали слышны ясно.

Замѣтьте правописаніе словъ: звѣрь, звѣзда, змѣй (змѣя), звать, звукъ, ротозѣя), затвать (затѣи). Переставьте удареніе въ словѣ *дорогой* на второе *о*?

Насѣдка.

«Куда-какъ я ужасно похудѣла!»
Насѣдка хвастала передъ сестрой своей:
«Подумай, двадцать дней
На яицахъ сидѣла,
Все время не пила, не ѣла!...
Скажу, что много было дѣла»!...
— А много-ль у тебя, скажи, цыплятокъ всѣхъ?—
Подруга у нея спросила.
«Да нѣтъ ни одного, попуталъ какъ-то грѣхъ:
Всѣ яица передавила.»

Измайловъ.

И такъ много ли вышло пользы отъ трудовъ насѣдки? Почему? Что-же изъ того слѣдуетъ?

Замѣтьте, что буквою *ѣ* начинаются только слѣдующія слова: *ѣхать* и *ѣсть* (кушать) и производныя отъ нихъ: *ѣздить*, *ѣздокъ*, *наѣздникъ*, *ѣда*, *съѣстное* и др.

Наступленіе ночи.

Уже пустыня *сномъ объята*;
Всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой,
Сливая свѣтъ *багряный* свой
Съ послѣднимъ *пурпуромъ* заката;
Двойная трепетная тѣнь
Отъ черныхъ сосенъ *возлегаетъ*,
И ночь прозрачная смѣняетъ
Погасшій непримѣтно день.

Баратынскій.

О какихъ предметахъ природы здѣсь говорится? Что говорится о каждомъ изъ нихъ? Какими признаками прямо выражается наступленіе ночи? Объясните слова, напечатанныя курсивомъ.

Замѣтьте правописаніе словъ: мѣсяцъ, мѣдь, мѣлъ, мѣнять, мѣра, мѣсто, мѣхъ, мѣшать, медвѣдь, мѣтить (замѣтка).

Картина ночи.

Нависъ *покровъ угрюмой ночи*
На сводѣ *дремлющихъ небесъ*:
Въ безмолвной тишинѣ *почили даль и рощи*,
Въ *сѣдомъ туманѣ* дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ *сѣнь* дубравы,
Чуть *дышетъ вѣтерокъ*, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.
Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ:
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ....

А Пушкинъ.

Какіе предметы природы входятъ въ составъ этой картины? Что говорится о каждомъ изъ нихъ? Зимняя эта картина, или нѣтъ? Изъ чего это видно?

Полдень.

Сіялъ безоблаченъ сводъ неба голубой,
На полдень солнце становилось.
Ни звуковъ, ни рѣчей: палитъ и пышетъ зной;
Все будто спитъ, иль притаилось:
Жара и тишина! Манитъ издалека
Безмолвный лѣсъ прохладной тѣнью;
Катилась медленно лѣнивая рѣка,
Послушна вѣчному стремленью!...

И. Аксаковъ.

Отличите слова *лѣзъ* и *лѣсъ*. Замѣтьте правописаніе словъ: рѣчь, рѣка, рѣзать, рѣдкій, рѣзвый, рѣпа, рѣсница, рѣшить; рѣдька и рѣшето, пишутъ также редька и решето.

Весеннія воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужь весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,

Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ;
Мы молодой весны гонцы;
Она насъ выслала впередъ!»
Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Тютчевъ.

Жаворонокъ.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
«Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны;
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Тамъ безпредѣльно, такъ воздушно!
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя!»

Жуковскій.

Соловей и Чижъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И Чижъ и Соловей висѣли
И пѣли.
Лишь только Соловей, бывало, запоетъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даетъ:
Все птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ хорошо поетъ.
Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаетъ.

«Ну, говоритъ: узнай, мой свѣтъ,
Которая тебя такъ много забавляетъ?»
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ:
«Вотъ, батюшка, она!» сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньѣ:
«Какія перышки! Куда-какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!»

Хемницеръ.

Не все то золото, что блеститъ. По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Не платье краситъ человѣка, а человѣкъ краситъ платье.

Пейзажъ.

Крутого берега бѣлѣется отвѣсъ,
Водами вешними обмытый;
На немъ село; за нимъ, подалѣ, виденъ лѣсъ,
Внизу копытами изрытый
Песокъ; вверхъ отъ рѣки ползутъ на косогоръ
Дорожекъ узкіе извивы,
А тамъ отлогій скатъ, за нимъ лежитъ просторъ,
И все луга, луга да нивы!..

И. Аксаковъ.

Нива.

Нива, моя нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ;
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую:
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!

Жадовская.

Сѣнокосъ.

Благопріятный день! Крестьяне дорожатъ
Такими днями сѣнокоса,
И ни души въ селѣ! разбросаны лежатъ
Телѣги, мятыя колеса,
Да по плетню кой-гдѣ развѣшано бѣлье;
Подъ нимъ разостланы полотна.
Но тихо все кругомъ, и всякое жилье
Глядитъ такъ сонно, такъ дремотно!
Томитъ безвѣтріе. Лучъ солнца на пескѣ
Такъ горячо, такъ ярко блещетъ...
Лишь изрѣдка порой послышится въ рѣкѣ
Какъ будто кто, купаясь, плещетъ!

И. Аксаковъ.

Сравните эту статью съ «Сѣнокосомъ» Майкова (*).

Воробьи и Овсянка.

Накрывши сѣтью воробьевъ,
Мужикъ имъ говоритъ: «вотъ я васъ всѣхъ воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали.
Недолго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону:
Всѣмъ головы сверну
И въ кашицу... Да ты, Овсянка, какъ попала?»
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
—Послушай, мужичокъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня! ничѣмъ тебѣ я не врежу;
Ужь-ли поступишь такъ со мной, какъ съ воробьями?—
«Да не помилую, конечно, и тебя!

(*) Смотри приложенія къ двумъ первымъ отдѣламъ во 2-й книгѣ.

Пѣняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами?»

Измайловъ.

Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, а я скажу, кто ты. Съ кѣмъ поживешь, такъ и прослывешь.

Муравьи и бабочка.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, жолудьми, пересохшими, обомшалыми хворостинами, желто-зеленымъ мхомъ и изрѣдка пробивавшимися тонкими, зелеными травками, кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руку хворостину и загородилъ дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ, а нѣкоторые, особенно тѣ, которые были съ тяжестями, совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода, или ворочались назадъ, или по хворостинѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки.

Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой, съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, повилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки, только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Толстой.

Муравей и зерно.

Готовя Муравей запасъ, нашелъ зерно
Межъ мелкими одно

Весьма большое.
Не Муравью бы имъ, казалось, и владать,
Да нѣтъ, затѣялъ онъ и эту ношу взять.
Зерно, онъ думаетъ, такое
Одно на цѣлую недѣлю можетъ стать:
И потащилъ зерно большое.
Дорога вверхъ горы утесистой была:
Ну, около зерна мой Муравей трудиться,
Тащить, карабкаться, лѣпиться...
Но тяжесть трудъ перемогла—
И Муравья стремглавъ съ утеса сорвала:
Грузъ въ сторону летитъ, а Муравей въ другую.

Хемницеръ.

Увядающая природа.

Солнце стало низко на блѣдно-ясномъ небѣ: лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое высохшее жнивье; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломенкахъ всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ.

Я остановился..... Мнѣ стало грустно: сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня съ боку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ; большое стадо голубей рѣзво пронеслось съ гумна и, внезпно закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю—признакъ осени.

Тургеневъ.

Осень въ деревнѣ.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ ворота и мечетъ по полямъ съ какимъ-то заунывнымъ воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста—ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены. Все живущее прячется, кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко; воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому хорошо и тепло.

Григоровичъ.

Вурдалакъ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ—шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ:
Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый я несильный:
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.
Что-же? вмѣсто вурда́лака

(Вы представьте Вани злость)—
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

А. Пушкинъ.

Сравните эту статью съ статьею «*У страха глаза велики*» (*).

Зима.

Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихрь на полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

А. Пушкинъ.

Зимній буранъ.

Страшное и печальное зрѣлище зимній буранъ, не только въ степи, но и въ тепломъ жильѣ! Занесетъ окна,—надуетъ снѣгу даже въ сѣни, замететъ всѣ дорожки отъ дома въ людскія избы, такъ что надобно отрывать ихъ лопатами; въ десяти саженяхъ не видать строенія, въ десяти шагахъ не видать человѣка! Наконецъ навалитъ такія снѣжныя громады, что, кажется, никогда онѣ не растаютъ—и унынie невольно овладѣваетъ душой! Въ столицахъ не могутъ имѣть понятія объ этомъ, но деревенскіе жители меня понимаютъ и сочувствуютъ мнѣ.

С. Аксаковъ.

Прочитайте статьи «*Мятель*» и «*Жизнь подъ снѣгомъ*».

(*) Смотри приложенie къ двумъ первымъ отдѣламъ во 2-й книгѣ

Потокъ.

Съ крутыхъ муравчатыхъ холмовъ
Въ долину ручеекъ стремится,
Играетъ, вьется межъ кустовъ
И свѣтлымъ зеркаломъ струится;
Но вскорѣ бурною зимой
Морозовъ звонкихъ ужаснется
И, ужь окованный волной,
Блестящій токъ не шевельнется.

Козловъ.

Картина зимы.

Сковалъ потоки зимній хладъ,
И надъ стремнинами своими
Съ гранитныхъ горъ уже висятъ
Они горами ледяными.
Изъ-подъ одежды снѣговой,
Кой-гдѣ вставая головами,
Скалы чернѣютъ за скалами.
Во мглѣ волнистой и сѣдой
Исчезло небо. Зашумѣли,
Завыли зимнія мятели.

Баратынскій.

Зимняя дорога.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.....
Ни огня, ни черной хаты.....
Глушь и снѣгъ..... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

Возвращеніе на родину.

Съ каждымъ поворотомъ колеса я приподымался и нетерпѣливо вытягивалъ шею. Глаза съ жадностію перебѣгали отъ ряда знакомыхъ вѣтелъ къ крышкѣ дома, которая начинала выглядывать изъ-за угла стараго сада. Я уже мысленно ступалъ по тропинкѣ, протоптанной черезъ дворъ; она вела къ липовой аллеѣ—свидѣтельницѣ моихъ дѣтскихъ игръ, первыхъ моихъ слезъ и первыхъ радостей. Существуютъ ли еще качели, привѣшанныя къ шесту между двумя старыми деревами?... Что сталось съ моимъ садикомъ, который занималъ всего аршинъ, но казался мнѣ тогда великолѣпнымъ паркомъ?... Все ли еще существуетъ и бѣлѣетъ на своемъ мѣстѣ, за ветхою стѣною амбара, каменная плитка, надъ которой, обливаясь когда-то слезами, хоронилъ я умершаго воробья?.... Я превращался въ ребенка, я волновался и радовался!..

Григоровичъ.

Левъ и Волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала,—
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни-мало.
(Она глупа еще и молода была).

Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ....
Анъ вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ ко льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: «Дружокъ,
Напрасно, глядя на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужь не щенокъ.

Крыловъ.

ОТДѢЛЪ II.

Баба-яга.

Жилъ-себѣ дѣдъ да баба; дѣдъ овдовѣлъ и женился на другой женщинѣ, а отъ первой жены осталась у него дѣвочка: Злая мачиха ея не полюбила, била ее и думала какъ-бы вовсе извести. Разъ отецъ уѣхалъ куда-то; мачиха и говоритъ дѣвочкѣ: «поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у ней иголочку и ниточку—тебѣ рубашку сшить». А тетка эта была Баба-яга, костяная нога. Вотъ дѣвочка не была глупа, зашла прежде къ своей родной теткѣ. «Здравствуй, тетушка!»—Здравствуй, родимая! Зачѣмъ пришла?—«Матушка послала къ своей сестрѣ попросить иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить». Та ее и научаетъ: «тамъ тебѣ, племяннушка, будетъ березка въ глаза стегать—ты ее ленточкой перевяжи; тамъ тебѣ ворота будутъ скрипѣть и хлопать—ты подлей имъ подъ пяточки маслеца; тамъ тебя собаки будутъ рвать—ты имъ хлѣбца брось; тамъ тебѣ котъ будетъ глаза драть—ты ему ветчинки дай». Пошла дѣвочка; вотъ идетъ и пришла.

О комъ здѣсь говорится? Кто называется дѣдомъ?—Бабой?—Мачихой?—Теткой?—Племянницей? Кто такой—вотчимъ, пасынокъ, падчерица и т. д. Кто изъ названныхъ лицъ въ сказкѣ достоинъ сожалѣнія и почему? Почему мачиха хотѣла извести свою падчерицу? Такая-же злая, или нѣтъ, была родная тетка дѣвочки? Почему она научаетъ свою племянницу коту дать ветчины именно, а не другого чего-либо, собакамъ—хлѣба и т. д.? Для чего дѣвочка зашла къ своей теткѣ?

Стоитъ хатка, а въ ней сидитъ Баба-яга, костяная нога, и ткетъ. «Здравствуй, родимая! меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мнѣ рубашку сшить.»—Хорошо; садись покуда ткать.—Вотъ дѣвочка сѣла за кросна, а Баба-яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «ступай, истопи баню, да вымой племянницу, да смотри—хорошенько!

я хочу ею позавтракать». Дѣвочка сидитъ ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и проситъ она работницу: «родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, рѣшетомъ воду носи!» и дала ей платочекъ. Баба-яга дожидается; подошла она къ окну и спрашиваетъ: «ткешь-ли, племяннушка, ткешь ли, милая?»—Тку, тетушка, тку, милая!—Баба-яга и отошла; а дѣвочка дала коту ветчинки и спрашиваетъ: «нельзя ли какъ-нибудь уйти отсюдова?»—Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце,—говоритъ котъ—возьми ихъ и убѣги; за тобою будетъ гнаться Баба-яга, ты приклони ухо къ землѣ и, какъ заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце,—сдѣлается широкая рѣка; если-жь Баба-яга перейдетъ черезъ рѣку и станетъ догонять тебя, ты опять приклони ухо къ землѣ и, какъ услышишь, что она близко, брось гребешокъ—сдѣлается дремучій лѣсъ: сквозь него она ужь не проберется!—

Почему говорится здѣсь о Бабѣ-ягѣ? (*) Дѣйствительно-ли Баба-яга злое существо? Кто живетъ у ней? Что дѣлаетъ, что даетъ и чему научаетъ дѣвочку котъ? Изъ за чего онъ дѣлается такимъ добрымъ? Что хотѣла Баба-яга сдѣлать съ дѣвочкой? О чемъ просила дѣвочка работницу и для чего?

Объясните слова: хатка, кросна, дремучій.

Дѣвочка взяла полотенце и гребешокъ, и побѣжала. Собаки хотѣли ее рвать—она бросила имъ хлѣбца, и онѣ ее пропустили; ворота хотѣли захлопнуться—она подлила имъ подъ пяточки масленца,—и они ее пропустили; березка хотѣла ей глаза выстегать—она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А котъ сѣлъ за кросна и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Баба-яга подошла къ окну и спрашиваетъ: «ткешь-ли, племяннушка, ткешь-ли милая?»—Тку, тетка, тку, милая,—отвѣчалъ грубо котъ. Баба-яга бросилась въ хатку, увидѣла, что дѣвочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глазъ. «Я тебѣ сколько служу», говоритъ котъ: «а ты мнѣ косточки не дала; а она мнѣ ветчинки дала». Баба яга накинулась на собакъ, на ворота, на березку и работницу: давай всѣхъ ругать и колотить. Собаки

(*) Примѣръ полнаго письменнаго отвѣта: *здѣсь говорится о Бабѣ-ягѣ потому, что дѣвочка пришла къ ней.*

говорятъ ей: «мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корочки не бросила, а она намъ хлѣбца дала;» ворота говорятъ: мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила»; березка говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала;» работница говоритъ: «я тебѣ сколько служу, ты мнѣ тряпочки не подарила, а она мнѣ платочекъ подарила.»

Пригодилось ли дѣвочкѣ наставленіе родной ея тетки? Что было бы съ дѣвочкой, если бы она не зашла прежде къ своей родной теткѣ? Отъ кого и отъ чего, кромѣ Бабы-яги, угрожали ей опасности? Слѣдовательно, добрѣе ли были средства, окружающія Бабу-ягу? Изъ-за чего всѣ сдѣлались такими добрыми къ дѣвочкѣ? Нѣтъ ли чего смѣшного въ этомъ разсказѣ? Развѣ котъ, собака, ворота и березка могутъ говорить? Что отвѣчали Бабѣ-ягѣ котъ, собаки, работница, березка и ворота?

Баба-яга, костяная нога, поскорѣй сѣла на ступу, толкачомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, и пустилась въ погоню за дѣвочкой. Вотъ дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-яга гонится, и ужь близко, взяла да и бросила полотенце—сдѣлалась рѣка такая широкая, широкая! Баба-яга пріѣхала къ рѣкѣ и отъ злости зубами заскрипѣла, воротилась домой, взяла своихъ быковъ и пригнала къ рѣкѣ: быки выпили всю рѣку до-чиста. Баба-яга пустилась опять въ погоню. Дѣвочка приклонила ухо къ землѣ и слышитъ, что Баба-яга близко, бросила гребешокъ—сдѣлался лѣсъ такой дремучій да страшный! Баба-яга стала его грызть; но, сколько ни старалась, не могла прогрызть и возвратилась назадъ.

Пригодилась ли дѣвочкѣ помощь кота къ побѣгу ея отъ Бабы-яги? *Въ какомъ отношеніи полотенце къ рѣкѣ, гребешокъ—къ лѣсу? Какое свойство души выражается въ погонѣ Бабы-яги за дѣвочкой?* Въ чемъ и какъ гналась Баба-Яга за дѣвочкой? Какъ дѣвочка услыхала погоню?

Объясните слова: помело, ступа, толкачъ.

А дѣдъ уже пріѣхалъ домой и спрашиваетъ: «гдѣ же моя дочка?»—Она пошла къ тетушкѣ,—говоритъ мачиха. Немного погодя и дѣвочка прибѣжала домой. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ отецъ.—Ахъ, батюшка,—говоритъ она:—такъ и такъ: меня матушка посылала къ теткѣ попросить иголочку съ ниточкой—мнѣ рубашку сшить; а тетка, Баба-яга, меня съѣсть

хотѣла.—«Какъ же ты ушла, дочка»?—Такъ и такъ,—разсказываетъ дѣвочка. Дѣдъ, какъ узналъ все это, разсердился на жену и застрѣлилъ ее, а самъ съ дочкою сталъ жить да поживать, да добра наживать. И я тамъ былъ, медъ-пива пилъ: по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Что разсказала дѣвочка отцу? Почему отецъ дѣвочки такъ строго поступилъ съ своей женой, а ея мачихой? Какое понятіе у насъ въ народѣ вообще о мачихахъ? Почему дѣвочкѣ все *споспѣшествовало* и помогало къ избавленію ея отъ неминуемой, повидимому, погибели? Чѣмъ, т. е. какими словами разсказчикъ оканчиваетъ сказку о Бабѣ-ягѣ?

Объясните слова: жить, поживать, наживать.

Скажите покороче, о чемъ говорится въ первомъ отдѣлѣ сказки, во второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ? Какія самыя главныя лица въ этой сказкѣ?

Жаръ-птица.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ царь. У этого царя были три сына: Петръ-царевичъ, Димитрій-царевичъ и Иванъ-царевичъ. И былъ у нихъ садъ; въ этомъ саду росла яблонь, и на ней золотыя яблоки. Только сталъ царь примѣчать: каждую ночь пропадаетъ по яблочку. И прошло нѣсколько времени, яблоковъ очень много нѣту. Вотъ онъ собралъ своихъ сыновей и говоритъ: «любезныя мои дѣти! ежели вы меня любите, то подкараульте этого вора. Ежели изъ васъ кто поймаетъ этого вора, то отдамъ тому полъ-царства».

Какъ начинается эта сказка? какими словами? Сколько здѣсь всѣхъ лицъ, о которыхъ говорится? Какъ называются здѣсь сыновья царскіе? Какъ надобно называть дочерей царя? Супругу царя? Кто называется наслѣдникомъ царскимъ? Какой полный титулъ нашего государя?—Государя наслѣдника?—Другихъ дѣтей государя и т. д.? Что случилось у этого царя? Какое порученіе далъ царь сыновьямъ?

Объясните слова: подкараулить, подробно, убѣдительно.

Въ первую ночъ пошелъ старшій братъ; сидѣлъ онъ до двѣнадцати часовъ; послѣ двѣнадцати часовъ и заснулъ. Когда онъ утромъ проснулся, посмотрѣлъ: яблочка одного нѣтъ. Пришелъ и разсказалъ отцу все подробно. На другую

ночь пошелъ средній братъ. То-же и съ нимъ случилось. На третью ночь сталъ меньшой братъ проситься; но отецъ на это не соглашался: «ты» говоритъ: «очень малъ: можетъ тебя что-нибудь испугать». Но онъ убѣдительно просилъ отпустить. Отецъ согласился и отпустилъ; ну, онъ и пошелъ въ садъ и сѣлъ подъ яблоньку. Только сидѣлъ нѣсколько времени, вдругъ садъ освѣтило. Видитъ Иванъ-царевичъ: летитъ Жаръ-птица; онъ притаился подъ дерево; птица подлетѣла и сѣла на сукъ. Только хотѣла яблочко склевать, какъ меньшой братъ подкрался и ухватилъ ее за хвостъ. Она вырвалась и улетѣла; а у него одно перо осталось въ рукѣ. Онъ сейчасъ перо въ платокъ, и остался здѣсь до утра. Утромъ приходитъ къ отцу своему; отецъ спрашиваетъ: «что ты, сынъ мой любезный, видѣлъ ли вора?»—Видѣлъ—говоритъ; и развернулъ Иванъ-царевичъ платокъ: это перо такъ и осіяло всю комнату. «Ахъ» говоритъ царь: «сынъ мой любезный! что-же это такая была за птица?»

Что заставило царевичей подстерегать вора въ саду? Сколько всего ночей подстерегали они его? Который изъ нихъ былъ счастливѣе, и почему? Что случилоеь со среднимъ братомъ? Что случилось съ младшимъ? Какова была эта птица? Отчего удалось младшему увидѣть вора?

Послѣ того отецъ и призвалъ тѣхъ двухъ сыновей. «Ну» говоритъ: «дѣти вы мои милыя! вора видѣли, но не поймали. Но я васъ теперь прошу: поѣзжайте вы въ путь и найдите вы мнѣ эту Жаръ-птицу. Ежели изъ васъ кто-нибудь найдетъ, тому отдамъ все царство.» Двое поѣхали, а отецъ меньшого сына не отпускаетъ. Тотъ сталъ проситься; отецъ долго не соглашался; наконецъ согласился, благословилъ ихъ всѣхъ, и поѣхали они въ путь. Ѣхали долго ли, коротко ли, и подъѣзжаютъ къ столбу. Отъ этого столба идутъ три дороги, и на столбѣ написано: «по правой сторонѣ ѣхать — быть убитому; по лѣвой сторонѣ ѣхать — быть самому голодному; по средней дорогѣ ѣхать—быть коню голодному.» Они здѣсь подумали: гдѣ кому ѣхать. Меньшой братъ по правой поѣхалъ, а тѣ двое поѣхали по тѣмъ дорогамъ.

Почему младшій выбралъ дорогу вправо? Почему царь пожелалъ имѣть Жаръ-птицу? Легче или труднѣе было найти птицу, чѣмъ под

стеречь въ саду? Почему онъ не отпускалъ и теперь младшаго сына? Болѣе или менѣе другихъ опасную дорогу выбралъ себѣ меньшой братъ? Почему? что угрожало ему?

Наконецъ меньшой братъ ѣхалъ нѣсколько времени, и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ-царевичъ и говоритъ: «избушка, поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка оборотилась къ нему передомъ. Вошелъ онъ въ избушку: на печкѣ лежитъ Баба-яга, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Онъ ей и кричитъ: «вотъ» говоритъ: «я тебя старую чертовку ссажу съ печки!» Она сама соскочила съ печки и стала его просить: «добрый молодецъ! не бей меня: я тебѣ пригожусь.» Онъ ей и говоритъ: «чѣмъ ты на меня закричала, ты бы лучше накормила, напоила и спать положила.» Она его стала спрашивать: «кто ты такой?» Онъ говритъ: «я—Иванъ-царевичъ.» Она тутъ его накормила, напоила и спать положила. Утромъ Иванъ-царевичъ проснулся, умылся, одѣлся, Богу помолился, сталъ у ней спрашивать: «не знаешь ли ты, гдѣ Жаръ-птица?» Она ему и говоритъ: «я не знаю; но ты поѣзжай дальше: тамъ будетъ сестра моя средняя, она тебѣ скажетъ. Да на тебѣ клубочекъ: когда ты повезешь Жаръ-птицу, то за тобой погонятъ, ты и скажи: клубочекъ, клубочекъ! обратись въ гору! и онъ оборотится въ гору, а ты пойдешь дальше.» Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ дальше, къ ея сестрѣ.

Опишите избушку, въ которой живетъ Баба-яга; самую Баба-ягу. Чего можно было ожидать отъ Бабы-яги, судя по предыдущей сказкѣ? Отчего-же она является такой доброй женщиной въ этой сказкѣ: *была ли она всегда такъ добра*, или только на этотъ разъ дѣлается такою? Почему именно она теперь является такою? *Какое отношеніе имѣетъ клубочекъ къ горѣ?*

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени, и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ-царевичъ и говоритъ: «избушка, избушка! поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка поворотилась къ нему передомъ. Вошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ Баба-яга, средняя

сестра, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?»—Вотъ—говоритъ—я тебя, старую чертовку, ссажу съ печки!—Она сама соскочила съ печки, Иванъ-царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ онъ всталъ и сталъ спрашивать Бабу ягу: «гдѣ Жаръ-птица?» Она ему сказала: «поѣзжай дальше, къ старшей сестрѣ.» Она ему дала тутъ гребенку. «Когда» говоритъ: «ты пойдешь съ Жаръ-птицей, за тобой погонятъ, ты и скажи: гребенка, гребенка! обратись ты въ непроходимый лѣсъ! Она оборотится, а ты поѣдешь дальше.» Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ къ старшей сестрѣ.

Почему Иванъ-царевичъ очутился у другой Бабы-яги? Отличается ли чѣмъ-нибудь эта Баба-яга отъ первой, или нѣтъ? Такая ли же избушка у этой Бабы-яги, какъ у первой? Припомните: кто и кому давалъ гребешокъ въ предыдущей сказкѣ? Съ одною и тою-же цѣлью или нѣтъ? Что значитъ *непроходимый лѣсъ*?

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени, видитъ—опять избушка на куриныхъ лапкахъ. «Избушка, избушка! повернись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Вошелъ онъ въ избушку—на печкѣ лежитъ Баба-яга, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» — Вотъ—говоритъ—я тебя, старую чертовку, ссажу съ печки!—Она сама соскочила съ печки, Иванъ-царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ Иванъ-царевичъ всталъ, Богу помолился, сталъ разспрашивать у ней о Жаръ-птицѣ. Она дала ему щетку. «Когда» говоритъ: «за тобой погонятъ, то ты скажи: щетка, щетка! обернись ты въ огненную рѣку! и она сдѣлается огненной рѣкой, а ты поѣдешь дальше. И когда ты будешь подъѣзжать къ такому-то царству, будетъ ограда, и въ этой оградѣ будутъ ворота; за этой оградой висятъ три клѣтки: въ золотой клѣткѣ ворона сидитъ; въ серебряной грачъ сидитъ; въ мѣдной Жаръ-птица. Но ты помни: не бери серебряной, и золотой, и мѣдной не бери тоже, а отвори дверку и вынь Жаръ-птицу, и завяжи въ платокъ.» Иванъ-царевичъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ въ путь.

Какое наставленіе дала третья Баба-яга царевичу? Такова ли же была третья Баба-яга, и такъ ли же приняла Ивана-царевича, какъ первыя

двѣ? Имѣетъ ли какое отношеніе щетка къ огненной рѣкѣ? Припомните: что, кому и кѣмъ дано было для того, чтобы произвести рѣку? Кто были между собою эти три Бабы-яги? Которая изъ нихъ сказала Иванъ-царевичу о Жаръ-птицѣ? Которая изъ трехъ птицъ хуже? Почему-же ворона сидитъ въ золотой клѣткѣ, грачъ въ серебряной, а Жаръ-птица въ мѣдной? Что значитъ огненная рѣка?

Объясните слова: ограда, грачъ?

Подъѣзжаетъ онъ къ царству и видитъ ограду каменную; никакъ нельзя черезъ нее перелѣзть; и въ ворота нельзя проѣхать—львы стоятъ. Только онъ посмотрѣлъ и говоритъ: «ахъ, конь мой, лошадь вѣрная моя! перепрыгни ты черезъ ограду и дай мнѣ достать Жаръ-птицу!» Онъ отъѣхалъ назадъ, разскакался и перепрыгнулъ черезъ ограду. Только онъ видитъ, что Жаръ-птица большая: въ платокъ ее нельзя завязать. Подумалъ, взялъ эту мѣдную клѣтку совсѣмъ: вдругъ колокольчики зазвенѣли, и львы разревѣлись. Онъ тутъ испугался, что его поймаютъ; разскакался, перепрыгнулъ ограду и поскакалъ дальше съ Жаръ-птицей. Только онъ отъѣхалъ нѣсколько, и видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ тутъ взялъ клубочекъ и сказалъ: «клубочекъ, обернись въ гору!» Клубочекъ обернулся въ гору, а онъ поѣхалъ дальше. Войско подскакало къ горѣ и видитъ, что непроходимая гора; то они (войско) возвратились нязадъ, взяли скребки, подъѣхали къ горѣ и раскопали ее; погнались опять за Иванъ-царевичемъ въ погоню. Только Иванъ-царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ взялъ гребенку и сказалъ: «ты, гребенка, обернись въ непроходимый лѣсъ!» Она обернулась. Войско подскакало къ лѣсу и видитъ, что непроходимый лѣсъ. Они возвратились назадъ, взяли топоры и прорубили себѣ дорогу. Они за нимъ дальше поскакали. Иванъ-царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ; онъ взялъ щетку и сказалъ: «щетка, обернись ты въ огненную рѣку!» Только войско подскакало и видитъ, что огненная рѣка. Но Иванъ-царевичъ за рѣкой легъ отдыхать. Только войско это, кто изъ людей ни кинется, то сейчасъ и ошпарится. Дѣлать имъ было нечего, и возвратились они назадъ. Иванъ-царевичъ отдохнулъ и поѣхалъ въ путь.

Легко ли было Иванъ-царевичу достать Жаръ-птицу? Выполнилъ ли онъ наставленіе старшей Бабы-яги? Что за колокольчики зазвенѣли,

и зачѣмъ они устроены были? Всѣми ли средствами, данными отъ Бабъ-ягъ, Иванъ-царевичъ воспользовался въ побѣгѣ? Всѣ ли были они дѣйствительны? Можно ли ожидать, что всѣ опасности для Ивана-царевича миновали? Какія препятствія войско уничтожило и какими средствами? Почему оно не могло уничтожить третьяго препятствія?

Объясните слова: скребка, ошпариться.

Только ѣхалъ онъ нѣсколько времени, и подъѣзжаетъ къ этому самому столбу; и у этого столба раскинутъ шатеръ, и въ этомъ шатрѣ сидятъ два молодца. Подошелъ онъ къ нимъ и узналъ, что это его братья. Онъ очень этому случаю радъ, поздоровался съ ними, разсказалъ все подробно. Онъ тутъ легъ съ ними отдохнуть. Но братьямъ стало завидно, что онъ, меньшой братъ, привезетъ къ отцу Жаръ-птицу; «но мы, старшіе, пріѣдемъ и не привеземъ ничего.» Они согласились его кинуть въ ровъ. Когда они его соннаго кинули въ ровъ, въ этомъ во рву были всякіе гады, звѣри, и даже оттуда не видать солнечнаго свѣта. Но когда ему пить и ѣсть было нечего, то онъ питался землей, и вздумалъ копать и лѣзть кверху. Только онъ полѣзъ, самъ руками копаетъ и лѣзетъ все выше да выше. Наконецъ опъ все выше да выше лѣзъ, и увидалъ оттуда солнечный лучъ. Только онъ дальше полѣзъ, и вылѣзъ наружу. Отдохнулъ нѣсколько времени около рва и пошелъ дальше.

Только подходитъ къ одному городу, и видитъ въ этомъ городѣ, что толпа стоитъ народу. Пошелъ онъ къ народу и спрашиваетъ: «что это такое значитъ—вы стоите около озера?» Они ему отвѣчаютъ: — мы ждемъ: отсюда выйдетъ змѣй шестиглавый, и должны мы ему кинуть дѣвицу; но какъ онъ всѣхъ дѣвицъ переѣлъ, то теперь должны кинуть царскую дочь.—Но онъ имъ сказалъ: «ахъ, какъ мнѣ это жалко! но покажите, гдѣ царь и дочь.» Когда царь и дочь вышли, онъ къ нимъ подошелъ. «Я вашу дочь» говоритъ: «могу спасти.» Царь и говоритъ: «теперь нельзя и думать отъ этакого змѣя.» А Иванъ-царевичъ опять говоритъ: «я вамъ спасу вашу дочь, но прикажите только связать три пучка жимолостовыхъ палокъ.» Когда связали, принесли. Вдругъ змѣй и плыветъ, на разные голоса свищетъ, реветъ; только было ротъ разинулъ, а Иванъ-царевичъ однимъ пучкомъ срубилъ ему двѣ головы; другимъ

пучкомъ другія двѣ; третьимъ еще двѣ: всѣ шесть головъ отрубилъ. Тутъ сейчасъ царь обрадовался, кинулся его цѣловать и попросилъ къ себѣ во дворецъ. Всѣ жители обрадовались, что онъ такъ змѣя побѣдилъ; такъ сейчасъ задали пиръ. А эта царская дочь была такая раскрасавица, что въ свѣтѣ мало было. Царь сталъ предлагать Иванъ-царевичу жениться. Сватьбу сыграли.

Отецъ, женивши, сталъ спрашивать Иванъ-царевича: «изъ какого ты царства?» Онъ отвѣчаетъ, что «изъ такого-то царства, такого-то царя сынъ.» Онъ сталъ его приглашать: «не угодно ли къ своему отцу повидаться? И когда вы рады къ отцу ѣхать, дамъ вамъ два во́рона, и садитесь на этихъ вороньёвъ; и когда вы сядете, то скажите: «въ такое-то царство»—васъ прямо и привезутъ.» Вотъ царь далъ имъ вороньёвъ; они сѣли и полетѣли.

Что заставило Иванъ-царевича вылѣзть изо рва на свѣтъ Божій? Какъ Иванъ-царевичъ побѣдилъ змѣя? Что заставило его рѣшиться на такой подвигъ съ змѣемъ? Какъ за сына царскаго, или какъ за героя только выдалъ за Иванъ-царевича дочь свою царь? Что значитъ сыграть сватьбу? Какъ встрѣтился младшій братъ со старшими? Какъ они поступили съ нимъ и въ какое время? Что онъ дѣлалъ во рву? Какимъ образомъ вылѣзъ изо рва? Куда пришелъ Иванъ-царевичъ и что увидѣлъ.

Объясните: пиръ, подвигъ, герой, шатеръ.

А старшіе два брата, какъ взяли Жаръ-птицу, привезли ее къ отцу; отецъ былъ такъ радъ Жаръ-птицѣ. На другой день изъ этой Жаръ-птицы сдѣлалась ворона; они такъ удивились, и отецъ удивился «отчего это такое значитъ?» Однако отецъ повѣсилъ ворону у себя въ комнатѣ; такъ она и висѣла вороной. Когда Иванъ-царевичъ сталъ подлетать къ отцу, то вдругъ изъ вороны сдѣлалась опять Жаръ-птица; и видятъ: прилетаютъ два во́рона; на вороньяхъ сидятъ мужчина и дѣвица. Отецъ этому испугался, подумалъ, что не за Жаръ ли птицей прилетѣли; и не передъ *своими ли* она изъ вороны сдѣлалась Жаръ—птицей. Но вдругъ Иванъ-царевичъ входитъ съ супругой, бросается на шею къ отцу и проситъ прощенья, что безъ его позволенья онъ женился. Отецъ никакъ узнать его не могъ. «Ахъ, ты, сынъ мой! Что ты такъ долго не пріѣзжалъ? Братья твои возвратились, Жаръ-птицу достали.»

—Нѣтъ,—говоритъ:—не братья, а я Жаръ-птицу досталъ; съ ними я выѣхалъ на дорогу: они меня соннаго кинули въ ровъ, а Жаръ-птицу отъ меня увезли.—А потомъ онъ все подробно разсказалъ. Сейчасъ отецъ двухъ сыновей своихъ заставилъ пасти скотину, а ему отдалъ все царство свое. Потомъ они сдѣлали такой пиръ! Я тамъ былъ, вино, пиво пилъ: по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Каково было братьямъ, когда они увидѣли возвратившагося брата? Могъ ли не простить отецъ Ивану-царевичу, что онъ безъ позволенія женился? Строго, или нѣтъ, наказалъ другихъ сыновей своихъ царь? *Исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе относительно того, кто* досталъ Жаръ-птицу?

Итакъ, младшій царевичъ подкараулилъ въ саду своемъ вора, Жаръ-птицу, и досталъ ее изъ того царства, въ которомъ она жила, и получилъ награду,—*вотъ содержаніе сказки.* Перечислите теперь всѣ препятствія къ совершенію такого подвига. Не было ли для Ивана-царевича и въ несчастіяхъ счастія? Отчего-же именно на долю Ивана, а не другого котораго-либо царевича, выпало такое счастіе? Что онъ за человѣкъ былъ? похожъ ли былъ на своихъ братьевъ?

Лисица и волкъ.

Жили-себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой.» Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она и не ворохнется, лежитъ-себѣ, какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ,» сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время, и стала выбрасывать изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбросала всю рыбу и сама ушла. «Ну, старуха,» говоритъ дѣдъ: «какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу!»—Гдѣ? «Тамъ, на возу—и рыба, и воротникъ.» Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы; и начала ругать мужа: «ахъ, ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать!» Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая: погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать-то нечего.

Любилъ ли старикъ старуху и обманывалъ ли онъ ее, пріѣхавши домой? Кто-же кого обманулъ здѣсь? какимъ образомъ? Какою-же является здѣсь лисица? Въ чемъ выразилась ея хитрость?

Объясните слова: ворохнется, улучила, смекнулъ.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ-себѣ. На-встрѣчу ей идетъ волкъ? «здравствуй, кумушка!»—Здравствуй, куманекъ! «Дай мнѣ рыбки!» —Налови самъ да и ѣшь.» «Я не умѣю.» — Эка, вишь я наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, опусти хвостъ въ прорубь—рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».—Волкъ пошелъ на рѣку, опустилъ хвостъ въ прорубь,—дѣло-то было зимою. Ужь онъ сидѣлъ, сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ: хвостъ его и приморозило: попробовалъ-было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь», думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: волкъ, волкъ! бейте его, бейте его! Прибѣжали и начали колотить волка—кто коромысломъ, кто ведромъ,—чѣмъ кто попало. Волкъ прыгалъ, прыгалъ, оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же,» думаетъ: «ужь я тебѣ отплачу, кумушка!»

Зачѣмъ лиса сбрасывала рыбу съ воза не вдругъ, а по рыбкѣ, и зачѣмъ она потомъ собрала ее въ кучу? Что значитъ: кумъ и кума? *Почему волкъ и лисица зовутся такими именами?* Нѣтъ ли чего смѣшного въ этой сказкѣ? А здѣсь какою является лисица? Въ чемъ-же выразилась ея недоброжелательство? Зачѣмъ лисица такъ поступила съ волкомъ?

Объясните слова: прорубь, коромысло.

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли что-нибудь еще стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась, и бѣжитъ. А волкъ ей на-встрѣчу: «такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!»—Эхъ, куманекъ—говоритъ лисичка-сестричка—у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ: меня больнѣй твоего прибили: я насилу плетусь. «И то правда», говоритъ волкъ: «гдѣ тебѣ, кумушка, идти, садись на меня, я тебя довезу.» Лисичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ!» —Что ты, кумушка, говоришь? «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ.»—Такъ кумушка, такъ!

Осердился ли волкъ на лису за ея прежнюю продѣлку? **Удалось ли лисѣ смягчить гнѣвъ его? Нѣтъ ли чего еще смѣшного въ этомъ разсказѣ.**

Каковъ былъ волкъ въ отношеніи къ лисѣ? А она къ нему? Въ чемъ выразились ея блудливость, коварство и неблагодарность?

«Давай, куманекъ, построимъ себѣ хатку.»—Давай, кумушка! «Я себѣ построю лубяную, а ты себѣ ледяную.» Принялись за работу, сдѣлали себѣ хатки: лисичкѣ—лубяную, а волку—ледяную, и живутъ въ нихъ. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка», говоритъ волкъ: «ты меня опять обманула; надо тебя за это съѣсть.»—Пойдемъ, куманекъ, еще поконаемся: кому-то кого достанется съѣсть.—Вотъ лисичка-сестричка привела его въ лѣсъ, къ глубокой ямѣ, и говоритъ: «прыгай: если ты перепрыгнешь черезъ яму, тебѣ меня ѣсть; а не перепрыгнешь, мнѣ тебя ѣсть.» Волкъ прыгнулъ и попалъ въ яму. «Ну,» говоритъ лисичка: «сиди-же тутъ!» и сама ушла.

Что еще смѣшного въ этой сказкѣ? Отчего-же все это смѣшно? А какова была лиса? Когда и какой человѣкъ называется лисою?

Объясните слова: лубяная, поконаемся, провела.

Итакъ, лиса провела мужика-старика, и сколько разъ она провела еще волка? Какое теперь понятіе составите о старикѣ, волкѣ и лисѣ?

Мужикъ, медвѣдь и лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: «мнѣ корешокъ; тебѣ, Миша, вершокъ». Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: «ты, братъ, меня надулъ! когда будемъ еще что-нибудь сѣять, ужь меня такъ не проведешь!» Прошелъ годъ; мужикъ и говоритъ медвѣдю: «давай, Миша, сѣять пшеницу.»—Давай,—говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница, мужикъ и говоритъ: «теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ, али вершокъ?»—Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ.—Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ

ему: «вотъ, Миша, какая верхушка-то!..»—Ну, мужикъ!—говоритъ медвѣдь—я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя!—Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и спрашиваетъ мужика: «что ты плачешь?»—Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочетъ съѣсть. «Не бойся, дядя, не съѣстъ!» и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ-же мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ: «мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдёвъ?» А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: «ой, мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть.» Мужикъ говоритъ лисѣ: «нѣту!» Лиса засмѣялась и сказала: «а у телѣги-то что лежитъ?» Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: «скажи, что колода.»—Кабы была колода—отвѣчаетъ лиса—она бы на телѣги была увязана—а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: «свяжи меня и положи въ телѣгу.» Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: «мужикъ! нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдёвъ?»—Нѣту!—сказалъ мужикъ. «А на телѣгѣ-то что лежитъ?»—Колода. «Кабы колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ.» Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: «воткни въ меня топоръ.» Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говоритъ мужику: «что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?»—Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси—не гляди.—Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла-несла и думаетъ: дай, погляжу!... глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгла, бѣгла, да подъ пенекъ въ нору и ушла, и, сидя тамъ, говоритъ съ собою: «что вы, ушки, дѣлали?—мы все слушали; а вы, глазки?—мы все глядѣли; а ты, хвостъ?—я все мѣшалъ тебѣ бѣжать. А! ты все мѣшалъ! постой-же, я тебѣ дамъ!» и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и розорвали.

О комъ въ этой сказкѣ говорится? Кто изъ нихъ всѣхъ проще? Кто изъ нихъ хитрѣе? Умнѣе ли медвѣдь волка, о которомъ говорилось въ предыдущей сказкѣ? Не попалась ли въ просакъ и лиса, при всей своей хитрости? Хитеръ, или нѣтъ, мужикъ? Хорошо ли мужикъ поступилъ со своимъ другомъ? Кого вы пожалѣете *въ этой* **сказкѣ и кого**

побраните? Отчего медвѣдь такъ боялся лисы? Почему лиса называетъ волка кумомъ и мужика дядей?

Объясните слова: молотить, тужить, колода, пенекъ, въ просакъ.

Бирюкъ.

Попался-было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по ней мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость, мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ.» Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, на-встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они.—Нѣтъ, не видалъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду.

«Что, ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ.—Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольный свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», сказалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «ну, коли такъ, пойдемъ дальше, и если первый, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по-твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего—съѣшь меня!»

Что есть схожаго въ этой сказкѣ съ предыдущею? Похожъ ли этотъ мужикъ на прежняго? Надобно ли довѣрять волку и дѣлать ему добро? Въ какой бѣдѣ былъ волкъ?

Объясните: капканъ, пробираться, цѣпъ, неволя, схоронить, взвалить.

Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая лошадь. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка-матушка, разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» разсказалъ ей все, что было. Лошадь подумала и сказала: «я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара, и пришло

мнѣ не въ-моготу работать, онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужь я лѣзла, лѣзла, на-силу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!»—Видишь, моя правда—молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это.

Правду ли сказала лошадь? По какому *побужденію* она подтвердила слова волка? Неужели и она такое-же злое животное, какъ волкъ? Что значитъ жеребенокъ? Назовите еще, какихъ знаете, молодыхъ животныхъ.

Объясните: яръ, плетусь, побужденіе.

Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала, подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала домъ и скотину; а какъ состарѣлась и перестала лаять, онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я, куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!»—Ну, видишь, моя правда!—Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, «а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не помнишь?»

По какому побужденію сказала то же самое и собака? Чѣмъ обыкновенно въ жизни отличаются лошадь и собака по отношенію къ человѣку?

Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, этакая большая туша, могъ помѣститься въ этомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ и мужикъ побожились, что это истинная правда. Но лиса все-таки не вѣрила и сказала: «а ну-ка, мужичокъ, покажи, какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ, а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову упряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ,» продолжала лиса: «покажи-ка, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ

лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривал: «старая-хлѣбъ-соль забывается!»

Почему лиса не согласилась съ волкомъ и стала спорить? Какое опять свойство видимъ въ ней мы въ томъ, что она заспорила съ мужикомъ и волкомъ? Удалось ли ей возымѣть успѣхъ въ своей хитрости по отношенію къ мужику? Зачѣмъ-же мужикъ убилъ лису? Что разумѣется здѣсь подъ именемъ хлѣбъ-соль?

Притча о дубовой бочкѣ.

Выросъ въ лѣсу, въ зеленой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру; мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клепки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы—и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ, на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана *хорошо*: и мастеру на славу, и добрымъ людямъ на нужду, и что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а возить ее не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это хорошо, да бочка наша какъ-то разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами-ль клепки промежъ собой повздорили да вмѣстѣ жить раздумали—не знаю; да только разсыпалась бочка вся. Ребятишки растаскали обручи, стали катать ихъ по улицамъ и погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку, а о бочкѣ и помину не стало, словно ея и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ—это православный прадѣдъ твой; клепки— все его сѣмя: и малъ и великъ; обручи — честь, смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ, и живитъ, и питаетъ односемьянъ; когда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо, а какъ разсыпались клепки врозъ, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ пропали порознь, и слуху о нихъ не стало.

Дружно—не грузно, а врозь—хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.

Даль.

Кого и что надо подразумѣвать здѣсь подъ предметами: бочка, клепки, дубъ и обручи? Что было и что стало съ бочкою? Что-же необходимо для семейнаго счастія?

Объясните пословицу: «Дружно—не грузно, а врозь—хоть брось.»

Объясните слова: дубрава, дряблѣть, клепки, уторы, хворостина, смиреніе, односемьяне, поминъ, прадѣдъ, живитъ, грузно, головни, шестокъ. Замѣтьте правописаніе словъ: бочка, дочка, свѣчка, печка, рѣчка, сѣчка, дощечка, ручка, колечко (не надо вставлять ъ послѣ ч).

Кружки, дрожки, книжки, ножка, дорожки, телѣжка, снѣжки, творожку, на бережку, подружки (буква *ж* замѣняетъ какую букву?).

Эту статью списать въ два-три урока на дому.

Сладкое пробужденіе больного ребенка.

Я начинаю себя помнить уже очень больнымъ, и не въ началѣ болѣзни, которая тянулась слишкомъ полтора года, не въ концѣ ея (когда я уже оправлялся), нѣтъ, именно помню себя въ такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь [1]). Одинъ разъ, рано утромъ, я проснулся или очнулся и не узнаю, гдѣ я? Все было незнакомо мнѣ: высокая, большая комната, голыя стѣны изъ претолстыхъ новыхъ сосновыхъ бревенъ, сильный смолистый запахъ; яркое, кажется, лѣтнее солнце только что всходитъ и сквозь окно съ правой стороны, поверхъ рѣдиннаго полога, который былъ надо мною опущенъ, ярко отражается на противоположной стѣнѣ. Подлѣ меня тревожно спитъ, безъ подушекъ и нераздѣтая, моя мать. Какъ теперь гляжу на черную ея косу, растрепавшуюся по худому и желтому ея лицу [2]). Меня наканунѣ перевезли въ подгородную деревню, Зубовку, верстахъ въ 10-ти отъ Уфы. Видно, дорога и произведенный движеніемъ спокойный сонъ подкрѣпили меня: мнѣ стало хорошо и весело, такъ что я нѣсколько минутъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ, сквозь пологъ, окружающіе меня новые предметы [3]).

---

[1]) Въ какомъ положеніи онъ начинаетъ помнить себя?

[2]) Что поразило его при пробужденіи?

[3]) Вліяніе дороги и сна на больного?

Я не умѣлъ поберечь сна бѣдной моей матери, тронулъ ее рукой и сказалъ: «ахъ, какое солнышко! какъ хорошо пахнетъ!» Мать вскочила, въ испугѣ сначала, и потомъ обрадовалась, вслушавшись въ мой крѣпкій голосъ и взглянувъ на мое посвѣжѣвшее лицо. Какъ она меня ласкала, какими называла именами, какъ радостно плакала... этого не разскажешь! [4]) Пологъ подняли. Я попросилъ ѣсть; меня покормили и дали мнѣ выпить полъ-рюмки стараго рейнвейну, который, какъ думали тогда, одинъ только и подкрѣплялъ меня. Рейнвейну налили мнѣ изъ какой-то странной бутылки, со сплюснутымъ, широкимъ, круглымъ дномъ и длинною, узенькою шейкою. Съ тѣхъ поръ я не видывалъ такихъ бутылокъ. Потомъ, по просьбѣ моей, достали мнѣ кусочки или висюльки сосновой смолы, которая вездѣ по стѣнамъ и косякамъ топилась, капала, даже текла по-немножку, застывая и засыхая на дорогѣ и вися въ воздухѣ маленькими сосульками, совершенно похожими своимъ наружнымъ видомъ на обыкновенныя ледяныя сосульки. Я очень любилъ запахъ сосновой и еловой смолы, которою курили иногда въ нашихъ дѣтскихъ комнатахъ. Я понюхалъ, полюбовался, поигралъ душистыми и прозрачными смоляными сосульками; онѣ растаяли у меня въ рукахъ и склеили мои худые, длинные пальцы; мать вымыла мнѣ руки, вытерла ихъ на-сухо и я сталъ дремать. [5]) Предметы начали мѣшаться въ моихъ глазахъ: мнѣ казалось, что мы ѣдемъ въ каретѣ, что мнѣ хотятъ дать лекарство, и я не хочу принимать его, что вмѣсто матери стоитъ подлѣ меня нянька, Агафья, или кормилица... Какъ заснулъ я, и что было послѣ—ничего не помню. [6])

С. Аксаковъ.

Замѣтьте правописаніе словъ: бол*ѣ*знь, жизнь, сол*н*це, солн*ы*шко, раз*с*матривать, сквозь, р*ѣ*дин*н*ый, под*к*р*ѣ*пить посв*ѣ*ж*ѣ*вшее, лице, имена (именин*н*икъ), раз*с*каж*е*шь, *ѣ*сть (*е*сть), пологъ, узен*ь*кою шейкою, про*с*ьба, немно*ж*ко, маленькій, *дѣт*ская, м*ѣ*шаться, везд*ѣ*, подл*ѣ*, возл*ѣ*, посл*ѣ*.

---

[4]) Какъ мать встрѣчаетъ пробужденіе больного ребенка?
[5]) Чѣмъ занимали ребенка?
[6]) Опишите дремотное состояніе?

Мать и больное дитя.

Я иногда лежалъ въ забытьи, въ какомъ-то среднемъ состояніи между сномъ и обморокомъ; пульсъ почти переставалъ биться, дыханье было такъ слабо, что прикладывали зеркало къ губамъ моимъ, чтобъ узнать, живъ ли я; но я помню многое, что дѣлали со мной въ то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю, что я умираю. Доктора и всѣ окружающіе давно осудили меня на смерть: доктора — по несомнѣннымъ медицинскимъ признакамъ, а окружающіе по несомнѣннымъ дурнымъ примѣтамъ, неосновательность и ложность которыхъ оказались на мнѣ весьма убѣдительно. Страданій матери моей описать невозможно; но восторженное присутствіе духа и надежда спасти свое дитя никогда ея не оставляли. «Матушка Софья Николавна,» не одинъ разъ говорила, какъ я самъ слышалъ, преданная ей душою, дальняя родственница Чепрунова: «перестань ты мучить свое дитя: вѣдь ужъ и доктора и священникъ сказали тебѣ, что онъ не жилецъ. Покорись волѣ Божіей: положи дитя подъ образа, затепли свѣчку и дай его ангельской душенькѣ выйти съ покоемъ изъ тѣла. Вѣдь ты только мѣшаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь....» Но съ гнѣвомъ встрѣчала такія рѣчи моя мать и отвѣчала, что, покуда искра жизни тлѣется во мнѣ, она не перестанетъ дѣлать все, что можетъ, для моего спасенья — и снова клала меня безчувственнаго въ крѣпительную ванну, вливала въ ротъ рейнвейну или бульону, цѣлые часы растирала мнѣ грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкія мои своимъ дыханьемъ — и я, послѣ глубокаго вздоха, начиналъ дышать сильнѣе, какъ будто просыпался къ жизни, получалъ сознаніе, начиналъ принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на нѣкоторое время.

С. Аксаковъ.

Въ какомъ состояніи былъ больной? Какъ порѣшили о немъ доктора и знакомые? Какіе совѣты давала Чепрунова? Какъ мать принимала эти совѣты? Можетъ ли кто, кромѣ матери, оказывать такое попеченіе о больномъ? Припомните, что она дѣлаетъ? На сколько-же частей можно раздѣлить эту статью?

Замѣтьте правописаніе словъ: грѣхъ, гнѣвъ, гнѣздой, гнѣздо.

Выздоравливающее дитя.

Чувство жалости ко всему страдающему доходило во мнѣ, въ первое время моего выздоровленія, до *болѣзненнаго* излишества. *Прежде* всего это чувство обратилось на мою маленькую сестрицу: я не могъ видѣть и слышать ея слезъ или крика и сейчасъ начиналъ самъ плакать; она же была въ это время нездорова. Сначала мать приказала было *перевести* ее въ другую комнату; но я, замѣтивъ это, пришелъ въ такое волненіе и тоску, какъ мнѣ послѣ говорили, что поспѣшили возвратить мнѣ мою сестрицу [1]). *Медленно* поправляясь, я не скоро началъ ходить, и сначала цѣлые дни, лежа въ своей кроваткѣ и посадивъ къ себѣ сестру, забавлялъ ее разными игрушками или показываньемъ картинокъ. Игрушки у насъ были самыя простыя: небольшіе гладкіе шарики или *кусочки* дерева, которые мы называли чурочками; я строилъ изъ нихъ какія-то клѣтки, а моя подруга любила разрушать ихъ, махнувъ своей ручёнкой [2]). Потомъ началъ я бродить и сидѣть на окошкѣ, *растворенномъ* прямо въ садъ. Всякая птичка, даже воробей, привлекала мое вниманье и доставляла мнѣ большое *удовольствіе*. Мать, которая все свободное время отъ *посѣщенья* гостей и хозяйственныхъ заботъ проводила около меня, сейчасъ достала мнѣ клѣтку съ птичками и пару ручныхъ голубей, которые ночевали подъ моей кроваткой. Мнѣ разсказывали, что я пришелъ отъ нихъ въ такое *восхищеніе* и такъ его выражалъ, что нельзя было смотрѣть равнодушно на мою радость [3]). Одинъ разъ, сидя на окошкѣ (съ этой минуты я все уже твердо помню), услышалъ я какой-то жалобный *визгъ* въ саду; мать тоже его услышала, и когда я сталъ просить, чтобъ послали посмотрѣть, кто это плачетъ, что, «вѣрно, кому-нибудь больно»—мать послала дѣвушку, и та черезъ *нѣсколько* минутъ принесла въ своихъ пригоршняхъ *крошеч-*

---

[1]) Состояніе выздоравливавшаго?
[2]) Въ чемъ состояло его развлеченіе?
[3]) Развлеченіе больного, вставшаго съ постели?

наго, еще *слѣпого, щеночка*, который, весь дрожа и нетвердо опираясь на свои кривыя лапки, тыкаясь во всѣ стороны головой, жалобно *визжалъ*, или скучалъ, какъ выражалась моя нянька. Мнѣ стало такъ его жаль, что я взялъ этого щеночка и закуталъ его своимъ платьемъ. Мать приказала принести на *блюдечкѣ тепленькаго* молочка, и послѣ многихъ попытокъ, толкая *рыльцемъ* слѣпого щенка въ молоко, мы выучили его лакать. Съ этихъ поръ щенокъ по цѣлымъ часамъ со мной не разставался; кормить его по нѣскольку разъ въ день *сдѣлалось* моей любимой забавой; его назвали Суркой; онъ сдѣлался потомъ небольшой дворняшкой и жилъ у насъ *семнадцать* лѣтъ, разумѣется, уже не въ комнатѣ, а на дворѣ, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мнѣ и къ моей матери [1]).

С. Аксаковъ.

Въ какой связи находится эта статья съ предъидущей?

Отличите слова и замѣтьте ихъ правописаніе: призрѣть, прозрѣть и презрѣть; везти и вести; глазъ и гласъ; слезъ и слезъ; рученка и ручень-ка; будетъ и будитъ. Всѣ слова, напечатанныя курсивомъ, ученики должны списать въ тетрадь на дому, въ видѣ урока.

Гостьба у дѣдушки и бабушки.

Слишкомъ *мѣсяцъ* прожили мы съ сестрицей безъ отца и матери въ *негостепріимномъ* тогда для насъ Багровѣ [2]), большую часть *времени* заключенные въ своей комнатѣ; потому что скоро наступила сырая погода, и гулянье наше по саду прекратилось. Вотъ какъ текла эта однообразная и *невеселая жизнь*: какъ только мы просыпались, что бывало всегда часу въ восьмомъ, нянька водила насъ къ *дѣдушкѣ* и бабушкѣ; съ нами здоровались, говорили нѣсколько словъ, а иногда *почти* и не говорили; потомъ отсылали насъ въ нашу комнату; около *двѣнадцати* часовъ мы выходили въ залу *обѣдать*; хотя отъ насъ была дверь прямо въ залу, но она была заперта на ключъ и даже *завѣшана* ковромъ, и мы проходили черезъ корридоръ, изъ котораго тогда была еще дверь въ гостиную.

---

[1]) **Призрѣніе щеночка?**

[2]) **Село Багрово.**

За обѣдомъ насъ всегда сажали на другомъ концѣ стола, прямо противъ дѣдушки, всегда на высокихъ подушкахъ; иногда онъ бывалъ *веселъ* и говорилъ съ нами, *особенно* съ сестрицей, которую называлъ козулькой; а иногда онъ былъ такой сердитый, что *ни съ кѣмъ* не говорилъ; бабушка и тетушка также молчали, и мы съ сестрицей, соскучившись, начинали *перешептываться* между собой; но *Евсеичъ*, который всегда стоялъ за моимъ стуломъ, сейчасъ останавливалъ меня, шепнувъ мнѣ на ухо, чтобы я молчалъ, то же дѣлала нянька Агафья съ моей сестрицей. Послѣ они сказали намъ, чтобы мы не смѣли говорить, когда старый баринъ, то есть, дѣдушка невеселъ. Послѣ обѣда мы сейчасъ уходили въ свою комнату, куда въ 6 часовъ приносили намъ чай; часовъ въ 8 *обыкновенно* ужинали, и насъ *точно* такъ-же, какъ къ обѣду, вводили въ залу и сажали противъ дѣдушки; сейчасъ послѣ ужина мы прощались и уходили спать. Первые дни заглядывала къ намъ въ комнату тетушка и какъ-*будто* заботилась о насъ, а потомъ стала ходить *рѣже*, и наконецъ *совсѣмъ* перестала. Мы только и видѣлись съ нею и со всѣми за обѣдомъ, ужиномъ, при утреннемъ здорованьѣ и вечернемъ прощаньѣ.

С. Аксаковъ.

Каково-же было дѣтямъ гостить у дѣдушки? Какія лица приводятся въ этой статьѣ? Какое лицо васъ болѣе другихъ занимаетъ, и почему? Что особенно должно было тяготить дѣтей во время этой гостьбы? Повторите-же, какъ текла жизнь дѣтей у дѣдушки и бабушки? Слова, напечатанныя курсивомъ, ученики, на дому, пусть выпишутъ въ тетради.

Замѣтьте правописаніе словъ: обѣдъ (ѣсть), обѣтъ (обѣщать), орѣхъ.

Братъ и сестра.

И такъ *непримѣтно* устроился у насъ особый *міръ* въ тѣсномъ углу нашемъ, въ нашей гостиной комнатѣ. Первые дни послѣ отъѣзда отца и матери я провелъ въ *безпрестанной* тоскѣ и слезахъ; но *мало по малу* успокоился, осмотрѣлся вокругъ себя и устроился. Всякій день я принимался учить читать маленькую сестрицу, и совершенно безъ пользы, потому что во все время пребыванія нашего въ Багровѣ она

не выучила даже азбуки. Всякій день я заставлялъ ее слушать «Дѣтское чтеніе», читая сряду всѣ статьи безъ исключенія, хотя многихъ самъ не понималъ. Бѣдная слушательница моя часто зѣвала, напряженно устремивъ на меня свои прекрасные глазки, и засыпала иногда подъ мое чтеніе; тогда я принимался съ ней играть, строя городки и церкви изъ чурочекъ, или дома, въ которыхъ хозяевами были ея куклы. Самая любимая ея игра была игра «въ гости»: мы садились по разнымъ угламъ; я бралъ къ себѣ одну или двѣ изъ ея куколъ, съ которыми пріѣзжалъ въ гости къ сестрицѣ, то есть, переходилъ изъ одного угла въ другой. У сестрицы всегда было нѣсколько куколъ, которыя всѣ назывались ея дочками или племянницами; тутъ было много разговоровъ и угощеній, полное передразниванье большихъ людей. Я очень помню, что пускался въ разныя выдумки и разсказывалъ разныя небывалыя со мной приключенія, нѣкоторымъ основаніемъ или образцомъ которыхъ были прочитанныя мною въ книжкахъ, или слышанныя происшествія. Такъ, напримѣръ, я разсказывалъ, что у меня въ домѣ былъ пожаръ, что я выпрыгнулъ съ двумя дѣтьми изъ окошка (то есть, съ двумя куклами, которыя держалъ въ рукахъ); или, что на меня напали разбойники, и я всѣхъ ихъ побѣдилъ; наконецъ, что въ Багровскомъ саду есть пещера, въ которой живетъ змѣй-Горынычъ о семи головахъ, и что я намѣренъ ихъ отрубить. Мнѣ очень было пріятно, что мои разсказы производили впечатлѣніе на мою сестрицу, и что мнѣ удавалось даже напугать ее. Одну ночь она худо спала, просыпалась, плакала и все видѣла во снѣ то разбойниковъ, то змѣя-Горыныча, и прибавляла, что это братецъ ее напугалъ. Няня погрозила мнѣ, что пожалуется дѣдушкѣ, и я укротилъ пламенные порывы моей дѣтской фантазіи.

С. Аксаковъ.

Гдѣ-же это братъ и сестра устроились? Видно ли это изъ статьи? Какъ они проводили время? Любили ли они другъ друга? Изъ чего это видно? Зачѣмъ такъ пугалъ братъ сестру? Отчего онъ не могъ научить ее читать? Въ чемъ-же состояла любимая игра дѣвочки? Эта статья съ какою статьею изъ предыдущихъ находится въ связи? Въ

какой связи? Что между ними есть общаго? по лицамъ, мѣсту, времени?

Замѣтьте правописаніе словъ: тѣсный, тьнь, тьло, тьшить (утьшать, утѣха), тѣсто, телѣга.

Отличите слова: *мiръ* и миръ.

Похороны дѣдушки.

Наступилъ этотъ печальный и торжественный день. Всѣ поднялись рано; началась бѣготня и безпрестанное хлопанье дверями. Когда мы пришли, ранѣе обыкновеннаго, пить чай въ бабушкину горницу, то всѣ тетушки и бабушка были уже одѣты въ дорожныя платья; у крыльца стояло нѣсколько повозокъ и саней, *запряженныхъ гусемъ*. Дворъ и улица были полны народу: не только сошлись свои *крестьяне и крестьянки*, отъ стараго и до малаго, но и *окольныя деревни* собрались проститься съ моимъ дѣдушкой, который былъ всѣми уважаемъ и любимъ, какъ отецъ. Много лѣтъ спустя, я слыхалъ, что *сосѣдняя* мордва *иначе* не называла его, какъ «отца наша.» Когда все было готово, и всѣ пришли прощаться съ покойникомъ, то въ залѣ поднялся вой, громко раздававшійся по всему дому: я чувствовалъ сильное волненіе; но уже не отъ страха, а отъ темнаго пониманія важности событія, жалости къ бѣдному дѣдушкѣ и грусти, что я его никогда не увижу. Двери въ домѣ были *вездѣ настежь*, вездѣ сдѣлалась стужа; и мать приказала Парашѣ не водить сестрицу прощаться съ дѣдушкой, хотя она плакала и просилась. Итакъ, мы только трое остались въ бабушкиной теплой горницѣ. Вдругъ поднялся глухой шумъ и топотъ множества ногъ въ залѣ, съ которымъ *вмѣстѣ* двигался *плачъ* и вой; все это прошло мимо насъ... и вскорѣ я увидѣлъ, что съ крыльца, какъ-будто на головахъ людей, спустился деревянный гробъ; потомъ, когда тѣсная толпа раздвинулась, я *разглядѣлъ*, что гробъ несли мой отецъ, *двое дядей* и старикъ Петръ Федоровъ, котораго самого вели подъ руки; бабушку также вели сначала, но вскорѣ посадили въ сани; а тетушки и *маменка* шли *пѣшкомъ*; многіе, стоявшіе на дворѣ, кланялись въ землю. *Медленно* двигаясь, толпа вышла на улицу, вытянулась во всю ея длину и наконецъ скрылась изъ моихъ глазъ. Стоя на стулѣ и смотря въ

окошко, я плакалъ отъ глубины души, *исполненной искренняго чувства* любви и умиленія къ моему *дѣдушкѣ*, такъ горячо любимому всѣми. На одно *мгновеніе* мнѣ захотѣлось даже еще разъ его увидѣть и поцѣловать исхудалую его руку.

С. Аксаковъ.

Чѣмъ начался этотъ день? Что происходило въ домѣ, на дворѣ, на улицѣ? Отчего внукъ почувствовалъ сильное волненіе? Какъ происходилъ выносъ тѣла? Какимъ чувствомъ исполнилось сердце внука, когда похоронная процессія скрылась изъ его глазъ? На сколько же частей можно раздѣлить эту статью?

Выписать слова, курсивомъ напечатанныя, и приготовиться къ диктовкѣ.

Друзья.

Давно-ль я зналъ, и *вновь* опять я научился,
Чтобъ другомъ *никого*, не испытавъ, не звать.
Случилось мужику чрезъ *ледъ* переѣзжать,
И возъ его сквозь *ледъ*, къ несчастью, провалился.
Мужикъ метаться и кричать:
«Ой, батюшки, тону! ой, помогите!»—
Ребята, что же вы стоите?
Поможемте!—одинъ другому говорилъ,
Кто вмѣстѣ съ мужикомъ въ одномъ обозѣ былъ.
«Поможемъ» каждый подтвердилъ.
Но къ возу между-тѣмъ никто не подходилъ;
А должно знать, что всѣ одной деревни были,
Друзьями межъ собою слыли,
Не разъ за братское здоровье вмѣстѣ пили;
А сверхъ того, между собой,
Для утвержденія ихъ дружбы круговой, крестами даже помѣнялись.
Другъ друга братомъ всякъ зоветъ...
А братній возъ ко дну идетъ!
По счастью мужика, сторонніе сбѣжались
И вытащили возъ на *ледъ*.

Хемницеръ.

Зачѣмъ мѣняются крестами? Вѣдь товарищи, кажется, хотѣли ему помочь? Отчего-же они не помогли? Что-же изъ этого видно? Кого мы называемъ другомъ? Каковы были его друзья? А кто наши истинные друзья? Почему родители наши истинные друзья?

Объясните пословицы: *Не имѣй ста рублей, а имѣй сто друзей. Для милаго друга нѣтъ круга. Для милаго дружка вонъ сережка изъ ушка.*

Лебедь, Щука и Ракъ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись:
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка;
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ—судить не намъ;
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

Что нужно для успѣха во всякомъ дѣлѣ между товарищами? Почему? По силамъ ли былъ имъ возъ? Изъ какихъ словъ это видно? Отчего же они не могли его сдвинуть? А какъ вы думаете: виноваты они, или нѣтъ? Почему?

Объясните: ладъ (ладить, лады, ладно), пойдетъ дѣло, лѣзутъ вонъ изъ кожи, поклажа (кладь, багажъ, вьюкъ, ноша), лебедь рвется. Отличите слова: мука и мука (что ихъ отличаетъ?—Удареніе), замокъ и замокъ, козлы и козлы.

Замѣтьте правописаніе словъ: нѣга, (нѣжный), нѣтъ, нѣмой (нѣмецъ), невѣста.

Сиротка.

Едва она *узрѣла свѣтъ*,
Ужь ей печаль знакома стала;
Веселье—*спутникъ* дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба *въ немъ* отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее *грядущее* страшило...
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.
О, Ты, святое Провидѣнье!

Въ твоемъ владѣньѣ нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ—*заблужденье*:
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.
Среди *неистовыхъ* враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый *кровъ*,
И ей невинность не защита.
Но бѣдный, съ нищенской *клюкой*,
Ей Богомъ посланъ во спасенье...
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.
О, Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!
И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ *убогій*
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную *обитель*...
Имъ былъ Всевышній *предводитель*,
Ихъ милость въ пристани ждала.
О, ты, святое Провидѣнье!
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру *стезею* бѣдъ.
Играй, дитя: гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо;
Тебя мать добрая нашла
На мѣсто матери родимой:
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта...
Молись-же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье!
Прими ее подъ *щитъ* любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье—
Ея дѣтей благослови!

В. Жуковскій.

Объясните слова, напечатанныя курсивомъ, и отличите слова *кровъ* и *кровь*.

Вотъ случай, который былъ поводомъ для Вас. Анд. Жуковскаго написать это стихотвореніе: Одна забывчивая мать оставила своихъ дѣтей (трехъ дочерей) въ Москвѣ при нашествіи непріятеля. Малютки спасены жалостію посторонняго, бѣднаго человѣка. Одна изъ дѣвочекъ была принята въ семействѣ А. И. Пл....вой, которая пеклась о ней съ материнскою нѣжностью, и не разнила ея ни въ чемъ съ своими собственными дѣтьми. Другія двѣ были возвращены матери.

Повторите содержаніе всей статьи.

Первыя воспоминанія.

Я сынъ прописного по ревизскимъ *сказкамъ*, по народной переписи, комлевскаго *мѣщанина*. Остался я безъ званія и мѣста, когда отецъ мой скончался, покинувъ меня голосистымъ крикуномъ, но еще *безсловеснымъ*. Мать моя поѣхала, съ какими-то попутчиками, отыскивать отца, который, отправившись *по торговлѣ*, или промыслу своему—онъ былъ барышникомъ, какъ у насъ говорятъ, т. е. торговалъ *лошадьми*,— отправившись на Лебедянскую *ярмарку*, пропадалъ, не знаю сколько *времени безъ вѣсти*, — поѣхала и меня повезла съ собою; на пути захворала, сердечная; попутчики покинули ее въ чужомъ *мѣстѣ*, и она умерла; а я остался круглой сиротой, не научившись еще и самой необходимой *на свѣтѣ вещи: пстъ хлѣбъ*.—Село было господское; мужикъ, у котораго *въ избѣ* скончалась мать моя, а я остался на рукахъ, пошелъ съ жалобой на бѣду эту къ барину. Тотъ, выбранивъ мужика порядкомъ за такую *непріятность*, *велѣлъ* взять меня во дворъ, кормить, поить и ростить. Вотъ все, что я *впослѣдствіи* слышалъ отъ людей господскихъ о томъ, кто я таковъ и *откуда*.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнѣ, видно, года *четыре*. Названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, колотила меня кулакомъ въ спину, приговаривая: «молись,

молись, молись, не ложись спать, какъ собака.» Эти слова остались въ памяти моей, и это первыя мои воспоминанія.

Даль.

Откуда онъ родомъ? Какъ лишился отца и матери? Какимъ онъ начинаетъ себя помнить? У кого и гдѣ онъ воспитывался? Почему баринъ выбранилъ порядкомъ мужика? Какія-же его первыя воспоминанія?

Объясните: ревизія, ревизская сказка, народная перепись, мѣщанинъ, (какія званія еще есть у людей?), попутчикъ, промыселъ (Промыслъ Божій), барышникъ (барышъ), ярмарка, господское село, господскіе люди, скотница, барскій домъ. Отличите *село* отъ *деревня*. Выпишите слова, напечатанныя курсивомъ, и замѣтьте правописаніе словъ: хлѣбъ, хлѣвъ, хрѣнъ.

Портретъ швеи.

Проснувшись на другой день, я увидѣлъ *весь* кабинетъ, *освѣщенный* яркими лучами солнца: золотыя рамы картинъ, люстры, бронзы на бюро и зеркалахъ такъ и *горѣли*. Обводя глазами стѣны, я былъ пораженъ взглядомъ швеи, которая *смотрѣла* на меня изъ своихъ золотыхъ рамокъ, точно какъ живая,—смотрѣла, не спуская глазъ. Я не могъ вынести этого взгляда и отвернулся; но чрезъ нѣсколько минутъ, *поглядѣвъ* украдкой на швею, увидѣлъ, что она точно такъ-же, какъ и *прежде*, пристально на меня смотритъ: я смутился, даже испугался и, завернувшись съ головой своимъ *одѣяльцемъ*, смирно пролежалъ до *тѣхъ* поръ, покуда не встала моя мать, не ушла въ спальню, и покуда Евсеичъ не пришелъ *одѣть* меня. Умываясь, я *взглянулъ* съ боку на швею—она смотрѣла на меня и какъ *будто* улыбалась. Я смутился еще *болѣе* и сообщилъ мое *недоумѣніе* Евсеичу; онъ самъ попробовалъ посмотрѣть на картину съ разныхъ сторонъ, самъ *замѣтилъ* и дивился ея странному свойству; но въ заключеніе равнодушно сказалъ: «ужь такъ ее живописецъ написалъ, что она всякому человѣку въ глаза глядитъ.» Хотя я и не *совсѣмъ* удовлетворился такимъ *объясненіемъ*; но меня успокоило то, что швея точно такъ-же смотритъ на Евсеича, какъ и на меня.

С. Аксаковъ.

Отчего онъ не удовлетворился объясненіемъ дядьки? Чѣмъ замѣчательна была эта картина? Во всякой ли картинѣ есть такое свойство?

Зачѣмъ онъ прятался подъ одѣяльце? Зачѣмъ выглядывалъ украдкой на портретъ изъ-подъ одѣяльца? Что тутъ есть смѣшного и что интереснаго? Какъ вамъ нравится отвѣтъ Евсеича? Выписать слова, напечатанныя курсивомъ. Отличите слова *освѣщенный* и *освященный*.

Встрѣча Рогдая съ Фарлафомъ.

Въ то время *доблестный* Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ:
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, *кольчугу*, *шлемъ*, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ,—а тотъ за нимъ во слѣдъ:
«Остановись, бѣглецъ безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
«Презрѣнный, дай себя догнать,
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши *гласъ* Рогдая,
Со страха скорчась, *обмиралъ*
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши *уши* боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну *грудь земли*.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальныя закусилъ

И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій *всадникъ* вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами
И смерть принять ужь былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій *мечъ* ужь занесенъ.
«Погибни, трусъ, умри!» *вѣщаетъ*...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ:
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его *чертахъ* изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою,
Скорѣй отъѣхалъ ото рва,
Бѣсился..... по едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

А. Пушкинъ.

Объясните слова, напечатанныя курсивом ? Разскажите содержаніе своими словами? Что вы находите тутъ забавнаго? Только ли забавно это? А пожалѣть можно кого-нибудь изъ нихъ? Почему? Каковъ этотъ господинъ Фарлафъ? А Рогдай ? Отчего бѣсился Рогдай? А почему онъ *едва-едва самъ не смѣялся надъ собою.*

Рукодѣльная пѣсня.

Ну, *подруженьки*, скорѣе!
Солнце красное взошло;
За работу мы дружнѣе!
Пока время не *ушло*.
Помолись, потрудись,
Только знай не *ленись*!
Безъ нужды проживешь
Да добра наживешь.
Чтобъ добра себѣ прибавить,
Надо въ жизни работать,
Все самимъ умѣть исправить,
А другимъ не докучать.

Что за стыдъ! какъ не знать
Ни кроить, ни стирать?
Я и платье скрою
И рубашку сошью.
У хозяйки все поспѣло,
Только надо присмотрѣть,
Не сидѣть самой безъ дѣла
Да и дѣло разумѣть.
Что за стыдъ! какъ не знать,
Что обѣдать подать?
Я и хлѣбъ испеку
Да и кашу сварю.
У плохой хозяйки въ домѣ
Ходятъ дѣти босикомъ;
Не въ порядкѣ, не въ приборѣ,
Все разбросано кругомъ.
Всюду соръ, всякій вздоръ
Для хозяйки позоръ;
Этакъ домъ не сберешь
И концовъ не сведешь.
Если любитъ кто трудиться,
Вправѣ тотъ и отдохнуть,
Погулять и порѣзвиться,
Да и въ книжку заглянуть.
Что за стыдъ! какъ не знать,
Ни читать, ни писать?
Я и книжку прочту
Да и счетъ подведу.
Станемъ дружно мы трудиться
И другъ другу помогать!
Надо многому учиться,
Чтобы что-нибудь да знать.
На другихъ погляжу
Да свой умъ приложу:
И чего не смогу,
То я въ книжкѣ найду.

Не страшна работѣ бѣдность:
Кто работаетъ, тотъ сытъ;
Кто къ труду имѣетъ ревность,
Богъ того благословитъ.
Будемъ шить, будемъ мыть,
Будемъ деньгу копить!
И себѣ сберегу,
И роднымъ помогу.

Одоевскій.

Разскажите содержаніе 1-го куплета, 2-го, 3-го, и т. д. до послѣдняго? (напр. содержаніе перваго куплета: Съ самаго утра, какъ взойдетъ солнце, надо дружно приниматься за работу, съ молитвою, и не лѣниться, если хочешь прожить свой вѣкъ безъ нужды и что-нибудь имѣть на старость). Кого можно назвать хорошею хозяйкой? Какую хозяйку называютъ плохою? Какъ избѣжать бѣдности?

Объясните: рукодѣлье, красное солнце, дружная работа, наживать добра, позоръ, сводить концы, подвести счетъ, приложить свой умъ, ревность къ труду, свой вѣкъ, собрать домъ.

Отличите слова: обѣдъ и обѣтъ (*пѣсть*, обѣщать). Списать и выучить урока въ три.

Утренняя звѣзда.

Откуда, *звѣздочка* краса?
Что рано такъ на небеса,
Въ *одеждѣ* праздничной своей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ, нѣтъ! мы жнемъ ужь цѣлый часъ:
Не *счесть* накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
Другой привыкъ до полдня спать,
За-то и утра не видать;
А жнецъ съ восточною звѣздой

Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по-утру—
Досугъ и пѣсни *ввечеру*.
А птички? всѣ давно ужь тутъ:
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ *сѣни* въ сѣнь;
Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журжатъ...
Да чу! къ заутренѣ звонятъ.

В. Жуковскій.

Что говорится тутъ о трудѣ? О какомъ классѣ народа тутъ говорится? Какіе классы народа бываютъ? Почему здѣсь именно говорится о крестьянахъ? Надо ли намъ вставать такъ рано? Въ какое время года и почему крестьяне особенно дорожатъ хорошею погодою, или вёдромъ? Какія же наши занятія, и въ какой мѣрѣ зависитъ успѣхъ ихъ отъ погоды?

Замѣтьте правописаніе словъ, напечатанныхъ курсивомъ, и объясните слова *сѣнь* и *сѣни*, и за-тѣмъ *осѣнять* (*осѣнить крестнымъ знаменіемъ*), *сѣнныя дѣвушки*. Припомните пѣсню: «*Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!*» Запомните, что буква *ѣ* произносится какъ ё не только въ словѣ *звѣзды*, но и еще въ нѣсколькихъ, а именно: *гнѣзда*, *сѣдла*, *цвѣлъ*, *пріобрѣлъ*. Запишите еще слѣдующія слова съ буквою *ѣ*, которыя начинаются буквою *з*: *зѣвать* (*ротозѣя*), *затѣя* (*затѣвать*), *звѣрь*, *змѣй* (*змѣя*).

Воскресное утро въ деревнѣ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ воскресенью суббота) деревня
Вся ужь заснула давно; въ *окрестности* все ужь покойно;
Время и мнѣ на покой! меня *одолѣла* дремота;
Полночь близко!... И только успѣла суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужь тутъ и ее принимаетъ безмолвно -
Въ тихое *лоно*. Моя *череда*! говоритъ воскресенье;
Легкой рукою тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта! все спитъ; иногда повѣваетъ.
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой

Ходитъ, какъ *духъ безтѣлесный*, неслышной *стопой* воскре-
сенье.
Въ *рощу* заглянетъ—тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вер-
шины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій *свѣтлякъ* на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ *кельѣ отшельника*. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незри-
мый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрест-
ность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися и молча
Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глу-
бокомъ
Снѣ; подъ легкимъ ихъ дерномъ какъ-будто что дышетъ сво-
боднымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все спокойно:
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи; и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ *тронулось*... Тронулось утро: во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко, встань!»... И разомъ *подернулся* блѣдной *струей*
Темный востокъ: началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой *рой* облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо; и лучъ за лучомъ полились, облака зажигая...
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
«Добро утро!» всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

В. Жуковскій.

При чтеніи этой статьи очень удобно побесѣдовать съ дѣтьми объ *олицетвореніи*: что значитъ *олицетворять* предметы? Для чего это дѣлается? Привести примѣры изъ прочитаннаго и выученнаго прежде. Наконецъ, можно тутъ-же познакомить дѣтей съ языкомъ переноснымъ: *каменное сердце, мѣдный лобъ, деревянные пальцы, оловянные глаза, соломенныя ноги*? и т. п. Раздѣлите эту статью на 5 частей: 1-я, Воскресенье ровно въ полночь смѣняетъ субботу; 2-я, Воскресенье обходитъ окрестности деревни; 3-я, Воскресенье приходитъ въ село (?) и садится на церковной паперти ожидать наступленія утра; 4-я, Какъ наступаетъ утро; 5-я, Раздается благовѣстъ, и всѣ жители села идутъ къ обѣднѣ. Разскажите теперь подробно каждую часть.

Объясните слова, напечатанныя курсивомъ. Отличите слова: *роща, лѣсъ, садъ, скверъ, огородъ; рой, стая, стадо, табунъ, толпа.*

Лѣтній вечеръ.

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ *погашаетъ* за лучомъ,
И алымъ, тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово *на-покой*?

Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь.
Вездѣ-жь работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ—
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай
И всѣхъ при томъ благословляй;

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ *медвяною* росой
Пчелу-работницу напой
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь *про* рѣзвыхъ *мотыльковъ*;

Зерну скорлупку расколи
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ;
Личужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на солнышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный свѣтъ;
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ *зноя* листьями прикрыть,
И колосъ зрѣлостью налить;

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку *влагой* окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ *копны* собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ нестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полу-потухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за *небосклонъ*,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ.

И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь *петухъ*
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ...
Гляди, гляди! въ томъ пользы нѣтъ:
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и *про* солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ *сыномъ* никогда:
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что-жь такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай! уже давно
Заснуло въ *сумеркахъ* оно...
И вотъ онъ всходитъ, въ *долъ* глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужь на небо взошла
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни,
И все замолкнуло въ тѣни;
И по *долинамъ*, по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ!

В. Жуковскій.

Объясните троякое значеніе слова *знать*, хоть на слѣдующихъ примѣрахъ: 1) въ (такомъ-то) собраніи было больше *знати*, нежели *простого народа*, 2) вамъ это необходимо *знать*, 3) онъ плохо, *знать*, выучилъ урокъ, что безпрестанно заикается. Отличите слова: *погашаетъ* и *погасаетъ*, и приведите подобныя выраженія: *воскрешаетъ* и *воскресаетъ*, *умерщвляетъ* и *умираетъ* и др. Выясните выраженіе *на-покой* да кстати и *на-рынокъ*, *на сватьбу*, *на-показъ* и т. п. Когда употребляются слова *медвяный*, *медовый*? скажите примѣры?.... Смыслъ какихъ предлоговъ выражаетъ *про*, напр. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*Да про запасъ Лиса ни слова;*» «*Зачѣмъ вы говорите про себя? говорите громче;*», «*Всякій Еремѣй про себя разумѣй*» и др. Всегда ли слово *зной* имѣетъ то значеніе, въ которомъ употреблено здѣсь? Что значитъ *ознобить*, *ознобъ*? О какомъ здѣсь *пѣтухѣ* говорится? Почему мѣсяцъ называется тутъ *сыномъ* солнца? Слова *долъ* и *долина* одно и то же ли? Скажите примѣръ? Объясните остальныя слова, напечатанныя курсивомъ?

Весна.

Гонимы *вешними* лучáми,
Съ *окрестныхъ* горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ *утро года*;
Синѣя блещутъ небеса;
Еще прозрачные, лѣса
Какъ-будто пухомъ зеленѣютъ.

Пчела за *данью* полевой
Летитъ изъ *кельи* восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужь пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

Разсказъ этого стихотворенія своими словами:

Настало время, что снѣга, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, превратились въ мутные ручьи и потекли съ окрестныхъ горъ на луга, покрытые водою. Природа принимаетъ веселый видъ (а веселый видъ человѣка, между прочимъ, обнаруживается *улыбкою*), встрѣчая весну; небо становится синимъ. Деревья не покрыты еще листьями настоящей величины, и потому лѣса такъ рѣдки, что кажутся прозрачными, а листочки все-же есть; но они такъ малы, или мелки еще, что кажутся издали зеленымъ пухомъ. Появились цвѣты, и пчелы вылетѣли изъ ульевъ для собиранія цвѣточнаго сока и пыли. Долины начинаютъ сохнуть и покрываться зеленью и цвѣтами; стада выпущены на подножный кормъ; прилетѣли перелетныя птицы, и въ ночной тишинѣ раздается пѣніе соловья.

И такъ въ этомъ стихотвореніи пять частей, въ которыхъ заключаются главныя мысли, выражающія постепенный переходъ отъ начала весны къ началу лѣта. Выразимъ ихъ теперь кратко: 1) Таютъ снѣга; 2) Солнце свѣтитъ ярко; 3) Деревья покрываются листьями; 4) Появляются цвѣты и воздушныя насѣкомыя; 5) Видны стада, и слышно пѣніе птицъ.

Объясните слова, напечатанныя курсивомъ. При объясненіи слова *утро года*, сравните всѣ времена года съ раздѣленіемъ сутокъ, а потомъ съ возрастами человѣка (весна—юность и т. д. утро жизни—младенчество и т. д.). При объясненіи слова *синья*, отличите слово *синье* и замѣтьте ихъ правописаніе. Какъ могутъ лучи солнца гнать снѣгъ? Какіе предметы здѣсь олицетворены и какими словами? Что гонятъ вешніе лучи? Какимъ образомъ? Отчего луга потоплены? Развѣ природа спала? Какъ-же она просыпается и улыбается? Отчего небеса блещутъ? Развѣ пухъ бываетъ зеленый? Какую дань пчелѣ даютъ поля? Почему помѣщеніе пчелы названо келіею? Зачѣмъ пчелѣ нуженъ цвѣточный сокъ? а пыль цвѣточная? Измѣните слова: улыбка, коробка, лобъ, сквозь, возъ, морозъ, грязь, мазь, снѣгъ, шагъ,—такъ, чтобы буквы *б, з, з* были слышны ясно.

Степь въ концѣ лѣта.

Мы остановились, и всѣ вышли изъ кареты, чтобъ переладить въ ней ночное устройство на денное. Степь, то есть,

безлѣсная и волнообразная безконечная равнина окружала насъ со всѣхъ сторонъ; *кое-гдѣ виднѣлись деревья, и синѣлось что-то вдали;- отецъ мой сказалъ, что тамъ течетъ Дема*, и что это синѣется ея гористая сторона, покрытая лѣсомъ. / *Степь не была уже такъ хороша и свѣжа*, какъ бываетъ весною въ самомъ началѣ лѣта, какою описывалъ ее мнѣ отецъ, и какою я послѣ самъ узналъ ее: *по долочкамъ травка была скошена и сметана въ стога, а по другимъ мѣстамъ она выгорѣла отъ лѣтняго солнца, засохла и пожелтѣла*, и уже сизый ковыль, еще несовсѣмъ распустившійся, еще непобѣлѣвшій, разстилался, какъ волны, по необозримой равнинѣ; *степь была тиха*, и *ни одинъ птичій голосъ не оживлялъ этой тишины; отецъ толковалъ мнѣ*, что *теперь вся степная птица уже не кричитъ*, а прячется съ молодыми дѣтьми по низкимъ ложбинамъ, гдѣ трава выше и гуще. *Мы усѣлись въ каретѣ по-прежнему* и взяли къ себѣ няню, которая опять стала держать на рукахъ мою сестрицу.

С. Аксаковъ.

Что же называется степью? Какими признаками выражается здѣсь конецъ лѣта? По какому случаю они были въ степи? Видно ли это изъ статьи?

Объясните слова: переладить, долочекъ, стогъ, сизый, ковыль, равнина, ложбина. Напечатанныя курсивомъ предложенія продиктовать, заставляя слабѣйшихъ учениковъ складывать слова, въ которыхъ они сдѣлаютъ ошибки.

Осенніе вечера.

Наступила осень: одно удовольствіе *исчезало вслѣдъ* за другимъ; дни стали коротки и сумрачны; дожди, холодъ загнали всѣхъ въ комнаты; больше сталъ я проводить время съ матерью, больше сталъ я *учиться*, то-есть, писать и читать *вслухъ*. *Впрочемъ*, въ долгіе вечера читалъ отецъ, и даже сама мать,—читала же она *необыкновенно* хорошо. Хотя отецъ не былъ пріученъ къ чтенію *смолоду* въ своемъ *семействѣ* (у дѣдушки и бабушки водились только календари да какія-то печатныя брошюрки «о Гарлемскихъ капляхъ» и «*Эликсиръ* долгой жизни»), но у него была природная склонность къ

чтенію, чему доказательствомъ служитъ огромное собраніе *пѣсенъ* и разныхъ тогдашнихъ стишковъ, *переписанныхъ* съ печатнаго его собственною рукою, *сохраняющееся* у меня и теперь. Моя мать успѣла развить въ немъ эту склонность, и потому чтенія по вечерамъ производились *ежедневно* съ общимъ интересомъ. Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаю эти *вечера*, при которыхъ всегда присутствовала и тетушка Евгенья Степановна; литературное удовольствіе *подкрѣплялось* кедровыми и каленымъ *русскими* орѣхами, которые были очень вредны для моей матери, но которые она очень любила: являлся на *сцену* мѣдный ларецъ съ лакомствомъ, и приносились щипчики и пестики для раздавливанія орѣховъ. Какъ только чтеніе возбуждало мое любопытство, то это надбавочное удовольствіе становилось мнѣ очень непріятно, потому что развлекало и мѣшало слушать.

С. Аксаковъ.

О мальчикѣ здѣсь говорится, или о дѣвочкѣ? Изъ чего это видно? Какія слова въ статьѣ показываютъ, что разсказываетъ мальчикъ, а не дѣвочка? Любилъ ли этотъ ребенокъ чтеніе? Изъ чего это видно? Изъ чего видно, что эти вечера были осенніе? Что говорится здѣсь объ отцѣ? А о матери? Какъ чтеніе можетъ возбуждать любопытство? Выпишите въ тетрадь слова, напечатанныя курсивомъ. Объясните: брошюра, природная склонность, собственною рукою, развить склонность, живѣйшее удовольствіе, литературное удовольствіе, сцена.

Овсяный кисель.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не *соваться*!
Кушайте: *всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;*
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!...
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной *заскородилъ*.
Вотъ, Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, расцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жь, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и смирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго онъ, долго
Спитъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ,
доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.

Вотъ онъ лежитъ въ *бороздѣ*, и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ родного зерна, и ростетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;
Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что-же-?... Вдругъ скучно и темно въ потемкахъ....
«Какъ бы *провѣдать*,
Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?... Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли... Ахъ, Царь мой небесный, какъ *любо!*
Смотришь—Господь-Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
«Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!»
Пьетъ онъ... ахъ, какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно!..
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитю, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, *даромъ вельможа*, а всякому ласка!»...
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ.
«Нѣтъ», говоритъ онъ: «теперь ужь подъ землю меня не заманятъ.
Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будутъ!»...
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!...
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ *гололедицей* въ полѣ.
Ахъ! мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ? земля заперлась, и негдѣ взять пищи.
«Гдѣ-же», онъ думаетъ: «красное солнышко? что не выходитъ

Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
Ахъ! зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? дома
Было мнѣ лучше: сидѣть бы въ *пріютномъ* теплѣ подъ землею...
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчуже, межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
«Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у *родимой* за печкой.»
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ *былиночкѣ*... Слушайте: въ ясный день
майскій
Свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло.
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣ-
луетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля *муравой* и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо.
Наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!»
Кстати ль! листки распустила.... Кто такъ прекрасно соткалъ
ихъ?
Вотъ стебелекъ показался..... Кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ *колосъ*...
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ
Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужь и цвѣтомъ нѣжный, *зыбучій* колосикъ осыпанъ.
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьѣ головкой: «я знаю, что будетъ.»
Смотришь, слетаются мошки, жучки молодую поздравить,
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей *многія лѣта*;
Въ сумерки-жь, только что мошки, жучки позаснутъ и замолк-
нутъ,
Тащится въ травкѣ *свѣтлякъ съ фонаремъ* посвѣтить ей
въ потемкахъ...

Купайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!
Вотъ ужь и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни, въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужь пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужь и на *жниво* сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброненный; имъ помогла тихомолкомъ и мышка.
Что-то былиночка дѣлаетъ?—О! ужь давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: «полно,
Время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться
Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?»
Вотъ съ серпами прищли и Иванъ, и Лука, и Дуняша;
Ужь и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужь сушили въ *овинѣ*; ужь ихъ *молотили*
Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на *ригѣ*;
Вотъ и *гнѣдко* потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ *жерновъ* молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечекъ, сварила кисель, чтобы дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо.

В. Жуковскій.

Мать сварила дѣтямъ овсяный кисель, и въ то время, какъ они его пли, разсказывала, откуда онъ взялся.

Откуда же взялся этотъ кисель? Какъ произошла овсяная мука? Что было съ зернышками, когда ихъ посѣяли въ полѣ? Съ кѣмъ сравнивается каждое зернышко, и въ какомъ отношеніи? Что говорится о солнышкѣ? Сколько времени зернышко было въ землѣ (какія времена года)? Какъ зернышко выглянуло на свѣтъ Божій? Что стало съ былинкою зимою? Въ какомъ смыслѣ мать сравнивала дѣтей своихъ съ этой былиночкой? Что происходило съ былиночкою весною? а лѣтомъ? Что стало съ былиночкою осенью?

Объясните слова, напечатанныя курсивомъ?

Зима.

Гдѣ сладкій шёпотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?

Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

Что стало съ лѣсами? А съ луговыми цвѣтами? А съ деревьями? А съ потоками (ручьями)? А съ небомъ? Какой видъ приняла вся природа? Скажите всѣ признаки зимы, о которыхъ упоминается въ этихъ стихахъ. Объясните: шёпотъ, шёпотъ лѣсовъ, сладкій шёпотъ, ропотъ, ропотъ потоковъ, коверъ зимы, долъ, ледяная кора, нѣмѣть, ручей нѣмѣетъ, все цѣпенѣетъ, злой вѣтеръ, бушевать, вѣтеръ бушуетъ, сѣдая мгла. Отличите слова: *кора́* и *ка́ра*.

Не слышно уже ни пріятнаго шелеста листьевъ въ лѣсахъ, ни журчанья игриваго ручейка; не видно на лугахъ цвѣточковъ. Уныло стоятъ обнаженныя деревья; холмы, луга и долины покрыты снѣгомъ. Воды одѣты льдомъ, а потому не видно и не слышно ихъ шумнаго теченія. Вся природа какъ-будто мертва: жизнь покинула стволы деревъ и кустарниковъ, да и самыя животныя уже не такъ живы и веселы, какъ въ другое время года; нѣкоторыя же вовсе исчезли, или окоченѣли, какъ напр. мухи и другія насѣкомыя. Исчезъ голубой цвѣтъ неба, и теперь оно, покрытое какъ-будто туманомъ, кажется сѣрымъ, грустнымъ. Наконецъ сильный, суровый вѣтеръ довершаетъ печальную картину зимы.

Отправленіе въ гимназію.

Курсъ ученья начинался въ гимназіи съ 15-го, а пріемъ съ 1-го Августа. Итакъ, было положено *въ исходѣ* Іюля отправиться въ К. Такое *рѣшеніе* принялъ я почти спокойно, потому что *внутреннее* состояніе моего духа становилось *тяжелѣе* и *болѣе*. Но когда *сборы* были кончены, назначенъ день *отъѣзда* — мнѣ стало такъ жаль Аксакова, что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ *прежнюю* цѣну и *прелесть*, даже можетъ быть большую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами. Я раздарилъ все мое богатство: голу-

бей отдалъ я повару Степану и его сыну; кошку подарилъ *Свѣтьевнѣ*, женѣ нашего слѣпого *повѣреннаго*, Пантелея Григорьича, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поставушки роздалъ дворовымъ мальчикамъ; а книжки, сухіе цвѣты, картинки и проч. отдалъ моей сестрицѣ, съ которой въ этотъ годъ мы сдѣлались такими друзьями, какими только могутъ быть *девятилѣтняя* сестра съ *одиннадцатилѣтнимъ* братомъ. Разлука съ ней была для меня очень прискорбна, и я упросилъ мать взять мою сестрицу съ собой. Мать сначала противилась моимъ просьбамъ, но наконецъ уступила.

Какъ я завидовалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо было ѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ разлучаться, который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотинѣ и подъ густой тѣнью ольхи удить *беззаботно* окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ *незаросшаго* камышами и травами, потому что былъ съ весны долго спущенъ. Фыркали и горячились застоявшіеся кони, но сильныя, привычныя руки кучера осаживали ихъ и долго заставляли идти шагомъ. Въ каретѣ всѣ казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и *глядѣлъ* на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось изъ глазъ; тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

С. Аксаковъ.

Состояніе души мальчика предъ отъѣздомъ? Его разставаніе съ любимыми предметами? Кому и что онъ раздарилъ на память? Разлука съ сестрою? Какъ онъ завидуетъ деревенскому мальчику? Справедливо ли это? Послѣднее прощаніе съ родиною?

Слова, напечатанныя курсивомъ, ученики должны выписать въ тетрадь, а потомъ надо продиктовать имъ эти слова въ классѣ. (При слѣдующихъ статьяхъ мы не будемъ повторять этого послѣдняго замѣчанія).

Первые уроки рисованія у дяди.

Послѣ чтенія, лучшимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть какъ рисуетъ дядя, *Сергѣй Николаевичъ*. Онъ не такъ любилъ ѣздить по гостямъ, какъ другой дядя мой, *меньшой*

его братъ, котораго всѣ называли *внучникомъ*, и рисовалъ не только для меня маленькія картинки, но и для себя довольно большія картины. Я не могъ, бывало, дождаться того времени, когда дядя *сядетъ* за столъ у себя въ комнатѣ, на которомъ стоялъ уже стаканъ съ водой и чистая фаянсовая тарелка, заранѣе мною приготовленная. За *нѣсколько времени* до назначеннаго часа я уже не отходилъ отъ дяди и все смотрѣлъ ему въ глаза; а если и это не помогало, то дергалъ его за рукавъ, говоря самымъ просительнымъ голосомъ: «дяденька, пойдемте рисовать.» Наконецъ онъ садился за столъ, натиралъ на тарелку краски, обмакивалъ кисточку въ стаканъ,—и глаза мои уже не отрывались отъ его руки, и каждое *появленіе* новаго листка *на деревѣ*, носа у птицы, ноги у собаки, или какой-нибудь черты *въ человѣческомъ лицѣ*, *привѣтствовалъ* я радостными восклицаніями. Видя такую мою охоту, дядя вздумалъ учить меня рисовать: онъ весьма *тщательно* приготовилъ мнѣ оригиналы, то есть, мелкіе и большіе полукружочки и полные круги, безъ тушевки и *оттушеванные*, *помѣщенные* въ квадратикахъ, заранѣе *расчерченныхъ*, потомъ глазки, брови и проч. Дядя, какъ только садился самъ за свою картину, усаживалъ и меня рисовать на другомъ столѣ; но ученіе сначала не имѣло никакого успѣха; потому что я *безпрестанно* вскакивалъ, чтобъ посмотрѣть, какъ рисуетъ дядя; а когда онъ запретилъ мнѣ сходить съ мѣста, то я таращилъ свои глаза на него, или *взлѣзалъ* на стулъ, надѣясь хоть что-нибудь увидѣть. Дядя догадался, что прока не будетъ, и началъ заставлять меня рисовать въ другіе часы; онъ не ошибся: въ короткое время *я сдѣлалъ* блистательные успѣхи для своего возраста. Дядя былъ въ восторгѣ и пророчилъ, что изъ меня выйдетъ необыкновенный рисовальщикъ.

С. Аксаковъ.

Что вызвало дядю учить племянника рисованію? Какъ же онъ училъ его? Дѣйствительно ли въ племянникѣ была охота къ рисованію? Изъ чего это видно? Зачѣмъ дядя сталъ заставлять его рисовать не въ тѣ часы, когда онъ самъ рисовалъ? Была ли у него способность къ рисованію, или только одна охота? Итакъ, для успѣховъ въ искусствѣ что нужно имѣть?

Три-Ивана.

Одинъ почтенный *нѣмецъ*, который жилъ уже *давненько* въ Комлевѣ, *никогда* и *никакъ* не *хотѣлъ вѣрить*, чтобы *человѣка*, который къ намъ *теперь* вошелъ, звали Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Нѣмецъ говорилъ, покачавъ головой: «одинъ Иванъ — это должно, два Иванъ — это можно, три Иванъ—никакъ невозможно» и, не смотря на *всѣ убѣжденія*, *считалъ* это шуткой и ничего *болѣе* не слушалъ. Вотъ почему Ивана Ивановича Иванова звали въ Комлевѣ Три-Ивана; подъ этимъ прозваніемъ былъ онъ *извѣстенъ* цѣлому городу.

Три-Ивана жилъ въ своей очень опрятной избушкѣ, *построенной* всего на 4-хъ и $4^1/_2$ саженяхъ; на конькѣ поставлены шесты съ вѣниками, а на нихъ *повѣшены* цапки или западочки; по угламъ забора, также на шестахъ, скворечницы; весь дворикъ представляетъ родъ садика, въ которомъ большая часть небольшихъ деревьевъ подложныя, воткнутые сучья, обвязанные и *обвѣшанные* пучками разныхъ травъ и кустиковъ для приманки птицъ. *Посрединѣ* родъ бесѣдки, къ которой ведетъ узенькій, *низкій* крытый ходъ прямо изъ дому; а по обѣ стороны бесѣдки лучокъ и тайничокъ, *сѣтки*, коими ловятъ птицъ, и отъ коихъ шнуры проведены въ бесѣдку. Весь заборъ былъ кругомъ утыканъ вѣниками и метлами, *волчцомъ* и коноплями, и повсюду *разставлены* силочки; домъ и дворъ Ивана Ивановича былъ для птичекъ очарованный замокъ, изъ котораго, если только онѣ залетали, имъ улетать не удавалось. Иванъ Ивановичъ мастерски дразнилъ и подзывалъ всѣхъ *безъ изъятія пѣвчихъ* птицъ, гонялся иногда за какимъ-нибудь щегленкомъ, котораго признавалъ издали *шестерикомъ* или *осьмерикомъ*, по цѣлому городу, лысый, руки въ карманахъ сюртука, и безъ картуза, и все насвистывалъ и приводилъ-таки щегла наконецъ къ себѣ на дворъ и подманивалъ подъ лучокъ. Домъ *снутри* и *снаружи* былъ *рѣшительно* покрытъ *клѣтками* всѣхъ родовъ и величинъ, работы самого Ивана Ивановича. Вы могли у него купить и промѣнять, на что

угодно, по уговору, любую *пѣвчую птичку*, кромѣ чернаго жаворонка, котораго держалъ онъ, какъ привозную *рѣдкость*, берегъ пуще-глазу, ему не было цѣны.

Даль.

Почему его звали Три-Иваномъ? Что удивляло нѣмца? Какъ жилъ Три-Ивана? Опишите его дворикъ? Какъ онъ гонялся за пѣвчими птичками? Что есть смѣшного въ этомъ разсказѣ, во-первыхъ (сначала статьи) и во-вторыхъ (предъ концомъ)? Каковъ же былъ Три-Ивана? Какъ вы назовете его?

Объясните слова: конёкъ (притолка у дверей), цапки (западочки), шестъ, скворечница, лучокъ, тайничокъ, изъятіе, подложныя деревья.

Отличите слова: званіе, прозваніе, прозвище, имя, названіе, титулъ, чинъ; *за́мокъ* и *замо́къ* (что даетъ извѣстное значеніе каждому изъ этихъ двухъ словъ). Вотъ еще такого-же свойства слова: *ко́злы* и *козлы*, *во́лна* и *волна́*. Замѣтьте правописаніе словъ: нѣмецъ, невѣста, нѣга (нѣжный), нѣтъ, нѣдро, нѣкоторый, нѣкто, нѣчто, нѣсколько. Отличите: нѣкогда, некогда и никогда; *очарованный за́мокъ* и *очаровательный за́мокъ*.

Голуби Три-Ивана.

На двухъ концахъ двора стояли *двѣ* голубятни: въ одной водились чистые, въ другой вертуны или турманы. Избави Богъ, если одному изъ *тѣхъ* или другихъ вздумалось бы *перелетѣть* на другую голубятню: Три-Ивана бросался, завидѣвъ такой *соблазнъ*, какъ *бѣшеный*, прямо изъ окна, съ хворостиной, на дворъ, загонялъ *всѣхъ* голубей по *мѣстамъ* и на *цѣлыя* сутки запиралъ голубятни. Это дѣлалось, чтобы породы отнюдь не *перемѣшались*. За-то какіе были у Ивана Ивановича голуби! За-то какъ *берегъ* ихъ Иванъ Ивановичъ, какъ холилъ, какъ ухаживалъ за бѣднякомъ, когда иной завертится и *убьется*!... а гоняетъ! безъ того нельзя: для чего-же ихъ и держать? Но посмотрѣли-бъ вы, когда Три-Ивана взгонитъ чистыхъ своихъ! Тогда онъ отправляется обыкновенно на вышку, на *бесѣдку*, гдѣ, на *кровлѣ*, всегда стоялъ у него свѣтлый мѣдный тазъ съ водой, который чистился постоянно по два раза въ *недѣлю*: по *середамъ* и по *субботамъ*. Тамъ-то стоитъ Иванъ Ивановичъ превыше суетъ *мірскихъ* и глядитъ не *вверхъ*, гдѣ голуби летаютъ, а *внизъ*—въ воду, въ тазъ, и видитъ, какъ они ходятъ

на кругахъ, все *выше* да выше, и круги дѣлаются все *меньше* и меньше; *изрѣдка* только, глядя въ магическое зеркало свое, покрикиваетъ онъ: «*врешь*, *врешь*, сбился!» когда голубь выходилъ изъ круга; но чрезъ минуту все опять было *въ порядкѣ*. Если случалось, что какой-нибудь изъ голубей, не смотря на благородство крови своей и приличное данное ему воспитаніе, выходилъ не въ семью, безобразилъ *поведеніемъ* своимъ всю голубятню, посрамлялъ товарищей и хозяина, *напримѣръ*: козырялъ, хлопалъ крыльями *налету*, рыскалъ, садился на чужія кровли, то Три-Ивана *съѣдалъ* его преспокойно на другой-же день въ бѣломъ соусѣ. Верхъ торжества для Ивана Ивановича былъ, когда онъ успѣвалъ сманить и загнать чужого голубя; но онъ никогда не позволялъ *себѣ* при этомъ какихъ-нибудь неблагопристойностей, низостей, какъ другіе голубятники, напримѣръ: ловить голубей въ силки, или тому подобное—*нѣтъ*; онъ *дѣйствовалъ* всегда на-чистоту, хоть самъ хозяинъ тутъ стой: подпускалъ своихъ, осаживалъ ихъ *исподоволь*, опять подганивалъ, если нужно; а какъ скоро только *съ* пріятель, то уже все равно, что въ рукахъ; Три-Ивана загонялъ его прутомъ, *вмѣстѣ* со своими, въ голубятню, и тотъ уже не смѣлъ и подумать *улетѣть*—ровно невидимая сила его приковала, слушается и идетъ!

Даль.

Какъ онъ воспитывалъ своихъ голубей? Зачѣмъ у него были двѣ голубятни? Какъ онъ ухаживалъ за голубями? Какъ онъ гонялъ голубей? Для чего ему служилъ мѣдный тазъ? Что называлъ онъ поведеніемъ голубей? Какъ онъ обходился съ чужими голубями?

Объясните: голубятня, соблазнъ, хворостина, порода, холить, вышка, мірская суета, магическій, благородство крови, козырять, рыскать, силокъ, дѣйствовать на чистоту. Отличите слова: выгонялъ, загонялъ, пригонялъ, отгонялъ, угонялъ, подгонялъ, перегонялъ, прогонялъ, изгонялъ, догонялъ, разгонялъ, обгонялъ, нагонялъ (что въ этихъ словахъ придаетъ имъ извѣстный оттѣнокъ)?

Измѣните слова такъ, чтобы конечная согласная выразилась ясно: голубь, прорубь, рабъ, берегъ (берёгъ), рогъ, гробъ, кровь, родъ, годъ, разъ, возъ, ножъ, ужъ, лобъ, родъ, ровъ, ревъ, мужъ. Отличите слова: порогъ и порокъ, прудъ и прутъ, рогъ и рокъ, трубъ и трупъ, родъ и ротъ.

*

Володя перестаетъ быть ребенкомъ.

Мы отправились играть.

— Ну, во что? *сказала Любочка*, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ. Давайте въ Робинзона.

Нѣтъ... скучно, сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно быть, *онъ гордился тѣмъ*, что пріѣхалъ на охотничьей лошади и притворился, что очень усталъ. Можетъ быть и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзонъ. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ «Robinson Suisse», котораго мы читали незадолго предъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія? *приставали къ нему дѣвочки.* Ты будешь Charles или Ernest, или отецъ — какъ хочешь? говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право, не хочется—скучно! сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли *никто не хочетъ играть*, *сквозь слезы выговорила Любочка.* (Она была страшная плакса).

— Ну, пойдемте; только не плачь, пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ: *его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры.* Когда *мы сѣли на землю* и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ, сложа руки, и въ позѣ, неимѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. *Я замѣтилъ ему это*; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ, и все же далеко не уѣдемъ. *Я невольно согласился съ нимъ.* Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, *я отправился въ лѣсъ*, *Володя легъ на спину*, *закинулъ руки*

подъ голову и сказалъ мнѣ, что будто-бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что *Володя поступаетъ благоразумно*. Я самъ знаю, что изъ цалки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя.—Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ *въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску*, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину; *три стула были тройка лошадей*,—и *мы отправлялись въ дорогу*. И *какія разныя приключенія случались въ этой дорогѣ!* и *какъ весело и скоро проходили зимніе вечера*!.. Если судить по-настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, что-жь тогда остается?...

Толстой.

Что-же тогда остается въ самомъ дѣлѣ? Итакъ, Володя, значитъ, не любилъ играть? Почему-же? Что значитъ, у Володи было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія? Чѣмъ гордился Володя? Изъ чего же видно, что Володя перестаетъ быть ребенкомъ? Почему для подобныхъ игръ надо имѣть много воображенія? (Припомните игры дѣтей въ статьѣ «Братъ и сестра»).

Послѣ разсказа этой статьи по частямъ и объясненій непонятыхъ выраженій, предложенія, напечатанныя курсивомъ, можно разобрать.

Конь. (*Сербская пѣсня*).

«Что ты ржешь, мой конь *ретивый*?
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не *холю*?
Али ѣшь овса *не-вволю*?
Али сбруя не *красна*?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»
Отвѣчаетъ конь печальный:
— Оттого я присмирѣлъ,

Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и *пѣнье стрѣлъ*;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужь недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужь скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Оттого мой *духъ и ноетъ*,
Что, на мѣсто *цепрака*,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

А. Пушкинъ.

Объясните слова, напечатанныя курсивомъ. На сколько частей дѣлится эта статья? Что говорится въ 1-й части? А во 2-й? Развѣ лошадь можетъ говорить? Кто-же это говоритъ? Кому? Можетъ ли конь понимать рѣчь всадника? Съ кѣмъ-же онъ говоритъ? Отчего явились такія мысли у всадника? Разскажите же содержаніе стихотворенія смыслъ всей рѣчи коня, особенно послѣднихъ двухъ стиховъ.

Рыбачья хата.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то *рѣчки безъименной*,
Въ прохладномъ сумракѣ *лѣсовъ*,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами *вѣнчанный*.
Въ теченьѣ медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала
И *вкругъ* него едва журчала
При *легкомъ* шумѣ *вѣтерка*.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина

Съ начала *міра* воцарилась.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.

А. Пушкинъ.

Что здѣсь говорится о хатѣ? Что значитъ *хата, хижина, шалашъ*? Какія еще названія для жилищъ людей? Гдѣ стояла эта хата? Какъ она выглядѣла? Что окружало ее? Что говорится о рѣкѣ? Какъ она текла и что омывала? Что говорится о долинѣ? Отвѣчайте полнѣе? Что говорится о рыбакѣ? Дайте подробный отвѣтъ. Объясните слѣдующія выраженія: *кровъ, вѣнчанный соснами, сонная волна, воцарилась тишина, смиренная хижина, склонъ береговъ*. Замѣтьте правописаніе словъ, напечатанныхъ курсивомъ, и, кромѣ того, еще слѣдующихъ: лѣсъ, лелѣять, лѣто, дѣвый (*влѣво*), лѣзть, лѣстница, лѣнь (лѣнивый), лѣпить, лѣпый (*нелѣпый, великолѣпный*).

Путница.

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
«Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужь скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна.»
Она идетъ, и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.

Козловъ.

Измѣните 1-й стихъ такъ, чтобы вышла рѣчь обыкновенная (вставьте предлогъ *по*). Во 2-мъ стихѣ слово *одежда* замѣните глаголомъ и вставьте слово *платье*. Въ 3-й стихъ вставьте глаголъ и поставьте этотъ

стхиъ послѣ 4-го стиха, соединивъ ихъ союзомъ *и*. Въ 5-й стихъ вставьте подразумѣваемое сказуемое; въ 6-мъ стихѣ вмѣсто «*какъ быть?*» поставьте союзъ *потому-что*, а вмѣсто предлога *въ* предлогъ *до*; въ 7-мъ стихѣ вставьте глаголъ; слово *лѣсной* замѣните существительнымъ съ предлогомъ *черезъ*, и соедините этотъ стихъ съ 6-мъ посредствомъ союза *а*. Итакъ, у васъ вышелъ слѣдующій разсказъ: По большой Владимірской дорогѣ, одѣтая въ сельское убогое платье, тихо шла молодая путница и несла на рукахъ грудного младенца. Въ ея усталомъ взорѣ видѣнъ тайный страхъ, потому что до Москвы остается еще семь верстъ, а дорога идетъ черезъ лѣсъ между холмовъ...

Чего страшится путница? Почему думается, что она найдетъ ночлегъ въ селѣ? Отчего она дойдетъ тропинкою скорѣе?

Замѣтьте правописаніе словъ: тѣнь, тѣло, тѣсный, тѣсто, тѣшить (утѣшать, утѣха), телѣга (и телега).

Баринъ, для чего ты пташку убилъ?

— Баринъ, а баринъ! промолвилъ вдругъ Касьянъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Я съ удивленіемъ приподнялся; до сихъ поръ онъ едва отвѣчалъ на мои вопросы, а то вдругъ самъ заговорилъ.

— Что тебѣ? спросилъ я.

— Ну, для чего ты пташку убилъ? началъ онъ, глядя мнѣ прямо въ лицо.

— Какъ, для чего?... Коростель—это дичь: его ѣсть можно.

— Не для того ты убилъ его, баринъ: станешь ты его ѣсть! Ты его для потѣхи своей убилъ.

— Да, вѣдь, ты самъ, небось, гусей или куръ, напримѣръ, ѣшь?

— Та птица Богомъ опредѣленная для человѣка, а коростель—птица вольная, лѣсная. И не онъ одинъ: много ея, всякой лѣсной твари, и полевой, и рѣчной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой—и грѣхъ ее убивать, и пускай она живетъ на землѣ до своего предѣла.... А человѣку пища положенная другая; пища ему другая и другое питье: хлѣбъ—Божья благодать, да воды небесныя, да тварь ручная отъ древнихъ отцовъ.

Я съ удивленіемъ поглядѣлъ на Касьяна. Слова его ли-

лись свободно; онъ не искалъ ихъ, онъ говорилъ съ тихимъ одушевленіемъ и кроткою важностью, изрѣдка закрывая глаза.

— Такъ и рыбу, по-твоему, грѣшно убивать? спросилъ я.

— У рыбы кровь холодная, возразилъ онъ съ увѣренностію:—рыба тварь нѣмая. Она не боится, не веселится: рыба тварь безсловесная.

Рыба не чувствуетъ, въ ней и кровь не живая... Кровь, продолжалъ онъ, помолчавъ—святое дѣло кровь! Кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту прячется... великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!

Онъ вздохнулъ и потупился. Я, признаюсь, съ совершеннымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на страннаго старика. Его рѣчь звучала не мужичьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдины, и краснобаи такъ не говорятъ. Этотъ языкъ обдуманно торжественный и странный... Я не слыхалъ ничего подобнаго.

Тургеневъ.

Какъ думалъ Касьянъ объ убиваніи птицъ? Какія твари идутъ въ пищу человѣку? Грѣхъ ли убивать животныхъ? Почему? Какъ дѣлитъ тварей Касьянъ? Какія животныя (звѣри и птицы) называются домашними? Что значитъ именно *ручное* животное? На какія потребы какія именно домашнія животныя служатъ человѣку? Объясните выраженія: вольная птица, Божія благодать, слова льются, тихое одушевленіе, кроткая важность, языкъ обдуманно-торжественный, звучный голосъ.

Объясните слова: небось, тварь, простолюдинъ, краснобай, предѣлъ, граница.

Замѣтьте правописанія словъ: дичь, потѣха, вѣдь, рѣчной, гнѣздой, верховой, изрѣдка, рѣчь, грѣхъ, гнѣвъ, гнѣздой, угнѣтать, хлѣбъ. Отличите слова: кровь и кровъ.

Загадочный старикъ.

Скажи, пожалуйста, Касьянъ, началъ я, не спуская глазъ съ его слегка раскраснѣвшагося лица:—чѣмъ ты промышляешь?

Онъ не тотчасъ отвѣтилъ на мой вопросъ. Его взглядъ безпокойно забѣгалъ на мгновеніе.

— Живу, какъ Богъ велитъ, промолвилъ онъ наконецъ:—

а чтобы, то есть, промышлять—нѣтъ, ничѣмъ не промышляю. Неразуменъ я больно съ мальства; работаю, пока мочно,—работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы. Ну, весной соловьевъ ловлю.

— Соловьевъ ловишь?... А какъ-же ты говорилъ, что всякую лѣсную и полевую и прочую тамъ тварь не надо трогать?

— Убивать ее не надо, точно; смерть и такъ свое возьметъ. Вотъ хоть-бы Мартынъ-плотникъ: жилъ Мартынъ-плотникъ, и не долго жилъ и померъ; жена его теперь убивается о мужѣ, о дѣткахъ малыхъ... Противъ смерти ни человѣку, ни твари не слукавить. Смерть и не бѣжитъ, да и отъ нея не убѣжишь; да помогать ей не должно.... А я соловушекъ не убиваю,—сохрани, Господи! Я ихъ не на муку ловлю, не на погибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселье.

— Ты въ Курскъ ихъ ловить ходишь?

— Хожу я и въ Курскъ и подалѣ хожу, какъ случится. Въ болотахъ ночую да въ залѣсьяхъ, въ полѣ ночую одинъ, во глуши: кулички разсвистятся, тутъ зайцы кричатъ, тутъ селезни строкочутъ.... По вечеркамъ замѣчаю, по утренничкамъ выслушиваю, по зарямъ обсыпаю сѣткой кусты.... Иной соловушко такъ жалостно поетъ, сладко... жалостно даже.

— И продаешь ты ихъ?

— Отдаю добрымъ людямъ.

— А что-жь ты еще дѣлаешь?

— Какъ дѣлаю?

— Чѣмъ ты занятъ?

Старикъ молчалъ.

— Ничѣмъ я этакъ не занятъ... Работникъ я плохой. Грамотѣ однако разумѣю.

— Ты грамотный?

— Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь да добрые люди.

— Что, ты семейный человѣкъ?

— Нѣту-ти, безсемейный.

— Что такъ?... Перемерли что-ли?

— Нѣтъ, а такъ: задачи въ жизни не вышло. Да это все

подъ Богомъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ; а справедливъ долженъ быть человѣкъ,—вотъ что! Богу угоденъ, то есть.

— И родни у тебя нѣтъ?

— Есть... да.... такъ...

Старикъ замялся.

— Скажи, пожалуйста, началъ я:—мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, что, дескать, отчего ты не вылечилъ Мартына? Развѣ ты умѣешь лечить?

— Кучеръ твой справедливый человѣкъ, задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ:—а тоже не безъ грѣха. Лекаркой меня называютъ.... Какой я лекарка!... и кто можетъ лечить? это все отъ Бога. А есть.... есть травы, цвѣты есть: помогаютъ, точно. Вотъ хоть череда, напримѣръ, трава добрая для человѣка; вотъ подорожникъ тоже; объ нихъ и говорить незазорно: чистыя травки—Божія. Ну, а другія не такъ: и помогаютъ-то мнѣ, а грѣхъ; и говорить о нихъ грѣхъ! еще съ молитвой развѣ.... Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ—спасется, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Ты ничего Мартыну не давалъ? спросилъ я.

— Поздно узналъ, отвѣчалъ старикъ.—Да что!... кому какъ на роду написано. Не жилецъ былъ плотникъ Мартынъ, не жилецъ на землѣ: ужь это такъ. Нѣтъ, ужь какому человѣку не жить на землѣ, того и солнышко не грѣетъ, какъ другого, и хлѣбушекъ тому не впрокъ,—словно что его отзываетъ.... Да, упокой Господи его душу!

Тургеневъ.

Чѣмъ-же дѣйствительно промышлялъ Касьянъ? Что значитъ знахарство? Какъ понималъ онъ ловитву птицъ? Чѣмъ больше могъ онъ пріобрѣсти выгодъ: знахарствомъ или ловлею птицъ? Почему? Какъ разсуждаетъ Касьянъ о своемъ знахарствѣ? Почему-же онъ не хотѣлъ сразу сказать, что занимается знахарствомъ, и взоръ его безпокойно забѣгалъ? Въ какой связи эта статья съ предыдущею? Что есть между ними общаго? Какъ онъ думаетъ о смерти? Что за человѣкъ этотъ Касьянъ? Нравится ли онъ вамъ?... Чѣмъ-же, напримѣръ? Объясните выраженія: безпокойный взглядъ забѣгалъ, руки глупы, все подъ Богомъ, понизить голосъ, чистыя травки, гораздъ грамотѣ, такъ на роду написано, возвысить голосъ.

Объясните слова: мальство, мочно, знахарь, зазорно, словно, строкочутъ. Отличите слова: *хитрить* и *лукавить*. Замѣтьте правописаніе

словъ: раскраснѣвшееся лицо, возьметъ, залѣсье, безсемейный, пожалуйста, развѣ, разумѣешь, дѣлаешь.

Вездѣ хорошо.

Давно васъ переселили къ намъ? спросилъ я послѣ небольшого молчанія.

Касьянъ встрепенулся.

— Нѣтъ, недавно: года четыре. При старомъ баринѣ мы все жили на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а вотъ опека переселила. Старый баринъ у насъ былъ кроткая душа, смиренникъ,— царство ему небесное! Ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно ужь такъ пришлось.

— А вы гдѣ прежде жили?

— Мы съ Красивой-Мечи.

— Далеко это отсюда?

— Верстъ сто.

— Что-жь, тамъ лучше было?

— Лучше.... лучше. Тамъ мѣста привольныя, рѣчныя, гнѣздо наше; а здѣсь тѣснота, сухмень.... Здѣсь мы осиротѣли. Тамъ у насъ, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холмъ, взойдешь—и Господи, Боже мой, что это? а?... И рѣка-то, и луга, и лѣсъ; а тамъ церковь, а тамъ опять пошли луга. Далече видно, далече. Вотъ какъ далеко видно...! смотришь, смотришь, ахъ, ты, право! Ну здѣсь, точно, земля лучше: суглинокъ, хорошій суглинокъ, говорятъ крестьяне; да съ меня хлѣбушка-то всюду вдоволь народится.

— А что, старикъ, скажи правду, тебѣ, чай, хочется на родину-то побывать?

— Да, посмотрѣлъ-бы. А впрочемъ, вездѣ хорошо. Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ. Да и что! много, что ли, дома то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь, подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ:—и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй, и поется-то ладнѣе. Тутъ, смотришь,—трава какая ростетъ; ну, замѣтишь—сорвешь. Вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну, напьешься—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небес-

ныя.... А то за Курскомъ пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленье, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія-то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица гамаюнъ сладкогласная, и съ деревъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки ростутъ золотыя на серебряныхъ вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости.... И вотъ ужь я бы туда пошелъ..... Вѣдь я мало-ли куда ходилъ! И въ Роменъ ходилъ, и въ Симбирскъ—славный градъ, и въ самую Москву—золотыя маковки; ходилъ на Оку—кормилицу, и на Цну—голубку, и на Волгу — матушку, и много людей видалъ, добрыхъ хрестьянъ, и въ городахъ побывалъ честныхъ... Ну вотъ, пошелъ бы я туда... и вотъ... и ужь... и..... И не одинъ я грѣшный..... много другихъ хрестьянъ въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, правды ищутъ... да!... А то что дома-то, а? Справедливости въ человѣкѣ нѣтъ,—вотъ оно что!...

Тургеневъ.

Объясните пословицы: *Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Славны бубны за горами.* Какъ думаетъ Касьянъ о переселеніи своемъ? Какъ онъ отзывается о родинѣ? Отчего Касьянъ такой непосѣдъ? Какъ онъ говоритъ о путешествіи? Изъ чего Касьянъ заключаетъ, что въ человѣкѣ нѣтъ справедливости? Всякому ли человѣку можетъ быть вездѣ хорошо? Что выражается пословицами: *Съ волками жить, по волчьи и выть. На чьемъ возу сидишь, тому и пѣсенку пой. Въ чужой приходъ съ своимъ уставомъ не ходи. Какъ аукнется, такъ и откликнется..* Долженъ ли былъ держаться этихъ пословицъ Касьянъ? Почему? Какую велъ онъ жизнь?

Объясните слова: опека, сухмень, приволье, суглинокъ, родникъ, раздолье, золотыя маковки. Замѣтьте правописаніе словъ: *отсюда, лучше, здѣсь, далече, крестьяне, непосѣдъ, полегчить, виднѣй, ладнѣе, напьешься, христіане.* Измѣните слова: гладкій, сладкій, родъ, лодка, рѣдкій, трудъ, прудъ—такъ, чтобы буква *д* была слышна ясно, напр. сахаръ сладокъ.... Отличите слова: серебряный и серебренный.

Титъ.

(Подборъ русскихъ пословицъ).

Горазда Титъ работать, нечего сказать: цѣлый день на печи лежитъ. Не даромъ говорится, что *кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ.* Проснется иной разъ Титъ въ обѣдню, посмотритъ

на свѣтъ: солнышко высоко стоитъ на небѣ. Перевернется Титъ на другой бокъ да и проворчитъ на солнце: «ишь вѣдь, какъ его рано подняло!» Извѣстно, *лежебоку и солнце не въ пору всходитъ*. Не вдомекъ ему, что *заря деньгу родитъ, заря золотомъ осыплетъ*. А то, иной разъ, протеръ Титъ глаза да и думаетъ: «какого сегодня святого?... А никакъ Саввы преподобнаго! Въ такой праздникъ работать грѣхъ. Ктому-же и женина дѣда Саввою звали.» Работящій такой мужикъ былъ —царство ему небесное! А самъ примащивается, какъ-бы улечься половче. У *лѣниваго всегда праздникъ*: сегодня Саввы, завтра Варвары. *Лѣнивый праздники помнитъ, будни забываетъ*; у него, *что ни день, то праздникъ*. Обѣда Титъ, небойсь, не проспитъ; хоть и говорится, что *сонный хлѣба не проситъ*. Какъ только придетъ полдень, Титъ ворчитъ на жену, что долго на столъ собираетъ: «надо» говоритъ: «идти на работу.» А поѣстъ, такъ про работу и забылъ: *пьетъ потѣшно, работать докучно*. Притомъ-же пища ко сну клонитъ. Встанетъ Титъ изъ-за стола да и на печь. А послѣ хлѣба-соли отдохнуть часокъ, завернется сала кусокъ да лѣни мѣшокъ. *Отчего котъ гладокъ? поълъ, да и на бокъ*.

Толстый такой мужикъ Титъ сталъ и излѣнился уже до того, что и шевельнуться-то стало ему въ тягость. Приходитъ разъ къ Титу сосѣдъ, съ тяжелою ношей, стучитъ въ дверь: «лѣнь,» кричитъ: «отвори дверь!» Титъ съ печи женѣ: «жена, подай кочергу, не достать рукой до двери-то.» Точь въ точь тетка одна: замерзла тетка, на печи лежа: свинья дверь отворила, ей лѣнь было пойти да притворить,—такъ и пролежала съ открытой дверью цѣлую ночь. Спасибо, на утро сосѣдка пришла да за собой притворила.

И жена у Тита была не лучше его: сядетъ, бывало, прясть, попрядетъ маленечко, да и руки опуститъ: «что» думаетъ: «намъ въ пряжѣ,—пойдемъ да ляжемъ; что тутъ прясть, коли готоваго страсть.» И *прялицу въ подлавицу, а сама бухъ въ пухъ*—на постелю. А какое готоваго страсть: у нея, лѣнивой пряхи, и про себя не было рубахи. А то, сосѣдка придетъ: совѣстно станетъ женѣ Тита, что все *лежитъ, какъ колода*; лѣзетъ съ печи, а сама за бока держится: «ой, ой,

ошеньки! болятъ боченьки!» А вѣстимо: *кто много лежитъ, у того и бокъ болитъ*. Сосѣдка подъ-часъ посмѣется и скажетъ: «давай въ-запуски прясть.»—Что за неволя? — «А ну, въ-запуски спать?»—Ложись.

А то, начнетъ жена Тита бѣлье стирать, на рѣчку полоскать пойдетъ. Встрѣтится тамъ съ другими бабами и ну тараторить. Полощетъ-это, полощетъ, чуть не съ утра до вечера; а бѣлья-то всего корзинка, да и той не будетъ. Ну и выходитъ: шила да мыла, гладила да катала, пряла да лощила, а все языкомъ. А богомольная какая тоже была! лежитъ-себѣ на печи да молится: «помоги ты мнѣ, Господи, квашню замѣсить.»

Такъ и жили они себѣ мужъ съ женой: жена зѣваетъ, а мужъ спитъ; мужъ зѣваетъ, а жена спитъ. *Вотъ жизнь-то: и помирать не надо*! Господи, Господи! до обѣда проспали,— встали, да обѣдать стали; наѣлись, помолились да и спать повалились. Не было отъ нихъ никакого проку ни имъ, ни людямъ.

Приходитъ къ Титу мужикъ, корить начнетъ: «какъ тебѣ» говоритъ: «не стыдно: *вѣдь безъ дѣла жить, только небо коптить*; хоть бы взялся за что.» Титъ въ карманъ за словомъ не полѣзетъ: «*вспхъ дѣлъ*» говоритъ: «*не передѣлаешь!*» А самъ про себя думаетъ: *отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ; какъ ни мечи, а лучше на печи!* Добро было Титу за готовымъ хлѣбомъ лежать: получилъ онъ отъ отца крохи кой-какія да и жилъ на нихъ. «Поживу» думалъ: «теперь всласть, а работать потомъ буду. Что *дѣло! не соколъ, не улетитъ*. Впереди дней много!» Лежитъ-себѣ на печи.

Эй, Титъ! *нынѣ гуляшки, завтра гуляшки, находишься безъ рубашки; хорошо тому гулять, кто работаетъ*; а вѣдь ты ничего не дѣлалъ, да гуляешь. *Работѣ время, потѣхѣ часъ*. Смотри, гуляй, гуляй да не загуливайся!... Куда тебѣ! *и ухомъ не ведетъ*.

Спустилъ Титъ всѣ свои гроши до-чиста. *Богатство-то ему съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и пошло. Легко добыто, легко и прожито*. Проѣлъ и пропилъ Титъ и деньги отцовскія, и все, что въ кладовой отцомъ сынку съ женой запасено

было. Стали жить не по-прежнему: *платья осталось, что на себѣ, а хлѣба, что въ себѣ!* Повѣсилъ Титъ голову: *придетъ кручина, коли нѣтъ ни дровъ, ни лучины.* Но вмѣсто того, чтобы хоть тутъ за работу приняться, Титъ только на людей да на судьбу жалуется. Чуть гдѣ завидитъ, мужикъ безъ дѣла стоитъ, сейчасъ къ нему и начнетъ ему плакаться на свое горе горькое. Пошелъ онъ, наконецъ, съ голоднымъ брюхомъ да по добрымъ людямъ: побираться да кланяться. Подъ однимъ окномъ постучитъ, подъ другимъ выпроситъ, подъ третьимъ отдохнетъ. Такъ-то сбылась надъ Титомъ пословица: *кабы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море снаряжалъ;* а теперь съ своей легкой руки по міру пошелъ.—Но рѣдко удается Титу кого-либо разжалобить: всѣ видятъ, что онъ здоровъ, силенъ, и что ему только неохота работать. *Добывай себѣ всякъ* говорятъ ему: *своимъ горбомъ; нѣтъ мошны, такъ есть спина; спиной поработаешь и мошну заработаешь.»*

В. Остр.

Пословицы и поговорки напечатаны курсивомъ: въ каждой изъ нихъ встрѣчаются слова, въ которыхъ плохой ученикъ можетъ сдѣлать ошибки. Эта статья хороша для повторенія: она довольно велика, а потому на ней можно повѣрить успѣхи въ механическомъ чтеніи многихъ учениковъ, одного за другимъ; во время чтенія вызываются, также одинъ за другимъ, нѣсколько изъ плохихъ учениковъ, и каждому задается написать на классной доскѣ по одной или по двѣ изъ приведенныхъ пословицъ, и потомъ на словахъ объяснить ихъ значеніе. Кромѣ того, если остается еще время отъ урока, можно сдѣлать нѣкоторымъ ученикамъ нѣсколько вопросовъ, относящихся къ содержанію статьи въ родѣ слѣдующихъ: что содѣйствовало лѣности Тита? Что-же изъ этого надо заключить? Приведите пословицу? или: Что было съ одною теткою? Къ чему приведенъ этотъ примѣръ? или: Какъ ходила жена Тита полоскать бѣлье на рѣчку? и т. д. Не знаете ли вы сами пословицъ, которыя можно было бы отнести къ этой статьѣ? напр. *Подъ лежачій камень и вода не течетъ? Кто не лѣнивъ пахать, тотъ скоро будетъ богатъ. Лѣнь прежде насъ родилась на свѣтъ. Глупому сыну не въ помощь богатство...* А еще?

Вавило.

(Подборъ русскихъ примѣтъ.)

Возьмемъ на-удачу одинъ денекъ изъ его жизни. Посмотримъ, какъ онъ его проводитъ.—Проснулся утромъ Вавило и ощу-

палъ, что у него *во время сна губа вспухла*. «По мѣсту», думаетъ: «*добрый знакъ: въ губу благая муха кусаетъ*»; но тутъже въ ногахъ кошку ощупалъ и осерчалъ: «брысь, проклятая, брысь!... ишь куда забралась! теперь *поспалъ съ кошкой, лягушки ещѐ въ головѣ заведутся*.» Кошка, спрыгнувшая между тѣмъ съ печи, какъ-будто въ отвѣтъ на его слова, чихнула. Вавило, какъ ни серчаетъ на нее, а все-таки ей *на чихъ «здравствуй»* говоритъ, *чтобы голова не болѣла*. Но время вставать; обуваться надо. Хотѣлъ-было *лѣвую ногу прежде правой обуть, чтоды зубы не болѣли*, да вспомнилъ слышанное наканунѣ отъ пономаря, что лѣвую ногу прежде правой обувать грѣхъ, и рѣшилъ: «пусть лучше зубы болятъ, чѣмъ грѣхъ сотворить.» Обулся, *слѣзъ съ печи правою ногою, чтобы* не встать лѣвой и *себѣ день не испортить*. Одѣваться началъ. «Тьфу, ты пропасть: *порты наизнанку одѣлъ! быть сегодня либо пьянымъ, либо битымъ*.» Умылся, вытерся *полотенцемъ*, которымъ только *одинъ и утирался, чтобы съ кѣмъ-нибудь на томъ свѣтѣ не разодраться*, помолился Богу, сѣлъ къ столу, поѣлъ и раздумывалъ, какой бы сегодня день былъ: не то понедѣльникъ, не то вторникъ; коли *вторникъ*, можно рыбу ловить—*день легкій*, коли *понедѣльникъ—тяжелый*: нельзя. Однако, выходитъ вторникъ: значитъ, можно рыбу ловить; *отъѣзжать только въ дорогу по вторникамъ нельзя*; а ему нужно было въ городъ на продажу рыбу везти. «Ну», думаетъ: «дѣлать нечего, завтра свезу; а сегодня пойду на рѣку рыбу удить.» Потянулся Вавило еще разъ, *зѣвнулъ*, *перекрестилъ ротъ*, какъ мать учила, и собрался молочка попить. Смотритъ, *муха въ молоко попала*. «*Ничего*» думаетъ: «муха *къ подарку*.» *Поперхулся какъ-то хлѣбомъ*. Тоже думаетъ: «*ничего, гость спѣшитъ*: милости просимъ.» *Выпилъ молоко*, закусилъ корочкой хлѣба, *для счастья закрылъ кринку лучинкой, чтобы въ нее бѣсъ не засѣлъ*, и сталъ собираться на рѣку. Въ это время у него въ носу засвербѣло, а потомъ зачесались и носъ и глазъ правый; повеселѣло на сердцѣ у Вавилы; «ну», говоритъ себѣ: «добрыя у меня сегодня примѣты: *глазъ правый чешется—къ радости, носъ—въ рюмку глядѣть*.» Вотъ, выходитъ Вавило на дворъ, веселый такой,—сейчасъ видно, что правой

ногой всталъ,—*обошелъ лежавшее у избы помело, чтобы судороги не тянули*, вышелъ за ворота. А навстрѣчу ему дѣвка съ пустыми ведрами: съ полными бы ничего—къ добру, а съ пустыми—къ худу. Вавило смутился, но идетъ дальше. Только на-ходу взглянулъ въ окно, видитъ, бабы прядутъ. «Ну, ужь теперь ворочусь: *коли увидишь въ окно, что бабы прядутъ, всегда воротиться надобно*; бѣсъ его знаетъ, что еще на дорогѣ будетъ: и хорошія сегодня примѣты да встрѣчи и худыя.» Идетъ назадъ и вспоминаетъ, что не всѣ уды съ собой захватилъ. «Вотъ оно» думаетъ: «и хорошо, что воротился: и тѣ уды съ собой захвачу.» Приходитъ опять въ избу, ищетъ, ищетъ удочекъ,—сгинули, да и только; а тутъ въ избѣ были. Вавило поискалъ, поискалъ и рѣшился *перевязать чорту бороду*, для чего нужно завить ножку стола платкомъ, говоря: *чортъ, чортъ, поиграй да опять отдай*. Только что перевязалъ, глядь,—поплавки висятъ тутъ-же, гдѣ онъ ихъ вчера повѣсилъ, у печи въ углу. «Вотъ вѣдь, нечисть какая!» говоритъ Вавило: «играть тоже вздумала!» и вышелъ снова на улицу. На этотъ разъ встрѣча была добрая: та же дѣвка возвращалась съ полными ведрами. Конечно, Вавило въ окно больше не заглядывалъ, и потому не видѣлъ прядшихъ бабъ. Повеселѣлъ Вавило и, замѣтя, что у прошедшей мимо дѣвки *подолъ въ грязи*, даже шутливо закричалъ ей, что у нея *мужъ будетъ пьяница*. Придя къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ у товарищей уже большой уловъ раковъ, что предвѣщало хорошій уловъ рыбы. Вавило просіялъ и привязалъ свои удочки. Закинулъ вдвоемъ неводъ; но неводъ принесъ только ерша: *а ершъ въ первомъ заловѣ къ неудачному промыслу*. Запечалился Вавило забрасываетъ въ другой разъ: опять мелкая рыба попалась, и той немного. Чего, чего не дѣлалъ Вавило: и молитвы-то читалъ, и всячески старался на неводъ не ступать и не плевать; поднялся далеко по рѣкѣ, съ другими рыбаками: нѣтъ, во весь день наловилъ рыбы самую малость. Идетъ Вавило домой, повѣся голову, а тутъ еще, подходя къ дому, споткнулся о подворотню, которую тамъ вынуть забылъ,—ссора, значитъ, дома готова. И вправду: только что онъ въ домъ, а тутъ сосѣдъ пьяный входитъ,

просить у него денегъ взаймы на полуштофъ: «домой» говоритъ: «не хочется идти; не хочу» говоритъ: «сказывать женѣ.»—«Ну нѣтъ,» говоритъ Вавило: «денегъ тебѣ теперь не дамъ: *на-закатѣ солнца хлѣбомъ и деньгами не ссужаютъ.*» Сосѣдъ плюнулъ, всталъ да, выходя изъ избы, и сказалъ Вавилѣ поговорку, которой того по деревнѣ дразнили: «Вавило, Вавило, не дѣлай мотовила, хозяйка помретъ.» Тутъ ужь Вавило не выдержалъ и сталъ осыпать сосѣда, въ догонку, бранью. «Вотъ, подворотня-то и права» думаетъ. И убѣдившись окончательно, что сегодня день дурной, и никакого дѣла начинать не слѣдуетъ, сѣлъ ужинать. Опять бѣда: приходится починать новый хлѣбъ, а солнце ужь взошло: *почнешь хлѣбъ на-закатѣ, обнищаешь.* И потому, собравъ, какія были, старыя корки, пріѣлъ ихъ, и за тѣмъ наскоро подмелъ на ночь избу, чтобы анделамъ было чище прохаживаться, и легъ спать. Но долго еще обдумывалъ онъ сегоднишнія примѣты и окончательно убѣдился, что въ этотъ день ему, дураку, вовсе не слѣдовало ловить рыбу, а могъ бы онъ хоть невода чинить.

Невдомекъ Вавилѣ, что какую бы примѣту ни выдумать, всегда найдутся случаи, въ которыхъ она оправдается; а запоминая ихъ и забывая другіе случаи, въ которыхъ примѣта не оправдывается, непремѣнно найдешь ее самою, что ни на есть, вѣрною.

В. Остр.

Примѣчаніе, сдѣланное къ статьѣ «Титъ», можно отнести и къ этой статьѣ; только вопросы, конечно, должны быть ужь иного рода, напр: Должно ли вѣрить примѣтамъ? Почему? Отчего-же нѣкоторые люди вѣрятъ примѣтамъ? Какъ называютъ такихъ людей? Не знаете ли вы сами какихъ-нибудь примѣтъ?

Лукоморье.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;

*

Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ, безъ оконъ безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама-собой;
Тамъ царь-Кащей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ.
И тамъ я былъ и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ и котъ ученый,
Свои мнѣ сказки говорилъ.

А. Пушкинъ.

Сказка о набитомъ дуракѣ.

Жилъ-былъ старикъ со старухою; имѣли при себѣ одного сына, и то дурака. Говоритъ ему мать: «ты бы, сынокъ, пошелъ *около людей потерся да ума набрался.*» — Постой, мама, сейчасъ пойду. Пошелъ по деревнѣ, видитъ — два му-

жика горохъ *молотятъ*, сейчасъ подбѣжалъ къ нимъ: то около одного потрется, то около другого. «*Не дури*!» говорятъ ему мужики: «ступай, откуда пришелъ.» А онъ знай-себѣ потирается. Вотъ мужики озлобились и принялись его *цѣпами* потчивать: такъ ошарашили, что едва домой приползъ. «Что ты, дитятко, плачешь?» спрашиваетъ его старуха. Дуракъ разсказалъ ей свое горе. «Ахъ, сынокъ, куда ты глупешенекъ! ты бы сказалъ имъ: Богъ помочь, добрые люди! носить бы вамъ — не переносить, возить бы — не перевозить! они бъ тебѣ дали гороху; вотъ бы мы сварили да и кушали.» На другой день идетъ дуракъ по деревнѣ, навстрѣчу несутъ покойника; увидалъ и давай кричать: «Богъ помочь! носить бы вамъ—не переносить, возить бы—не перевозить!» Опять его прибили. Воротился онъ домой и сталъ жаловаться: «вотъ, мама, ты научила, и меня прибили!»—Ахъ, ты, дитятко! ты бы сказалъ: канунъ да свѣча! да снялъ бы шапку, началъ бы слезно плакать да поклоны бить; они бъ тебя накормили-напоили до-сыта. Пошелъ дуракъ по деревнѣ, слышитъ въ одной избѣ шумъ, веселье—сватьбу празднуютъ; онъ снялъ шапку, а самъ такъ и заливается, горько-горько плачетъ. «Что это за невѣжа пришелъ?» говорятъ пьяные гости: «мы всѣ гуляемъ да веселимся, а онъ словно по-мертвому плачетъ!» Выскочили и порядкомъ ему бока помяли. Воротился сынъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать закаялась пускать его по деревнѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

Изъ нар. рус. сказ. *Афанасьевъ.*

О рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ—

Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ—
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ неводъ—
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкою,
Съ непростою рыбкой, съ золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ выкупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь!»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
А не слыхивалъ, чтобы рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
—Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.—
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
—Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась,
Откупалась, чѣмъ только пожелаю;
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось!»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ, море слегка разыгралось;

Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Надобно ей новое корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай-себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужь избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море;
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня, рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужь будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужь и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,

Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На-чемъ-свѣтъ-стоитъ мужа ругаетъ:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.
Пошелъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море;
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня, рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужь не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай-себѣ съ Богомъ!»
Воротился старикъ ко старухѣ:
Что-жь онъ видитъ? высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она ихъ бьетъ, за чупрынъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
—Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?—
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ:

Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовой дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился:
—Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство.—
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по-неволѣ!»
Старичокъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море;
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужь не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Старичокъ къ старухѣ воротился:
Что-жь? предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей;
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вокругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.

Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?—
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать велѣла:
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ-шеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила.
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа,
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!»
Вотъ недѣля-другая проходитъ:
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись и поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю:
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня, рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?

Ужь не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ ты сама ей служила,
И была-бы у нея на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта—
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять предъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

Медвѣдь пріѣзжаетъ на дровняхъ въ деревню.

Мужикъ пріѣхалъ зимою въ лѣсъ, по дрова. Медвѣдь, котораго, видно, кто-то поднялъ съ берлоги, и который поэтому бродилъ, сердитый и голодный, по лѣсу, подошелъ сзади къ дровнямъ,—между тѣмъ какъ мужикъ рубилъ въ сторонѣ хворостъ,—и кинулся прыжкомъ на лошадь; та дернула впередъ, понесла; и такъ, Мишка не попалъ на лошадь, а попалъ въ дровни. Испуганная лошадь мчала его, сломя голову, а онъ, оглядываясь по-сторонамъ, струсилъ, не рѣшаясь соскочить, и потому ревѣлъ и безуспѣшно хватался лапами за кусты. Лошадь промчала его черезъ старое кладбище, и Мишукъ со страха хотѣлъ-было ухватиться за наклонившійся крестъ; но крестъ остался у него въ лапахъ, и Мишка, въ недоумѣніи, оборачивая его во всѣ стороны, пріѣхалъ съ нимъ прямо къ крестьянину на дворъ. Къ этому прибавляютъ, будто нашъ Мишка этимъ нечаяннымъ происшествіемъ такъ былъ озадаченъ, что мужики успѣли окружить его и навсегда отучить отъ такихъ продѣлокъ.

Да ъ.

Родство.

Жили-были Иванъ да Марья. У нихъ было шестеро дѣтей: три сына: Михайло, Николай и Петръ, три дочери: Ольга, Елена и Лизавета. Отецъ и мать (какъ ихъ имена?) были умные *родители* и добрые, а ихъ дѣти жили между собою, какъ слѣдуетъ *роднымъ братьямъ да сестрамъ:* въ мирѣ и согласіи.

Старшій сынъ, Михайло, женился на Катеринѣ, дѣвушкѣ работящей и услужливой, а потому *свекръ* и *свекровь* (Иванъ и Марья) очень любили ее; Иванъ всегда называлъ ее милой *невѣстушкой*, да и Марья лелѣяла ее не какъ *сноху*, а какъ дочь родную. Бывало, какъ всѣ вмѣстѣ, такъ и не распознаешь, что Катерина Ольгѣ и Петру *невѣстка*, или Елена Катеринѣ *золовка*, а Николай ей *деверь*—всѣ какъ-будто одного отца дѣти родныя. И Михайло также больно почиталъ *тестя* и *тещу*, т. е. родителей жены своей, да и они-то въ своемъ *зятѣ* (Михайлѣ) души не слышали. Были у Катерины и братья, значитъ, *шуровья* (шуринъ) приводились они Михайлѣ, и сестры, значитъ, *своячины* ему. Всѣ любили крѣпко другъ друга; только женатый-то шуринъ, Гаврило, Богъ знаетъ за что, не взлюбилъ Михайлу: должно быть за то, что бѣднѣе жилъ по своей лѣности; а жена-то его очень уважала своего *свояка*, да и Михайло уважалъ ее, какъ добрую *свояченицу*. Вотъ, Богъ далъ Михайлѣ и Катеринѣ сынка, Гришу, и сильно обрадовались наши старики (кто?), увидя *внука*. Да, стали они теперь *дѣдомъ да бабой*: подростетъ Гриша и будетъ величать ихъ *дѣдушкой да бабушкой*. Какъ-же вся-то *семья* ласкаетъ новорожденнаго: *родныя тетки* (Ольга, Елена и Лизавета) такъ наперехватъ и няньчаются съ племянничкомъ, а *дяди* (Николай и Петръ) чуть ни каждое воскресенье приносятъ *племяннику*, Гришѣ, по игрушечкѣ. Да сколько-же теперь у Гриши-то дядей и тётокъ, дѣдушекъ да бабушекъ?—Ну, ужь это вы сосчитайте сами, коли хотите: сколько выйдетъ по отцѣ, а потомъ по матери?—

Крестилъ Гришу староста той деревни съ клюшницею [1]):

---

[1]) Они были большіе пріятели Михайлѣ и Катеринѣ: староста былъ *сватомъ*, а ключница *свахою*.

Кумъ и кума сдѣлали, какъ водится, хорошіе подарки Катеринѣ, а *крестника надѣлили* крестомъ, рубашкою и деньгами. Дѣти старосты и ключницы назвали Гришу *крестнымъ братцемъ*; онъ также будетъ называть ихъ *крестными братьями и сестрицами*.

У Гаврилы (кто онъ?) было двое дѣтей: сынъ и дочь. Они приходились Гришѣ *двоюродными братомъ и сестрою*, а самъ Гаврила приходился ему *дядею*. Вотъ какая большая *родня* у нашего Гриши! и не сосчитаешь, особенно если причтешь сюда еще брата и сестру жены Гаврилы (какъ-же они приводятся Гришѣ?). Долго счастливо жили Михайло и Катерина. Накопилось у нихъ дѣтокъ за полдюжину, всѣ рослые, добрые, послушные, а Гришу-то они ужь и поженили, да и стали дѣдомъ да бабой; Гриша подарилъ ихъ внукомъ да внучкой, а стариковъ Ивана да Марью *правнукомъ и правнучкой*. Да, вотъ стали теперь Иванъ да Марья *прадѣдомъ и прабабкою*.

А что-же стало съ Николаемъ да Петромъ? Николай, видите, женился, да года черезъ два жена-то его умерла, оставивъ ему дочку. Бѣдная *сиротка*, Аннушка, не могла и помнить своей родной матери, а называла мамой вторую жену Николая, которая приводилась ей *мачихою*. Нешто̀ еще было сироткѣ, пока у мачихи не было своихъ дѣтей; а какъ пошли свои, такъ и узнала, что̀ значитъ быть *родною дочерью*, и что̀—*падчерицею*. Да, плохо имѣть вмѣсто родного отца *вотчима* (второй мужъ матери), плохо быть *пасынкомъ*, а еще того хуже жить при *мачихѣ*, быть *падчерицею*. Не даромъ-то и въ сказкахъ все толкуютъ о мачихѣ. А какъ умеръ Николай, осталась Аннушка *сиротою круглою*. Тутъ ужь если-бъ не дядя Петръ, такъ, просто, хоть и не живи на свѣтѣ. Дядя Петръ остался на всю жизнь *холостякомъ*: вотъ онъ и призрѣлъ бѣдную сиротку племянницу, и стала она у него жить хозяйкою припѣваючи, лучше, чѣмъ ея *единокровные* (братья и сестры по мачихѣ). Впрочемъ, Аннушку, какъ круглую сиротку, всѣ ласкали и жаловали, особенно ея двоюродный братъ, Гриша.

Тетка Ольга два раза была замужемъ. Отъ перваго мужа, съ которымъ она жила всего два года, у нея былъ сынъ

Алёша. Недолго она оставалась *вдовою*: черезъ годъ вышла за другого, предобрѣйшаго мужичка, Степана, съ которымъ велъ торговыя дѣла Гриша, теперь ставшій ему *племянникомъ*. Съ нимъ Ольга прожила много лѣтъ, а дѣтей не имѣла. Степанъ любилъ своего *пасынка*, какъ нельзя больше любить и родного сына; за-то и Алеша слышать, бывало, не хотѣлъ, когда ему скажутъ, что Степанъ не родной ему отецъ, а *отчимъ*.

Тетки Елена и Лизавета остались на весь свой вѣкъ *въ-дѣвкахъ*. Елена, *ровесница* Катерины, была особенно предъ прочими *золовками* дружна съ нею: она все няньчилась съ дѣтьми Катерины, да такъ и осталась у нея до гроба сперва нянькою, потомъ неразлучнымъ другомъ. Лизавета же жила съ братомъ Петромъ, старымъ *холостякомъ*, да любовалась сироткою-племянницею, какъ та хозяйничала въ домѣ добраго дяди. Оно, конечно, приличнѣе было-бы хозяйничать-то теткѣ Лизаветѣ, да они, т. е. Петръ и Лизавета, больно любили и жалѣли Аннушку: «пусть-де она хозяйничаетъ: по крайности, можетъ, меньше будетъ чувствовать сиротство свое.»

Да, большая семейка произошла отъ Ивана да Марьи! благословилъ ихъ Господь, нечего сказать. И жили-то всѣ какъ мило: посмотрѣть любо! Всегда вмѣстѣ и жили и хлѣбъ-соль водили, вмѣстѣ и работали, вмѣстѣ и горе горевали и радость пировали. За-то и Господь наградилъ ихъ и здоровьемъ и довольствомъ.

М. Н

Въ этой статьѣ встрѣчаются, кажется, всѣ названія родства, съ которыми слѣдуетъ познакомить учениковъ.

Истинно-счастливый возрастъ.

(Изъ первыхъ воспоминаній дѣтства).

Счастливая, счастливая, невозратимая пора дѣтства! Какъ не любить ея, не лелѣять воспоминаній о ней?

Набѣгавшись досыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза; но

не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать: Maman говоритъ съ кѣмъ-нибудь, и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая — лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все также видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.—

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, говоритъ мнѣ maman:— ты бы лучше шелъ наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша, отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, въ просонкахъ, что чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее, и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко, крѣпко прижмешь ее къ губамъ. Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостиной; maman сказала, что она сама разбудитъ меня: это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной, нѣжной ручкой провела по моимъ волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ни чьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ея; она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.—

— Вставай же, мой ангелъ.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня,

слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвивъ руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ея? не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно! и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.—

Послѣ этого, какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь передъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку! Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство. Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно: однѣ мечты гонятъ другія, — но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастіе; мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Толстой.

Материнская любовь.

Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ К., заставила моего дядьку, Евсеича, побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно порывался исполнить свое обѣщаніе и открылся въ этомъ Упадышевскому (*), но тотъ постоянно его удерживалъ; теперь-же онъ

(*) Фамилія учителя, у котораго онъ жилъ.

рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнію, и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія; дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, то есть, снѣгъ, насыщенный водою: ѣхать почти было невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала въ тотъ-же день въ К. съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Федоромъ; ѣхала день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ некованныхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались по-счастію до половины Апрѣля. Въ десять дней дотащилась моя мать до большого села, Мурзихи, на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности; но за-то изъ Мурзихи надобно было переѣхать чрезъ Каму, чтобъ попасть въ село, Шуранъ, находящееся, кажется, въ 80-ти верстахъ отъ К. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь, и никто не согласился переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была ночевать въ Мурзихѣ. Боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дому въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что, если дождь въ ночь уймется, и къ утру хоть крошечку подморозитъ, они берутся благо-

получно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака, и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ ледочкомъ затянулъ лужи. На зарѣ, шестеро молодцовъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спину нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ-руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Федору, поручивъ ему тащить широкій чуманъ, то есть, широкій лубокъ, загнутый спереди къ верху и привязанный на веревкѣ, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ,—и отправились, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось, и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Федоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ идти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ чрезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла сѣсть на чуманъ, и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега, по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямского двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, то есть, половину своихъ денегъ; но честные люди не захотѣли воспользоваться: они взяли по синенькой на-брата (по пяти рублей ассигнаціями) (*).

(*) Сто рублей ассигн.—28 руб. 57 к. серебромъ, а 5 руб. ассигн.—1 р. 43 коп. серебромъ.

Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощаньѣ: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать» и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша. Изъ Шурана, въ двое сутокъ, мать моя доѣхала до К., остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ и черезъ полчаса уже была въ гимназіи.

С. Аксаковъ.

Изъ воспоминаній гимназиста.

Никакой періодъ моего дѣтства не помню я съ такою отчетливою ясностью, какъ время перваго пребыванія моего въ гимназіи. Я могъ бы безошибочно разсказать со всѣми подробностями (чего конечно дѣлать не буду) весь ходъ моего страннаго недуга.

Всѣмъ казалось тогда, а въ томъ числѣ и мнѣ, что появленіе припадковъ происходило безъ всякой причины; но теперь я убѣжденъ въ противномъ: они всегда происходили отъ неожиданно возникавшаго воспоминанія изъ прошедшей моей жизни, которая вдругъ представлялась моему воображенію съ живостью и яркостью ночныхъ сновидѣній. Иногда я доходилъ до такихъ явленій сознательно и постепенно, углубляясь въ неисчерпаемое хранилище памяти, но иногда они посѣщали меня безъ моего вѣдома и желанія. Случалось, что въ то время, когда я думалъ совсѣмъ о другомъ, и даже когда былъ сильно занятъ ученьемъ,—вдругъ какой-нибудь звукъ голоса, вѣроятно похожій на слышанный мною прежде, полоса солнечнаго свѣта на окнѣ или стѣнѣ, точно такъ освѣщавшая нѣкогда знакомые, дорогіе мнѣ предметы, муха, жужжавшая и бившаяся на стеклѣ окошка, на что часто засматривался я въ ребячествѣ, мгновенно, и на одно мгновеніе, неуловимо для сознанія, вызывали забытое прошедшее и потрясали мои напряженные нервы. Впрочемъ нѣкоторые случаи объяснялись тогда-же сами собою: одинъ разъ я сказывалъ урокъ, какъ вдругъ голубь сѣлъ на подоконную доску и началъ кружиться и ворковать—это сей-

часъ напомнило мнѣ моихъ любимыхъ голубей и деревню: грудь моя стѣснилась, и послѣдовалъ припадокъ. Въ другой разъ пришелъ я напиться квасу, или воды въ особенную комнату, которая называлась квасною; тамъ бросился мнѣ въ глаза простой деревянный столъ, который прежде вѣроятно я видалъ много разъ, не замѣчая его; но теперь онъ былъ выскобленъ заново и казался необыкновенно чистымъ и бѣлымъ—въ одно мгновеніе представился мнѣ такого-же вида липовый столъ, всегда блиставшій бѣлизной и гладкостью, принадлежавшій нѣкогда моей бабушкѣ, а потомъ стоявшій въ комнатѣ у моей тетки, въ которомъ хранились разныя бездѣлушки, драгоцѣнныя для дитяти: узелки съ тыквенными, арбузными и дынными сѣменами, изъ которыхъ тетка моя дѣлала чудныя корзиночки и подносики, мѣшечки съ рожковыми зернами, съ раковыми жерновками, а всего болѣе большой игольникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ иголками хранились крючки для удочекъ, изрѣдка выдаваемые мнѣ бабушкой; все это, бывало, я разсматривалъ съ восхищеніемъ, съ напряженнымъ любопытствомъ, едва переводя дыханіе... Я былъ пораженъ сходствомъ этихъ столовъ, прошедшее ярко блеснуло, ожило передо мною—сердце замерло, и послѣдовалъ сильный припадокъ. Точто то-же случилось со мной при взглядѣ на кошку, которая спала, свернувшись клубкомъ на. солнышкѣ, и напоминала мнѣ мою любимую кошку въ деревнѣ.

С. Аксаковъ.

Насъ семеро.

Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнію цвѣтя,
Какъ можетъ смерть понять?—
Навстрѣчу дѣвочка мнѣ шла:
Лѣтъ восемь было ей;
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.
И дикъ былъ видъ ея степной,

И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
Малютки милой взглядъ.
«Всѣхъ сколько васъ?» ей молвилъ я:
«И братьевъ и сестеръ?»—
«Всего? насъ семь;» и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.
«А гдѣ-жь они?»—«Насъ семь всего»,
Въ отвѣтъ малютка мнѣ:
«Насъ двое жить пошли въ село,
И два на кораблѣ.
И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежатъ изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной
Живемъ мы подлѣ нихъ.»
— «Какъ? двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?»
— «Насъ семь, насъ семь,» она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:
«Здѣсь на кладбищѣ двое насъ
Подъ ивою въ землѣ.»
— «Ты бѣгаешь вокругъ нее,
Ты видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два.»
«На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.
Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу,
И пѣсни имъ пою.
И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря,

То, взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.
Малютка, Джени, день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь,
И спряталась она.
Когда-жь ее мы погребли,
И разцвѣла земля,
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться: Джонъ и я.
Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядомъ съ ней.»
«Такъ сколько-жь васъ? былъ мой отвѣтъ;
На небѣ двое, вѣрь!—
Васъ только пять.»—«О, баринъ, нѣтъ!
Сочти—насъ семь теперь.»
«Да нѣтъ ужь двухъ,—они въ землѣ,
А души въ небесахъ!»
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
«О, нѣтъ, насъ семь, насъ семь!»

Козловъ.

Жизнь и смерть.

Бабушка со дня на день становится слабѣе; но вотъ нѣсколько дней насъ уже не пускаютъ къ ней, и разъ утромъ Сентъ-Жеромъ, во время классовъ, предлагаетъ мнѣ ѣхать кататься съ Любочкой и Катенькой. Не смотря на то, что, садясь въ сани, я замѣчаю, что предъ бабушкиными окнами улица устлана соломой, я никакъ не могу понять, для чего насъ посылаютъ кататься въ такой неурочный часъ. Въ этотъ день, во все время катанья, мы съ Любочкой находимся почему-то въ томъ особенно веселомъ расположеніи духа, въ

которомъ каждый простой случай, каждое слово, каждое движеніе заставляютъ смѣяться.

Разнощикъ, схватившись за лотокъ, рысью перебѣгаетъ черезъ дорогу, и мы смѣемся. Оборванный Ванька галопомъ, помахивая концами возжей, догоняетъ наши сани, и мы хохочемъ. У Филиппа зацѣпился кнутъ за полозъ саней, и мы помираемъ со-смѣху. Г-жа Мими съ недовольнымъ видомъ говоритъ, что только глупые смѣются безъ причины, и Любочка, вся красная отъ напряженія сдержаннаго смѣха, изъподлобья смотритъ на меня. Глаза наши встрѣчаются, и мы заливаемся такимъ хохотомъ, что у насъ на глазахъ слезы. Только что мы немного успокоиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю одно словечко, которое съ нѣкотораго времени у насъ уже всегда производитъ смѣхъ, и мы снова заливаемся.

Подъѣзжая назадъ къ дому, я только открываю ротъ, чтобы сдѣлать Любочкѣ одну прекрасную гримасу, какъ глаза мои поражаетъ черная крышка гроба, прислоненная къ половинкѣ двери нашего подъѣзда, и ротъ мой остается въ томъ-же искривленномъ положеніи.

Ваша бабушка умерла! говоритъ Сентъ-Жеромъ, съ блѣднымъ лицомъ выходя намъ навстрѣчу.

Л. Толстой.

У страха глаза велики.

Еврея, который шелъ по крайне нужному, т. е. денежному и торговому дѣлу, черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами; а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ съ боку на дорогу и стоитъ; даже видно, что у него дубинка на плечахъ... Недолго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. «Слушай», сказалъ онъ: «не тронь меня, я тебя не боюсь; видишь, насъ двое.» А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и поднялъ

вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою; но, видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей. «Видишь», повторялъ онъ: «ну, видишь? говори же, зачѣмъ ты молчишь? когда боишься, такъ поди прочь и дай намъ пройти...» Но всё это не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ, самъ-третей, передъ нимъ. Наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣни дрожали, и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ, и съ нимъ разговаривалъ, и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Даль.

Прочитайте статью Вурдалакъ.

Бонапартъ и черногорцы.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда-ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?
Такъ раскаются-жь нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ!»
Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.
Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незванныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.
Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.
«Стой! нали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного;
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите-жь никого!»
Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.
Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ. «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что ли?» Нѣтъ, не то!
Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ:
Весь отрядъ его смутился,
Кто, какъ могъ, пустился въ-бѣгъ.
И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль увидятъ
Шапку нашу невзначай.

А. Пушкинъ.

Послѣ половодья.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ переправы нашей кареты и повозки, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ, какъ выгружались, какъ закладывали лошадей, и очень скучалъ бѣлыми сыпучими песками, по которымъ надобно было тащиться болѣе версты. Наконецъ мы въѣхали въ урему, въ зеленую, въ цвѣ-

тущую и душистую урему. Веселое пѣніе птичекъ неслось со всѣхъ сторонъ, но всѣ голоса покрывались свистами, раскатами и щелканьемъ соловьевъ. Около деревьевъ въ цвѣту вились и жужжали цѣлые рои пчелъ, осъ и шмелей. Боже мой, какъ было весело! Слѣды недавно сбывшей воды вездѣ были примѣтны: сухіе прутья, солома, облѣпленная иломъ и землей, уже высохшая отъ солнца, висѣли клочьями на зеленыхъ кустахъ; стволы огромныхъ деревьевъ, высоко отъ корней, были плотно какъ-будто обмазаны также высохшею тиной и пескомъ, который свѣтился отъ солнечныхъ лучей. «Видишь, Сережа, какъ высоко стояла полая вода», говорилъ мнѣ отецъ: «смотри-ка, вонъ этотъ вязъ точно въ шапкѣ отъ разнаго наноса; видно, онъ почти весь стоялъ подъ водою.» Многое въ такомъ родѣ объяснялъ мнѣ отецъ, а я, въ свою очередь, объяснялъ моей милой сестрицѣ, хотя она тутъ же сидѣла и также слушала отца.

С Аксаковъ.

Парашинскіе родники.

Отецъ мой очень любилъ всякія воды, особенно ключевыя, а я не могъ безъ восхищенія видѣть даже бѣгущей по улицамъ воды, и потому великолѣпные Парашинскіе родники, которыхъ было больше двадцати, привели меня въ восторгъ. Нѣкоторые родники были очень сильны и вырывались изъ середины горы, другіе били и кипѣли у ея подошвы, нѣкоторые находились на косогорахъ и были обдѣланы деревянными срубами съ крышей; въ срубы были вдолблены широкія липовыя колоды, наполненныя такой прозрачной водою, что казались пустыми; вода по всей колодѣ переливалась черезъ край, падая по бокамъ, стеклянною бахрамой. Я видѣлъ, какъ приходили крестьянки съ ведрами, оттыкали деревянный гвоздь, находившійся въ концѣ колоды, подставляли ведро подъ струю воды, которая била дугой; потому что нижній конецъ колоды лежалъ высоко отъ земли на большихъ каменныхъ плитахъ (бока оврага состояли всѣ изъ дикаго плитняка). Въ одну минуту наполнялось одно ведро, а потомъ другое. Всѣ родники

стекали въ прудъ. Многіе необдѣланные ключи текли туда-же ручейками по мелкимъ камешкамъ, между ними мы съ отцомъ нашли множество прекрасныхъ, точно какъ обточенныхъ, довольно длинныхъ, похожихъ на сахарныя головки: эти камешки назывались чортовыми пальцами. Я увидѣлъ ихъ въ первый разъ; они мнѣ очень понравились; я набилъ ими свои карманы; только названіе ихъ никакъ не могъ объяснить мнѣ отецъ, и я долго надоѣдалъ ему вопросами: что за звѣрь чортъ, имѣющій такіе крѣпкіе пальцы?

С. Аксаковъ.

Дорога въ степь.

Но вотъ вы собрались въ отъѣзжее поле, въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ, — вотъ, вотъ, наконецъ, большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ двориковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежь воротами и колодеземъ, отъ одного села до другого, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ коноплянниковъ, долго-долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ, бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ на-встрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ... Далѣе, далѣе!... Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы — какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до-верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозняками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ

перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ дрaхвы; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы... Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ—безграничная необозримая степь!

Тургеневъ.

Ночевка въ татарской деревнѣ.

Мы должны были ночевать въ татарской деревнѣ; но вечеръ былъ такъ хорошъ, что матери моей захотѣлось остановиться въ полѣ; и такъ, у самой околицы своротили мы немного въ сторону и расположились на крутомъ берегу маленькой рѣчки. Ночевки въ полѣ никто не ожидалъ. Отецъ думалъ, что мать побоится ночной сырости; но мѣсто было необыкновенно сухо; никакихъ болотъ и даже лѣсу не находилось по близости, потому-что начиналась уже Башкирская степь; даже влажности ночного воздуха не было слышно. Для меня опять готовилось новое зрѣлище: отложили лошадей, хотѣли спутать и пустить въ поле, но какъ степныя травы погорѣли отъ солнца и завяли, то послали въ деревню за свѣжимъ сѣномъ и овсомъ и за всякими съѣстными припасами. Люди принялись разводить огонь: одинъ принесъ сухую жердь отъ околицы, изрубилъ ее на полѣнья, настрогалъ стружекъ и накололъ лучины для подтопки, другой притащилъ цѣлый ворохъ хворосту съ рѣчки, а третій, именно поваръ, Макей, досталъ кремень и огниво, вырубилъ огня на большой кусокъ труту, завернулъ его въ сухую куделю (ее возили нарочно съ собой для такихъ случаевъ), взялъ въ руку и началъ проворно махать взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, и махалъ до тѣхъ поръ, пока куделя не вспыхнула; тогда подложили огонь подъ готовый костеръ дровъ со стружками и лучиной—и пламя запылало. Стали накладывать дорожный самоваръ; на разостланномъ коврѣ и на подушкахъ лежала мать и готовилась наливать чай; она чувствовала себя бодрѣе. Я попросилъ позволенія развести маленькій огонекъ возлѣ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и когда

получилъ позволеніе, то, не помня себя отъ радости, принялся хлопотать объ этомъ съ помощью Ефрема, который въ дорогѣ вдругъ сдѣлался моимъ какъ-будто дядькой. Разведеніе огня доставило мнѣ такое удовольствіе, что я пересказать не могу: я безпрестанно бѣгалъ отъ большого костра къ маленькому, приносилъ щепочекъ, прутьевъ и сухого бастыльнику для поддержанія яркаго пламени, и такъ суетился, что мать принуждена была посадить меня насильно подлѣ себя. Мы напились чаю и поѣли супу изъ курицы, который сварилъ намъ поваръ. Мать расположилась ночевать съ дѣтьми въ каретѣ, а отецъ въ кибиткѣ.

С. Аксаковъ.

Червячокъ.

«Смотри-ка, Миша», говорила Лизанька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника: «кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты ли это?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ Миша: развѣ Саша или Володя.

«Гдѣ Володѣ это сдѣлать!» продолжала Лизанька: «Посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ.»

— Смотри-ка, сказалъ Миша: тамъ что-то круглое! — Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклеенную хлопку.

«Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизанька, удерживая Мишу и присматриваясь къ листочку: «тутъ червячокъ, видишь, шевелится.»

Дѣти не ошибались: въ самомъ дѣлѣ на листочкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ, прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупкѣ лежалъ червячокъ. Уже давно лежалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбель; онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка; онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ—свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячокъ. «Что это» говоритъ онъ: «никогда еще мнѣ такъ

тепло не бывало; видно, не дурно на Божьемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше.»

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку, и окошечко сдѣлалось дверцей; червячокъ просунулъ головку еще, еще—и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь прозрачный занавѣсъ, а возлѣ него, на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ-будто радужное сіяніе ложится отъ нея на зелень.

«Дай-ка напьюсь сладкой водицы,» сказалъ червячокъ; потянулся—анъ не тутъ-то было; кто это? вѣрно, маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила занавѣску, нельзя и приподнять ее даже! что-же дѣлать? Вотъ нашъ червячокъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ, и наконецъ поднялась занавѣска; червячокъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ: теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы и съ цвѣтковъ сыплетъ на него душистую пыль.

«Нѣтъ,» говоритъ червячокъ: «ужь впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? останусь-ка я лучше на просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ, есть за что уцѣпиться...»

Не успѣлъ червячокъ выговорить, какъ вдругъ, смотритъ, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали; небо потемнѣло; само солнышко со страху спряталось за тучку; вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ полился ливнемъ. Подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлестнуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало; едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы, и снова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую занавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка. Между-тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

«Нѣтъ,» сказалъ червячокъ: «теперь меня не обманутъ; зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и

сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ—а нѣтъ, чтобы отъ дождя защитить!»

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячокъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается; иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ, и опять въ колыбельку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червяка явилась теплая узорчатая шубка. Если-бъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черныя и зеленыя жилки...

«Ге-ге!» сказалъ червячокъ самъ къ себѣ: «неужели въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать въ моей постелькѣ да смотрѣть на занавѣску? Неужели только и дѣла на семъ свѣтѣ? Мнѣ ужь, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—если-бъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать—можетъ быть, я на что и другое гожусь. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, неужели дождя бояться? да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробую пощеголяю въ своемъ новомъ нарядѣ!»

Вотъ червячокъ снова приподнялъ занавѣску, смотритъ: надъ нимъ цвѣточекъ только-что распустился, каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячокъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ: надъ нимъ другой цвѣточекъ, еще лучше того; онъ къ нему,—потомъ еще третій, еще лучше: всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ. Зарѣзвился нашъ червячокъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найти ему родимое гнѣздышко? Однако-жь онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся: «Ну, что-жь» думаетъ: «бѣда еще не велика—сплошалъ!—въ другой разъ наука; не-зачѣмъ-же мнѣ опять въ колыбельку. Нѣтъ, нечего колыбельки держаться, пора жить и своимъ умомъ.» Сказалъ и поползъ, куда глаза глядятъ.

Вотъ доползъ онъ до вѣтки, расщипалъ ее—жестко! онъ дальше, еще, еще—и доползъ до листка; попробовалъ—вкусно.

«Нѣтъ,» сказалъ червячокъ: «теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ! и закинулъ на листокъ паутину.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ,—онъ прикорнетъ къ паутинкѣ; тучка ли набѣжитъ,—его шуба дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ,—онъ подъ листокъ да и смѣется надъ солнцемъ, насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты: то, смотритъ, птичка летитъ, глазки на него уставляетъ, а иногда подлетитъ да носикомъ толкъ его подъ бокъ; но червячокъ не простакъ: онъ притворится, притаится, будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого: онъ потащился на новый листокъ, анъ смотритъ: на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою: «ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю да растоптать хорошенько.»

Червячокъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизанька съ Мишей брали его въ руки, чтобы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой; и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку; но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячокъ, ужь едва дыша, всползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ между-тѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтковъ поблекло, и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣтерокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизанька и Миша уже вспоминали о своей шубкѣ и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячокъ замѣтилъ, что листки стали ужь не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ онъ ужь сдѣлался не такъ живъ, и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

«Что-жь,» думаетъ онъ: «довольно я на свѣтѣ пожилъ, по-

работалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ же ползать по-пустому по землѣ, пора быть чѣмъ-нибудь лучше!»

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени: онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта; нашелъ его, пріютился—и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизанька съ Мишей отыскали своего червячка, они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, и цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ-же была работа червячка? Эта работа была важная: червячокъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней; наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: «тамъ въ ней не будетъ нужды,» и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробокъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но недолго спалъ червячокъ! Вдругъ онъ чувствуетъ—забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъподъ брюшка, и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута—и распалась его могилка; червячокъ смотритъ—онъ не червякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки: развились у него большія радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти: нерѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилу,—и вашего друга какъ не бывало. Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ: раскрывается его могила—и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела, возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и оттого на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями,

для того чтобы люди не забывали, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

Кн. Одоевскій.

Уборка хлѣба.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ, который тогда казался мнѣ самымъ отдаленнымъ, таинственнымъ мѣстомъ, за которымъ, или кончается свѣтъ, или начинаются необитаемыя страны. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой густой ржи виднѣлись кой-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина въ тѣни, нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью. Въ другой сторонѣ мужики, въ однѣхъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и пылили по сухому раскаленному полю. Староста, въ сапогахъ, въ армякѣ въ-накидку, съ бирками въ рукѣ, издалека замѣтивъ папа̀, снялъ свою поярковую шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ.

Рыженькая лошадка, на которой ѣхалъ папа̀, шла легкой, игривой ходой, изрѣдка опуская голову къ груди, вытягивая поводья и смахивая густымъ хвостомъ оводовъ и мухъ, которые жадно лѣпились на нее. Двѣ борзыя собаки, напряженно загнувъ хвостъ серпомъ и высоко поднимая ноги, граціозно перепрыгивали по высокому [illegible]нивью за ногами лошади; Милка бѣжала впереди и, загнув[illegible]олову, ожидала прикормки. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжаніе насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго

пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которые разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью,—все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.....

Толстой.

Мятель.

Много грозныхъ ночей застигало прохожаго, много вьюгъ и непогодъ вынесла сѣдая голова его; но такой ночи онъ никогда еще не видывалъ. Затерянный посреди сугробовъ, по колѣни въ снѣгу, онъ тщетно озирался на стороны или ощупывалъ костылемъ дорогу: мятель и сумракъ сливали небо съ землею, снѣжныя горы, взрываемыя могучимъ вѣтромъ, двигалися, какъ волны морскія, и то разсыпались въ оледенѣломъ воздухѣ, то застилали дорогу; гулъ, ревъ и смятеніе наполняли окрестность. Напрасно также силился онъ подать голосъ: крикъ застывалъ на губахъ его и не достигалъ ни до чьего слуха; грозный ревъ бури одинъ подавалъ о себѣ вѣсть въ мрачной пустынѣ; одинъ онъ отзывался въ чьемъ-нибудь сердцѣ. Отчаяніе уже начинало проникать въ душу путника, страшныя думы бродили въ головѣ его и воплощались въ видѣніи. На дняхъ знакомый мужичокъ, застигнутый такою-же точно погодой, сбился съ пути на собственномъ гумнѣ своемъ, и на другой день, объ утро, нашли его замерзлаго подъ плетнемъ собственнаго огорода; третьяго-дня постигла такая-же участь бабу, которая не могла найти околицы; вечоръ еще, посреди самой улицы, нашли мертвую странницу, которая за мятелью не различила избушекъ.

Такъ думалъ прохожій; а вьюга, между-тѣмъ, съ часу на часъ подымалась сильнѣе и сильнѣе. Вотъ повернула она, поднялась хребтомъ на пригоркѣ, крутилась вихремъ, пронеслась надъ головою путника, загудѣла въ поляхъ и ударила на деревню. Вздрогнули бѣдныя лачужки, внезапно пробужденныя отъ сна посреди темной, холодной ночи; замирая отъ страха, онѣ тѣсно прижались другъ къ дружкѣ, закута-

лись до-верху своимъ снѣжнымъ покровомъ, прилегли на бокъ и трепетно ждутъ лютаго вѣтра. Но вихрь, привыкшій къ простору, рвется и мечется пуще прежняго въ тѣсныхъ закоулкахъ и улицахъ. Разбитый на части, онъ разомъ, со всѣхъ сторонъ, нападаетъ на лачужки, всползаетъ на шаткія стѣны, гудитъ въ стропилахъ, ломаетъ сучья, срываетъ воробьиныя гнѣзда, кровлю, силясь сбросить пѣтушка, или конька на макушкѣ; и тогда, какъ одна часть бури реветъ вокругъ дома, другая уже давно проползла шипящею змѣею подъ ворота, ринулась въ клѣти и сараи, обѣжала навѣсы и, не найдя тамъ, вѣроятно, ничего кромѣ вьющагося снѣга, напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубкомъ подъ рогожей.... Но вотъ вихрь прилегъ наземь, загудѣлъ вдоль плетня, украдкою подобрался къ калиткѣ, поднялся на дыбы, сорвалъ ее съ петель, бросилъ на улицу, присоединился къ другому, третьему, и снова грозный ревъ наполняетъ окрестность.... О! счастливъ, сто разъ счастливъ тотъ, у кого въ такую ночь родной кровъ, родная семья, теплая печка!.... Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ—но не до того, впрочемъ, было прохожему, чтобы умомъ раскидывать! Отчаянье уже давно завладѣло его душою. И если какія-нибудь мысли и приходили ему въ голову,—имъ все-таки не время теперь было опредѣляться въ ясную думу: онѣ мелькали передъ нимъ такъ-же быстро, какъ снѣжные хлопья, несомые лютою мятелью, посреди которой стоялъ онъ съ обнаженною сѣдою головой и замиравшимъ сердцемъ,—и такъ-же быстро уносились и смѣнялись другими мыслями, какъ одинъ вихрь смѣнялся другими вихрями... Силы начали покидать его. Онъ провелъ окоченѣвшею ладонью по мерзлымъ волосамъ, окинулъ мутными глазами окрестность и крикнулъ еще разъ. Но крикъ снова замеръ на полумертвыхъ устахъ его.

Прохожій медленно опустился въ сугробъ и трепетною рукой сотворилъ крестное знаменье. Буря, между-тѣмъ, пронеслась мимо: все какъ-будто на минуту затихло... и вдругъ, нежданно, въ-сторонѣ послышался лай собаки... Нѣтъ, это не обманъ: лай повторился въ другой и третій разъ.

Застывшее сердце старика встрепенулось, онъ рванулся

впередъ, простеръ руки и пошелъ на смерть... немного погодя, ощупалъ онъ сараи, и вскорѣ изъ-за угла мелькнули передъ нимъ привѣтливые огоньки избушекъ.

Григоровичъ.

Жизнь подъ снѣгомъ.

Однажды я прочелъ Евсеичу «Повѣсть о несчастной семьѣ, жившей подъ снѣгомъ». Выслушавъ ее, онъ сказалъ: «Не знаю, соколикъ мой (такъ онъ звалъ меня всегда), все ли правда тутъ написано; а вотъ здѣсь въ деревнѣ, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужикъ, Арефій Никитинъ, поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, въ общій колокъ, всего версты четыре, да и запоздалъ; поднялся буранъ, лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалось ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, онъ и пошелъ отыскивать дорогу; снѣгъ былъ глубокій, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ—такъ его снѣгомъ тамъ и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно, прозябла, и пошла шажкомъ, да и пришла домой съ возомъ. Дома Арефья ждали; увидали, что лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Арефья. Буранъ былъ страшный, зги не видать; поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся барщина ѣздила отыскивать, и также ничего не нашли. Ужь на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровой собакой; собака и причуяла что-то недалеко отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать; мужикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ такое есть; и видитъ, что собака выкопала нору, что оттуда паръ идетъ; вотъ и принялся онъ разгребать и видитъ, что внутри пустое мѣсто, ровно медвѣжья берлога, и видитъ, что въ ней человѣкъ лежитъ, и что кругомъ его все обтаяло; онъ зналъ про Арефья и догадался, что это онъ. Мужикъ поскорѣе прикрылъ дыру снѣжкомъ, палъ на лошадь да и прискакалъ къ намъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался; поскакали съ лопатами, откопали

Арефья, взвалили на сани, прикрыли шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ, а онъ весь былъ талый. Арефій отъ стужи и снѣгу словно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти; ужь на другой день пришелъ въ себя и ѣсть попросилъ. Теперь здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно. Вотъ это, мой соколикъ, ужь настоящая правда. Коли хочешь, то я тебѣ покажу его, когда онъ придетъ на барскій дворъ. Съ тѣхъ поръ его зовутъ не Арефій, а Арева.» Разсказъ объ Арефьѣ очень меня занялъ, и чрезъ нѣсколько дней Евсеичъ мнѣ показалъ его, потому-что онъ приходилъ къ дѣдушкѣ чего-то просить. Арефья всѣ называли дурачкомъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ ничего не умѣлъ разсказать мнѣ, какъ его занесло снѣгомъ, и что съ нимъ потомъ было.

С. Аксаковъ.

Догадливость русскихъ мужичковъ.

1.

При *расчисткѣ* дороги наткнулись на дикій камень, гранитъ, составлявшій гребень подземной скалы, и не знали, какъ его *сбыть* съ рукъ: *вести* для него дорогу въ обходъ не *хотѣлось*, и потому принялись разбивать его въ-ручную, молотами. Проработали цѣлый день, *щебню* набили цѣлую кучу, а между тѣмъ камня почти не убываетъ. Прикинули глазомъ да и испугались: приходилось заняться однимъ этимъ камнемъ *болѣе* мѣсяца. Одинъ изъ работниковъ взялся убрать его въ двои, либо трои сутки: онъ натаскалъ на него цѣлый костеръ хворосту, зажегъ его и, раскаливъ камень, *велѣлъ поспѣшно* полить его водой изъ ближней канавы: камень весь растрескался, началъ осыпаться подъ молотомъ, какъ рухлякъ, и когда, такимъ образомъ, легко сняли верхній цластъ, то повторили то-же въ другой разъ, и камня не стало: дорогу сравняли.

2.

Еще *лучше* и *проще* этого сдѣлалъ догадливый мужичокъ, который за сто рублей убралъ камень, за уборку котораго просили тысячу. Большое мѣсто равняли, проходили на-проглядъ, какъ говорятъ наши рабочіе, и камень въ добрую сажень лежалъ тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Рѣшили *свезти* его подъ гору и свалить на берегъ рѣки; но это обходилось недешево, и на торгахъ никто не бралъ *менѣе* тысячи рублей. Выходитъ простой работникъ, наслушавшійся всѣхъ толковъ объ этомъ камнѣ, и говоритъ распорядителямъ: залоговъ у меня нѣтъ, господа, и нѣтъ денегъ на гербовый листъ на *просьбу* и на контрактъ; а коли *повѣрите* не слову, а дѣлу, то завтра камня не будетъ на этомъ мѣстѣ; а вы мнѣ за это, что пожалуете, то и *возьму*. *Разсудивъ*, что убытка быть не можетъ, потому-что крестьянинъ денегъ впередъ не беретъ и требуетъ на работу свою всего только сутки времени, распорядители согласились. Мужикъ пошелъ, выкопалъ подъ камнемъ яму, подкопалъ и свалилъ его туда и засыпалъ землей. Всѣ до того изумились, что не знали, *посмѣяться* шуткѣ этой и подтрунить надъ самими собой, или ужь лучше притвориться, *будто* никто ничего не видалъ.

Даль.

Какъ умираетъ русскій мужикъ.

Мы пробрались на мѣсто порубки, какъ вдругъ, въ слѣдъ за шумомъ упавшаго дерева, раздался крикъ и говоръ, и черезъ нѣсколько мгновеній намъ навстрѣчу изъ чащи выскочилъ молодой мужикъ, блѣдный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бѣжишь? спросилъ его Ардаліонъ Михайлычъ.

Онъ тотчасъ остановился.

— Ахъ, батюшка, Ардаліонъ Михайлычъ, бѣда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревомъ пришибло.

— Какимъ это образомъ?... Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а онъ стоитъ да смотритъ... Стоялъ, стоялъ, да и пойди за водой къ колодцу: слышь, пить захотѣлось. Какъ вдругъ ясень затрещитъ, да прямо на него. Мы кричимъ ему: бѣги, бѣги, бѣги.... Ему бы въ-сторону броситься, а онъ, возьми, да прямо и побѣги... заробѣлъ, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрылъ. И отчего такъ скоро повалился, — Господь его знаетъ.... Развѣ сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нѣтъ, батюшка, еще живъ,—да что: ноги и руки ему перешибло. Я вотъ за Селиверстычемъ бѣжалъ, за лекаремъ.—

Ардаліонъ Михайловичъ приказалъ десятскому скакать за Селиверстычемъ, а самъ крупной рысью поѣхалъ впередъ на ссѣчки... Я за нимъ.

Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы.... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: онъ умиралъ. Легкая тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайлыча.

— Батюшка, заговорилъ онъ едва внятно: — за попомъ... послать..... прикажите.... Господь.... меня наказалъ..... ноги, руки, все перебито.... сегодня.... воскресенье.... а я.... а я... вотъ.... ребятъ-то не распустилъ.

Онъ молчалъ. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои.... женѣ.... женѣ дайте.... за вычетомъ.... вотъ Онисимъ знаетъ.... кому я..... что долженъ....

— Мы за лекаремъ послали, Максимъ,—заговорилъ мой сосѣдъ:—можетъ быть, ты еще и не умрешь.

Онъ раскрылъ-было глаза и съ умиленіемъ поднялъ брови и вѣки.

— Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ подступаетъ, вотъ она, вотъ... Простите мнѣ, ребята, коли въ чемъ....

— Богъ тебя проститъ, Максимѣ Андреевичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли:—прости ты насъ.

Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустился опять.

— Нельзя же, однако, ему тутъ умирать! воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ:—ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесемте его въ больницу!

Человѣка два бросились къ телѣгѣ.

— Я у Ефима... Сычовскаго... залепеталъ умирающій: —лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ ее... тоже...—Стали его класть на рогожку... онъ затрепеталъ весь, какъ застрѣленная птица, и выпрямился...

— Умеръ, пробормотали мужики.

Мы молча сѣли на лошадей и отъѣхали.

Смерть бѣднаго Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умираетъ русскій мужикъ! Состоянье его передъ кончиной нельзя назвать ни равнодушіемъ, ни тупостью: онъ умираетъ, словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто.

Тургеневъ.

Смѣтливость и смѣлость русскаго мужика.

Кто не знаетъ Телушкина, смѣтливости и смѣлости его, удивившей въ свое время бѣлый свѣтъ! Тонкій и высокій адмиралтейскій шпиль въ Петербургѣ потребовалъ какой-то не очень значительной починки. Само собою разумѣется, что на вершину шпиля, на эту иглу, одѣтую сверху донизу вызолоченнымъ листовымъ желѣзомъ, нельзя иначе попасть, какъ обгородить ее цѣлымъ городомъ лѣсовъ, отъ земли до самаго кораблика; издержки огромныя въ работѣ и въ припасахъ. Простой работникъ, кровельщикъ, былъ при разсужденіяхъ объ этомъ, слушалъ о торгахъ, о совѣщаніяхъ подрядчиковъ, пошелъ осмотрѣть еще на глазомѣръ шпиль и узнать, высоко ли можно будетъ подняться внутри его, въ пространствѣ трехъ мачтовыхъ деревъ, составляющихъ иглу, и, сообразивъ все это, явился самъ на торги и предложилъ

сдѣлать требуемую поправку не за десятки тысячъ рублей, а за нѣсколько сотъ, сколько пожалуютъ изъ милости. Подумавъ, согласились; но никто не вѣрилъ успѣху. Кровельщикъ отправился въ шпиль, поднялся по желѣзнымъ скрѣпамъ между тремя мачтовыми деревьями до самаго нельзя, тамъ сдѣлалъ осторожно окошечко, вынувъ желѣзный листъ—высунулъ голову и посмотрѣлъ на Питеръ. Насмотрѣвшись, онъ примостился, сталъ твердою ногою съ наружи шпиля, закинулъ веревку, размахавъ ее вокругъ шпиля, поймалъ другой конецъ, пронявъ его веревку удавкой, или петлей, затянулъ ее и, подымая шестомъ постепенно выше и выше, продолжалъ затягивать, не давая ей опуститься внизъ. Кончивъ пріемъ этотъ, онъ опоясался концомъ этой веревки, соскочилъ во славу Господню на вольный свѣтъ, будто хотѣлъ полетѣть, и, цѣпляясь босыми ногами за почти отвѣсный шпиль, пошелъ улиткой вокругъ него, подымая шестомъ обороты веревки, какъ можно выше, и ложась вѣсомъ всего тѣла прочь отъ шпиля, на воздухъ, чтобы натягивать веревку. Такимъ образомъ онъ, обвивая веревку вокругъ шпиля и укорачивая ее этимъ, подымался все выше и выше; тамъ примостился снова, какъ ласточка съ гнѣздомъ своимъ, съ наружи шпиля, опять закинулъ оттуда веревку петлей и кончилъ тѣмъ, что добрался до верхушки, до желѣзнаго стержня, на которомъ стоитъ знаменитый корабликъ. Привязавъ къ этому мѣсту стремянку (веревочную лѣстницу), кровельщикъ сѣлъ отдыхать и смотрѣлъ на подножный Петербургъ глазомъ побѣдителя. Весело было ему теперь оглянуться! Въ нѣсколько дней починка была окончена, лѣсенка снята, окно зачинено, и всѣ незатѣйливые снаряды убраны.

Даль.

Возвращеніе гимназиста въ деревню.

Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ

кареты и началъ бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Федора, поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми. Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Боже мой, какъ мнѣ было весело! На-силу усадили меня въ карету; но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды—это была рѣка Меша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, карету едва перевезли: ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и, не смотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ: ее сейчасъ отвязали, и, покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Демы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Меши: рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только поспѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Сковорода жаренной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отъѣхали тридцать верстъ отъ К-ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучки, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было нежарко и непыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такою рысью, что

уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось, и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отъѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому-что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную, молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то есть, огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью и съ Парашей улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день по-утру мы переправились немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась посуда большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее съ Парашей, опустили даже гардинки и подняли жалузи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я, сверхъ того, закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню, татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня. Когда проѣхали мы между Липовымъ и общимъ колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «не видно ли деревни?»

и когда онъ сказалъ, наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ»—я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!...

С. Аксаковъ.

ОТДѢЛЪ III.

Бесѣды о составѣ русской рѣчи *).

I.

Примѣчаніе. Въ прошлый урокъ былъ прочитанъ самимъ преподавателемъ, а потомъ нѣсколькими учениками отрывокъ «Появленіе утра»; вотъ онъ:

Появленіе утра.

Въ полѣ тихо (все); чуть-чуть вѣетъ
Перелетный вѣтерокъ;
Тѣнь полночная рѣдѣетъ;
Золотитъ заря востокъ.
Въ тучкѣ блѣдный мѣсяцъ скрылся;
Звѣзды гаснутъ въ небесахъ;
Надъ рѣкой туманъ сгустился;
Роса блещетъ на лугахъ.
Съ вѣтки бабочка слетѣла,
Къ-верху рѣзвая взвилась;
Въ рощѣ птичка ужъ запѣла,
Заря ярче запялась.
Будто огненной рѣкою
Разлилась она,—и вотъ
За той пышною зарею
Солнце ясное встаетъ.

Загоскинъ.

Затѣмъ были объяснены въ этомъ отрывкѣ учениками, конечно съ помощію преподавателя, всѣ слова и выраженія, которыя могли казаться несовсѣмъ по-

---

*) Преподавателю вовсе не вмѣняется въ обязанность, или необходимость, вести бесѣды точь въ точь, какъ онѣ тутъ изложены; не съ тою особенно цѣлію онѣ и помѣщены въ книгѣ: пусть ученики прочитываютъ ихъ одни, или съ репетиторомъ, для того чтобы лучше припомнить и слѣдственно усвоить то, что преподаватель сообщаетъ имъ въ своихъ устныхъ бесѣдахъ. На память учениковъ, мы такъ думаемъ, слишкомъ полагаться не слѣдуетъ: они очень скоро забываютъ, что имъ передается только въ устной бесѣдѣ, и о чемъ они сами не прочитали.

нятными хоть нѣкоторымъ ученикамъ; потомъ ученики опять прочитали этотъ отрывокъ съ большею выразительностію, нежели прежде, и наконецъ повторили его содержаніе нѣсколько разъ, по очереди, съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе придерживаясь книги. Такъ, къ концу класса, отрывокъ былъ почти выученъ наизустъ; оставалось повторить его по книгѣ, дома, раза три, четыре. Задано было: 1) списать этотъ отрывокъ въ тетрадь съ книги, строго слѣдя за каждою буквою, напечатанною курсивомъ, и 2) твердо знать отрывокъ наизустъ. Цѣль первой задачи была двоякая: наглядным образомъ учить правописанію и наиболѣе содѣйствовать второй задачѣ, такъ какъ, это извѣстно всякому, гораздо лучше утверждается въ памяти то, что прочитывается и списывается.

Сего-дня, заставивъ нѣсколькихъ учениковъ пересказать заданный отрывокъ наизустъ, другихъ—объяснить въ немъ нѣкоторыя слова и выраженія, и наконецъ, просмотрѣвъ у иныхъ тетради, преподаватель обращается къ ученикамъ съ слѣдующими вопросами («Бесѣда»), на которые ученики должны отвѣчать одинъ за другимъ, а иногда и безъ всякаго порядка.

Преподаватель. Скажите-ко мнѣ: *о чемъ* *) же говорится въ этомъ стихотвореніи?—*Ученики.* Да тутъ говорится о многомъ. *Прп.* *О чемъ*-же, напримѣръ?—*Уч.* (нѣсколько за-разъ) о бабочкѣ.... о вѣтеркѣ.... о птичкѣ.... о солнцѣ.... о звѣздахъ.... о росѣ.... *Прп.* Такъ. А не говорится ли тутъ *вообще*, во всей статьѣ, о чемъ-нибудь *одномъ?* (молчаніе). *Что* въ этомъ стихотвореніи описывается? — *Уч.* Появленіе утра. *Пр.* Хорошо. А *что-же говорится* о появленіи утра? (молчаніе). *Пр.* Ну, *что-бы* вы сказали сами о *такомъ* утрѣ, *какое* здѣсь описано? Можно ли то-же написать о каждомъ утрѣ?—*Уч.* Нѣтъ, невсегда. *Пр.* Почему-же?—*Уч.* (отвѣчаютъ одинъ за другимъ) Бываетъ дождливое утро.... Иногда утромъ солнце вовсе и не покажется.... Да и во весь день не показывается.... Особенно осенью.... А зимою-то? развѣ оно часто бываетъ?... И бабочекъ зимою не увидишь.... *Пр.* Хорошо, хорошо, господа! такъ *что-же* бы вы сказали о такомъ утрѣ, какое описано здѣсь?—*Уч.* (послѣ краткаго молчанія). Вопервыхъ: оно должно быть лѣтнее.... вовторыхъ: въ хорошую погоду. *Пр.* Почему же лѣтнее? — *Уч.* А какъ-же бабочка-то, птички... роса?... значитъ, было лѣто. *Пр.* Хорошо. Нравится ли вамъ такое утро? — *Учен.* Очень!.... такое утро очень пріятно!... Прекрасное утро?... *Пр.* Такъ значитъ, можно изъ того, что вы сказали, вывести вотъ какое заклю-

---

* Курсивныя слова въ рѣчи преподавателя означаютъ, что онъ дѣлалъ на нихъ сильное удареніе и нѣкоторую остановку.

ченіе: *Какъ прекрасно появленіе утра въ хорошій лѣтній день!* Не такъ ли?—*Уч.* Да, совершенно такъ. *Пр.* Вотъ, мы и добрались до того, что *вообще* говорится въ этомъ стихотвореніи. Вѣроятно то-же думалъ и сочинитель (авторъ) этого стихотворенія? Какъ вы полагаете?—*Уч.* Должно быть такъ.... вѣроятно.

Пр. А если кто-нибудь думаетъ о чемъ-либо, то у него есть *мыслъ*. *Какая*-же мысль была у автора?—*Уч.* Какъ прекрасно появленіе утра въ хорошій лѣтній день! *Пр.* Такъ. Что-же значитъ *мыслить?* — *Уч.* Мыслить значитъ думать о чемъ-нибудь. *Пр. Какъ*-же вы узнали эту мысль въ стихотвореніи? — *Уч.* Да вѣдь мы выучили его наизустъ.... *Пр.* А *какимъ* образомъ вы выучили?—*Уч.* Мы читали его нѣсколько разъ... и объясняли его.... *Пр.* А если-бы оно не было напечатано и написано, какъ бы вы тогда узнали?—*Уч.* Тогда-бы, разумѣется, мы и не могли совсѣмъ узнать. *Пр.* А если бы я вамъ сказалъ это стихотвореніе наизустъ? — *Уч.* Тогда бы мы узнали. *Пр.* Что-же изъ этого слѣдуетъ? (короткое молчаніе). Что *мыслъ* можетъ быть *написана* и *высказана?*—*Уч.* Да-да, и въ самомъ дѣлѣ! *Пр.* А если кто свою мысль не напишетъ и не выскажетъ?—*Уч.* Такъ она и останется у него въ головѣ, и никто не узнаетъ ея. *Пр. Для чего*-же, значитъ, высказываютъ или говорятъ и пишутъ свои мысли?—*Уч.* Для того, чтобы ихъ знали другіе люди. *Пр.* Нельзя ли эти два слова: *высказать* и *написать* мысль замѣнить *однимъ*, *общимъ для нихъ*, словомъ?—*Уч.* (послѣ молчанія). Словомъ: *выразить? Пр.* Да-да, хорошо. Ну, скажите-же теперь: *чѣмъ* выражаютъ люди свои мысли? — *Уч. Словами. Пр.* Хорошо. А мысль, выраженная словами, называется *рѣчью;* слѣдственно, изъ *чего-же* состоитъ *рѣчь?*—*Уч.* Изъ словъ. *Пр.* Нельзя ли отсюда заключить, *что*-же такое *слово?* — (молчаніе) *Уч.* Слово есть то, изъ чего составляется рѣчь? *Пр.* А изъ чего составляется рѣчь? — *Уч.* Изъ словъ. *Пр.* Значитъ, вы говорите, что слово есть слово? Ясно ли это?—*Уч.* Нѣтъ, неясно. *Пр.* Постойте-же. Если вы хотите сообщить мнѣ вашу мысль, какъ вы поступаете? — *Уч.* Мы скажемъ. *Пр.* А какъ-же мы говоримъ? какимъ образомъ? посредствомъ чего? — *Уч.* Посред-

ствомъ языка.... голоса.... гортани.... горла.... Посредствомъ звуковъ? *Пр.* Вотъ такіе-то звуки голоса, которыми люди передаютъ свои мысли и называются *словами*. Итакъ, что-же такое слова? — *Уч.* Звуки голоса, которыми мы передаемъ свои мысли. *Пр.* А что такое *мысль*?—*Уч.* То, что человѣкъ думаетъ. *Пр.* А что называется *рѣчью*? — *Уч.* Рѣчью называется мысль, выраженная словами. *Пр.* Изъ чего состоитъ рѣчь? — *Уч.* Изъ словъ. *Пр.* Давайте *полный* отвѣтъ? — *Уч.* Рѣчь состоитъ изъ словъ.

Пр. А не забыли вы, какую рѣчь мы составили изъ этого стихотворенія? — *Уч.* Нѣтъ, не забыли. *Пр.* Ну, скажите-ко ее? — *Уч. Какъ прекрасно появленіе утра въ ясный лѣтній день. Пр.* Сколько словъ употреблено для выраженія этой мысли?—*Уч.* (считаютъ) 8 словъ. *Пр.* Напишите-же эту рѣчь въ тетради? (диктуетъ). Какъ называется то, что вы написали?—*Уч.* Мысль.... рѣчь.... слова.... *Пр. Мысль* была у васъ въ головѣ, а когда вы написали ее, выразили словами, получилась *рѣчь*, и рѣчь эта состоитъ изъ *словъ*. А *что* такое слова? — *Уч.* Звуки голоса, которыми люди передаютъ свои мысли. *Пр.* Хорошо. А откуда вы взяли рѣчь, которую вотъ сейчасъ записали?—*Уч.* Изъ головы.... изъ выученнаго стихотворенія.... Мы составили ее. *Пр.* Въ стихотвореніи есть эта рѣчь? припомните? — *Уч.* Нѣтъ. *Пр.* Откуда-же мы взяли ее? *Уч.* Мы сами составили ее. *Пр.* Какъ-же это такъ? — *Уч.* Мы узнали изъ всего того, что тамъ, въ стихотвореніи, сказано. *Пр.* А что-же тамъ сказано?— *Уч.* Да тамъ много, что сказано. *Пр.* Значитъ, тамъ и не одна должна быть мысль, а много ихъ?—*Уч.* Да много. *Пр.* Какія-же, напримѣръ?

Примѣч. Весьма естественно, что ученики какъ-то инстинктивно начинаютъ отдѣлять одну мысль отъ другой, руководствуясь обыкновенно знаками препинаній. А это-то на первый разъ и сподручно. На этомъ основаніи преподаватель и выбралъ стихотвореніе, которое для начинающихъ не представляетъ никакого затрудненія въ отдѣленіи одной мысли отъ другой. Но, чтобы такое отдѣленіе не было однимъ только механическимъ упражненіемъ, надобно въ каждой отдѣльной мысли, которую ученикъ назоветъ, заставлять его отыскать то, *о чемъ?* или *о комъ?* въ ней говорится, и *что?* говорится. Ученики сначала очень затрудняются отличеніемъ вопросовъ: *кто* и *что*, а потому и

не могутъ сами порѣшить и задаться вопросомъ *о комъ?* или *о чемъ?* въ рѣчи говорится. Поэтому въ тотъ-же урокъ, какъ только они раздѣлятъ все стихотвореніе на отдѣльныя мысли, необходимо объяснить имъ: что такое *предметъ*, и *какіе* бываютъ предметы. Пока-же это не объяснено, преподаватель самъ дѣлаетъ вопросы ученикамъ *о комъ* или *о чемъ* въ рѣчи говорится, и они обыкновенно отвѣчаютъ очень легко, особенно если статья выбрана вполнѣ удачно.

Пр. Итакъ, мы раздѣлили все стихотвореніе на отдѣльныя мысли. *Сколько*-же мы нашли этихъ мыслей? — *Уч.* 14. *Пр.* Хорошо. А что мы съ каждою изъ нихъ сдѣлали? — *Уч.* Вы дѣлали вопросы, а мы отвѣчали. *Пр.* Замѣтили ли вы, какіе постоянно я дѣлалъ вопросы? — Замѣтили: при каждой новой рѣчи вы дѣлали вопросы *о комъ?* или *о чемъ?* говорится въ ней, и *что?* говорится. *Пр.* А для чего же это, какъ вы думаете? — *Уч.* Для того, чтобы мы лучше поняли смыслъ рѣчи. *Пр.* Именно такъ. Сущность же всякой мысли заключается въ томъ, что въ ней непремѣнно *что*-нибудь и *о комъ* или *о чемъ*-нибудь говорится. Вотъ теперь и замѣтьте, что все *то, о чемъ можно думать и говорить, называется предметомъ*. *Что*-же такое *предметъ?* — *Уч.* *Предметомъ* называется все то, о чемъ можно думать и говорить. *Пр.* Хорошо. Найдите-же теперь въ первыхъ пяти предложеніяхъ слова, которыя означаютъ *предметы* *) (обращаясь къ разнымъ ученикамъ)? Напр. *о полѣ* можно думать и говорить? — *Уч.* Можно. *Пр.* *Что* напр.? — *Уч.* Поле зелено... Поле засѣяно... Поле большое... Поле необработано... *Пр.* О вѣтеркѣ? — *Уч.* Вѣтерокъ дуетъ... Вѣтерокъ вѣетъ... Вѣтерокъ затихъ... Вѣтерокъ продолжается... *Пр.* Слѣдовательно *поле* и *вѣтерокъ* какія-же слова? — *Уч.* Они выражаютъ предметы. *Пр.* Теперь вы сами отыщите еще нѣсколько предметовъ? — *Уч.* Тѣнь... заря... востокъ... мѣсяцъ... *Пр.* Хорошо. Не скажете ли вы мнѣ: а *зачѣмъ* я дѣлалъ вопросы, то *о комъ?* то *о чемъ?* говорится? Развѣ не все равно, какъ спросить? — (Молчаніе). Неужели вы не замѣтили этого, когда я предлагалъ тотъ или другой вопросъ? — (Молчаніе). Напр. при рѣчи: *съ вѣтки*

*) Съ вопросами преподаватель всегда обращается прежде къ слабѣйшимъ ученикамъ, а потомъ уже къ лучшимъ, если первые не смогли дать полнаго, удовлетворительнаго отвѣта.

бабочка слетѣла какой я дѣлалъ вопросъ, помните? — *Уч.* Вы спрашивали тогда, *о комъ* говорится? *Пр.* А вы что отвѣчали? — *Уч.* О бабочкѣ. *Пр.* А при рѣчи: *въ рощѣ птичка ужъ запѣла* какой я дѣлалъ вопросъ? — *Уч.* Тотъ же: *о комъ* говорится? *Пр.* Вы что отвѣчали? — *Уч.* О птичкѣ. *Пр.* А при рѣчи: *звѣзды гаснутъ въ небесахъ* какой былъ вопросъ? — *Уч.* Вотъ тутъ былъ вопросъ *о чемъ* говорится? *Пр. Заря ярче занялась?* — *Уч.* То-же—*о чемъ? Пр.* Ну, что-же? вы теперь еще не догадываетесь, когда дѣлается вопросъ *кто?* и когда *что?*—(послѣ нѣкотораго молчанія) *Уч.* Бабочка и птичка живыя существа, а заря и звѣзды—неживыя. *Пр.* Хорошо, хорошо! только обыкновенно такіе предметы, какъ напр. бабочка, птичка, собака, лошадь, рыба, человѣкъ, муха называются предметами *одушевленными*, а звѣзды, заря, книга, дерево, окно, стекло, вѣтерокъ—*неодушевленными*. Назовите-же мнѣ какой-нибудь предметъ *одушевленный* (обращаясь къ одному изъ учениковъ)? а вы —*неодушевленный* (обращаясь къ другому)? *) *Пр.* Теперь скажите мнѣ, какимъ-же образомъ вы отличаете эти предметы? вѣдь не наугадъ-же вы называете одинъ предметъ одушевленнымъ, а другой неодушевленнымъ? вѣрно, вы находите въ нихъ что-нибудь такое, чѣмъ они отличаются? —*Уч.* Да, одушевленными мы называемъ тѣ, которые живутъ... двигаются....; а неодушевленными тѣ, которые не живутъ и не двигаются... *Пр.* Что-же значитъ живутъ? —*Уч.* Они ростутъ... двигаются... ѣдятъ... могутъ умереть... *Пр.* Совершенно такъ; только вотъ *двигаются* вы употребили невѣрно; это неясно: вѣдь и стрѣлки у часовъ двигаются, и маятникъ, и ртуть въ термометрѣ, и листья на деревѣ?—*Уч.* Да они вѣдь сами двигаются. *Пр.* Кто *они? Уч.* Предметы *одушевленные*. *Пр.* А стрѣлки?—*Уч.* Ихъ двигаетъ машинка. *Пр.* А маятникъ?—*Уч.* Тоже машинка. *Пр.* А ртуть?—(Молчаніе). *Уч.* Только все-таки не сама-же она двигается: у нея нѣтъ ни рукъ ни ногъ. *Пр.* Да она вовсе не двигается: она только расширяется, дѣлается жиже отъ теплоты. А листья на деревѣ,

*) Эти вопросы предлагались нѣсколькимъ ученикамъ по-очередно, а затѣмъ преподаватель самъ называлъ предметы, а ученики должны были отвѣчать, какіе это предметы.

Уч. Они шевелятся только при вѣткѣ. *Пр.* Слѣдственно предметами одушевленными какіе-же называются? — *Уч.* Тѣ, которые ѣдятъ, ростутъ и сами собою могутъ двигаться, когда имъ вздумается. *Пр.* Что значитъ: *сами-собою?* — *Уч.* То есть, когда они сами захотятъ и безъ всякой посторонней помощи. *Пр.* Хорошо, хорошо! Итакъ, вы сегодня узнали: что́ такое *мыслъ, рѣчь, слово, предметъ*, что предметы бываютъ *одушевленные* и *неодушевленные*, и какіе вопросы дѣлаются для тѣхъ и для другихъ: *кто?* и *что?* Запишите же это въ особой тетради, которую я велѣлъ вамъ приготовить (диктуетъ). Къ слѣдующему классу вашимъ урокомъ будетъ слѣдующее: вы напишите все стихотвореніе отдѣльными предложеніями (рѣчами), такъ какъ мы раздѣлили его сегодня, и поставьте предъ каждою рѣчью цифру по-порядку (показываетъ, какъ это надо сдѣлать на классной доскѣ):

1) Въ полѣ (*все*) тихо.
2) Чуть-чуть вѣетъ перелетный вѣтерокъ.
3) Тѣнь полночная рѣдѣетъ... И т. д.

Вовторыхъ: подчеркните въ каждой рѣчи тѣ слова, которыя означаютъ предметы (показываетъ на классной доскѣ), а надъ словами, означающими предметы одушевленные, поставьте крестикъ (+). Вотъ такъ:

1) Въ *полѣ* (*все*) тихо.
2) Чуть-чуть вѣетъ перелетный *вѣтерокъ*.
3) *Тѣнь* полночная рѣдѣетъ.
4) Въ *рощѣ птичка* ужь запѣла.

Выводъ изъ первой бесѣды: Что такое *мыслъ, рѣчь, слово, предметъ*? Какіе предметы бываютъ?

Мыслить значитъ думать о чемъ-нибудь; слѣдственно *мыслью* называется то, что мы думаемъ. Люди выражаютъ свои мысли словами; слѣд. *слова* такіе звуки голоса, которыми люди выражаютъ свои мысли. Мысль, выраженная словами, называется *рѣчью*. Рѣчь можетъ быть произнесена и изображена; въ первомъ случаѣ люди *говорятъ*, т. е. выражаютъ мысль звуками голоса (словами), а во второмъ случаѣ—*пишутъ*, т. е. изображаютъ эти слова знаками, которые называются *буквами*.

Что-же такое *буква?* Что значитъ *говорить, писать*?

Сущность всякой мысли заключается въ томъ, что въ ней непремѣнно *что-нибудь* и *о комъ* или *о чемъ-нибудь* говорится. (Изъ сколькихъ же словъ должна и можетъ состоять рѣчь?) Все то, о чемъ можно думать и говорить, называется *предметомъ*. Предметы бываютъ *одушевленные* и *неодушевленные*. Одушевленные предметы могутъ сами собою произвольно (когда захотятъ) двигаться, а неодушевленные не одарены этою способностію. Говоря объ одушевленныхъ предметахъ, употребляютъ вопросъ *кто?*, а о неодушевленныхъ—*что?*

СТАТЬИ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЙ ПО ПОВОДУ ПЕРВОЙ БЕСѢДЫ.

Нашъ домъ и садъ въ Уфѣ.

Мы жили въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный деревянный домъ, который былъ купленъ моимъ отцомъ съ аукціона за 300 рублей ассигнаціями (*), какъ я узналъ впослѣдствіи. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; онъ потемнѣлъ отъ дождей, и вся эта громада имѣла очень печальный видъ. Домъ стоялъ на косогорѣ, такъ что окна въ садъ были очень низки отъ земли, а окна изъ столовой на улицу возвышались аршина на три отъ земли; парадное крыльцо имѣло болѣе 25 ступенекъ, а съ него была видна рѣка Бѣлая. Двѣ дѣтскія комнаты (для меня съ сестрицею) выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на цѣлую четверть (она) заглядывала къ намъ въ окна, что очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу. Садъ былъ довольно великъ, но некрасивъ; однако и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей сестрицѣ, которая не знала ни горъ, ни полей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ (какъ говорили) болѣе пятисотъ верстъ. А потому я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ городскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрицѣ о разныхъ чудесахъ, которыя видалъ. Она слушала съ большимъ любопытствомъ; но ея прекрасные глазки въ то же время ясно выражали: братецъ, я ничего не понимаю. Да и что мудренаго: разскащику пошелъ только-что пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

С. Аксаковъ.

(*) 300 руб. асс. = 35 руб. $71\frac{1}{2}$ коп. сереб.

Наступленіе ночи въ лѣсу.

Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда..... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ вѣтокъ къ неподвижнымъ засыпающимъ верхушкамъ.... Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ не всѣ вдругъ, а по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній затихли малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу становится все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ.... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ нами звонкій голосокъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ.

Тургеневъ.

Осень въ деревнѣ.

Такъ-какъ я жилъ все въ городѣ, то конечно не могъ получить настоящаго понятія, что такое осень въ деревнѣ. Все было ново, все изумляло и радовало меня. Мы проѣхали мимо пруда: на грязныхъ и отлогихъ берегахъ его еще виднѣлись ледяныя закрайки; стадо утокъ плавало посрединѣ. Я просилъ отца застрѣлить уточку; но онъ отвѣчалъ, что уточки далеко, и что никакое ружье не хватитъ до нихъ. Мы поднялись на изволокъ и выѣхали въ поле. Трава поблекла, потемнѣла и прилегла къ землѣ; голые, крутые бока горъ стали еще круче и голѣе; листья чилизника и бобовника завяли, облетѣли. Навстрѣчу стали попадаться намъ телѣги съ хлѣбомъ. Когда мы пріѣхали на десятины, то увидѣли, что нѣсколько человѣкъ крестьянъ длинными вилами накладываютъ возы и только

увязываютъ и отпускаютъ ихъ. Мы поздоровались съ крестьянами и сказали имъ: «Богъ на помочь!» Они поблагодарили. Отецъ объяснилъ мнѣ, что большая часть крестьянъ работаетъ теперь на гумнѣ, и что мы скоро увидимъ ихъ работу.

С. Аксаковъ.

Весна.

Въ старый садъ выхожу я, росинки,
Какъ алмазы, на листьяхъ горятъ,
И цвѣты мнѣ головкой киваютъ,
Разливаютъ кругомъ ароматъ.
Все влечетъ, веселитъ мои взоры:
Золотая пчела на цвѣткѣ,
Разноцвѣтныя бабочки крылья
И прыжки воробья на пескѣ.
Какъ ярка эта зелень деревьевъ,
Куполъ неба такъ чистъ и глубокъ!
И дрожу я восторгомъ объятый,
И слеза застилаетъ зрачокъ.
За оградой садовой чернѣетъ
Полоса взбороненной земли,
И покрытыя соснами горы
Подымаются къ небу вдали.
Какъ любовью и радостью дышетъ
Вся природа подъ вешнимъ лучомъ,
И душа благодарная чуетъ
Здѣсь присутствіе Бога во всемъ!

Плещеевъ.

Зимнее утро.

Утро было безподобное. Въ ночь выпалъ первый снѣгъ. Нѣжная бѣлизна окрестности смягчалась тускло-матовымъ отливомъ неба, которое синѣло по мѣрѣ того, какъ опускалось (оно) къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то свѣжесть, которая проникала васъ, но со всѣмъ тѣмъ не знобила

членовъ. Направо и налѣво отъ проселка попадались одинокія столѣтнія сосны съ длинными, красноватыми стволами, узловатыми искалеченными сучьями и темно-зелеными, неправильными макушками, которыя были убраны снѣгомъ, какъ бахромою; воздухъ былъ до-того чистъ и прозраченъ, что мельчайшіе сучья на вершинахъ этихъ сосенъ обозначались четко, какъ-будто они были нарисованы тонкою кистью. Галки и вороны кружились несмѣтными полчищами надъ вершинами деревъ. Было такъ тихо, что каждый разъ слышался трескъ сучка и вслѣдъ за тѣмъ паденіе снѣга съ погнувшейся вѣтки, какъ которая-нибудь изъ этихъ птицъ опускалась на дерево.

Григоровичъ.

Бесѣда II.

Примѣч. Къ этому уроку было задано написать отдѣльными предложеніями первую половину стихотворенія Аксакова «Деревенскій вечеръ» и подчеркнуть въ каждомъ предложеніи слова, означающія предметы. Вотъ этотъ отрывокъ:

Деревенскій вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла *прохлада*.
Длинный *день* покончилъ *рядъ заботъ*;
По *дворамъ* давно загнали *стадо*,
И *косцы* вернулися съ *работъ*.
Потемнѣть *заря* уже готова;
Тихо *все*. *Часъ ночи* не далекъ.
Подымался и улегся снова
На *закатѣ* легкій *вѣтерокъ*....
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ *лай*; промолвятъ *голоса*....
Пыль слеглась; остылъ *песокъ* горячій,
Пала сильно на *землю роса*.
По *краямъ* темнѣющаго *свода*
Тѣни всѣ широкія слились;

Встрѣтить *ночь* готовится *природа*,
Запахи отвсюду понеслись.

И. Аксаковъ.

Для руководителя (репетитора, воспитателя и т. д.) начинающаго, пожалуй, этотъ урокъ покажется очень пустенькимъ. Написать это стихотвореніе отдѣльными предложеніями, подумаетъ онъ, совершенно просто; потому-что всѣ они отдѣлены знаками препинанія. Да и предложенія-то вовсе незамысловаты.— Все это-то весьма и важно: надо сначала давать ребенку задачи вполнѣ по силамъ, чтобы онъ не встрѣчалъ въ нихъ ни малѣйшаго затрудненія, и слѣдственно полюбилъ занятія. Потомъ, когда вы съумѣете укрѣпить и развить его силы, задавайте больше и труднѣе уроки, но все-таки налегайте съ чрезвычайною осторожностію. Кромѣ того, цѣль этой задачи заключалась только отчасти въ томъ, что вы думаете, т. е. раздѣлить стихотвореніе на отдѣльныя предложенія и подчеркнуть въ нихъ слова, означающія предметы: главною цѣлію было заставить учениковъ *внимательно* списать статью, строго слѣдя за каждымъ словомъ. Это единственное упражненіе въ правописаніи для ученика 1-го класса, въ эту пору. Простое же, машинальное списываніе съ книги во-первыхъ утомительно, потому-что мало интересно, а во-вторыхъ и совершенно безполезно, потому-что ни къ чему не ведетъ.

Послѣ просмотра тетрадей, на что ушло не болѣе 10 минутъ, преподаватель прочиталъ вслухъ одну изъ вполнѣ удовлетворительно исполненныхъ работъ, останавливаясь послѣ каждаго предложенія, и называя слова, означающія предметы. Ученики должны слѣдовать за чтеніемъ преподавателя по своимъ тетрадямъ и исправлять ошибки.

Затѣмъ началась бесѣда:

Преподаватель. Вы могли замѣтить уже не разъ, да и при бесѣдѣ нашей о стихотвореніи «Появленіе утра» я обратилъ ваше вниманіе на то, что большею частію рѣчь состоитъ изъ двухъ и даже нѣсколькихъ простыхъ или отдѣльныхъ рѣчей. Отдѣльными рѣчами говорятъ и пишутъ очень мало; обыкновенно-же онѣ соединяются между собою въ одну, сложную, такъ что мысли, въ нихъ выраженныя, какъ-будто вытекаютъ одна изъ другой, или очень складно связываются. Замѣтили ли вы это?—*Ученики.* Какъ же!... да мы всегда такъ говоримъ... особенно если разсказываешь что-нибудь.... или отвѣчаешь урокъ.... *Пр.* Хорошо. Всякая рѣчь называется иначе *предложеніемъ*. Запомните это слово, или лучше, запишите его въ тетрадь, которую я велѣлъ вамъ завести. Мы теперь постоянно будемъ употреблять это слово. А какое слово?—*Уч.* Предложеніе. *Пр.* А что-же называется предложеніемъ?—*Уч.* Рѣчь. *Пр.* А что называется рѣчью?—*Уч.* Мысль,

выраженная словами. *Пр.* Такъ, значитъ, и предложеніемъ что-же называется?—*Уч.* Всякая мысль, выраженная словами. *Пр.* А такъ-какъ въ одной рѣчи часто заключается нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, то предложенія раздѣляются на *простыя* и *сложныя*. Попробуйте-ко мнѣ теперь сказать: какое предложеніе называется простымъ и какое сложнымъ?—*Уч.* Предложеніемъ сложнымъ называется такое, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ предложеній, а простымъ называется каждая отдѣльная мысль, выраженная словами. (Одинъ изъ учениковъ). Значитъ, г. учитель, все, что заключается отъ одной точки до другой, всегда составляетъ предложеніе простое или сложное?—*Пр.* Да, пожалуй, такъ: если только вы примете въ разсчетъ, что вмѣсто точки можетъ стоять и точка съ запятою, и двоеточіе, и знакъ вопросит., и восклицат., и многоточіе.... Вы помните, что въ каждой отдѣльной рѣчи, или въ предложеніи, непремѣнно говорится *о комъ* или *о чемъ*-нибудь и *что*-нибудь?—*Уч.* Да, помнимъ.... *Пр.* Замѣтьте-же теперь: то, *о комъ* или *о чемъ* говорится въ предложеніи, т. е. предметъ рѣчи называется *подлежащимъ*.... Какъ называется?—*Уч.* Подлежащимъ. *Пр.* Что называется подлежащимъ?—*Уч.* Подлежащимъ называется то, о комъ или о чемъ въ предложеніи говорится т. е. предметъ рѣчи. *Пр. Жаръ свалилъ:* что въ этомъ предложеніи подлежащее? — *Уч.* Жаръ. *Пр.* Почему? — *Уч.* Потому, что въ немъ говорится о жарѣ. *Пр. Повѣяла прохлада:* здѣсь что подлежащее?—*Уч.* Прохлада. *Пр.* Хорошо. Составьте сами какое-нибудь предложеніе и назовите въ немъ подлежащее?—*Уч. Книга лежитъ на столѣ:* подлежащее *книга*. *Солнце ярко свѣтитъ:* подлежащее *солнце*. *Въ углу стоитъ печка....* подлежащее *печка*.... *Пр.* Довольно. Почему въ этомъ предложеніи *печка* подлежащее?—*Уч.* Потому-что говорится въ немъ *о печкѣ*. *Пр.* А что-же говорится о печкѣ?—*Уч.* Что она стоитъ въ углу. *Пр.* Хорошо. То, что говорится о подлежащемъ въ предложеніи, называется *сказуемымъ*. Какъ называется, повторите?—*Уч.* Сказуемымъ. *Пр.* Что-же такое сказуемое?—*Уч.* Сказуемымъ называется то, что говорится о подлежащемъ. *Пр. Чуть-чуть вѣетъ перелетный вѣтерокъ*—

какія слова въ этомъ предложеніи означаютъ подлежащее и сказуемое?—*Уч. вѣтерокъ*—подлежащее, а *вѣетъ*—сказуемое. *Пр.* А въ предложеніи *золотитъ заря востокъ?*—*Уч.* Подлежащее—*заря.... востокъ....* нѣтъ, *заря....* *Пр.* Постойте. Если подлежащее *востокъ*, значитъ: онъ *золотитъ*? — *Уч.* Такъ. *Пр.* Что-же онъ, т. е. востокъ, золотитъ.—*Уч.* Зарю. *Пр.* А развѣ тамъ сказано: золотитъ *зарю* востокъ? — *Уч.* Нѣтъ, нѣтъ; тамъ сказано: золотитъ *заря* востокъ. *Пр.* И такъ, какое-же слово въ этомъ предложеніи подлежащее? — *Уч. Заря. Пр.* А сказуемое?— *Уч. Золотитъ.*

Примѣч. Преподаватель назвалъ еще нѣсколько предложеній изъ выученнаго учениками, и заставилъ нѣсколькихъ учениковъ находить въ нихъ подлежащее и сказуемое. Разумѣется, сначала онъ задавалъ самыя легкія предложенія, даже состоящія только изъ двухъ словъ: подлежащаго и сказуемаго. На такихъ предложеніяхъ (*краткихъ*) ученики скорѣе пріучаются изъ двухъ только словъ порѣшить, которое подлежащее и которое сказуемое. Послѣ такого упражненія надъ нѣсколькими предложеніями, преподаватель предлагаетъ слѣдующіе вопросы:

Пр. Придайте къ подлежащему *собака* какое-нибудь сказуемое? — *Уч.* Собака *лаетъ.... бѣгаетъ.... кусаетъ... стережетъ домъ....* (нѣсколько примѣровъ). *Пр.* А къ какому подлежащему вы придали бы сказуемое: *говоритъ?* — *Уч. Человѣкъ* говоритъ..... *попугай.... ученикъ.... отецъ.... братъ* (нѣсколько примѣровъ). *Пр.* Итакъ, что-жь въ предложеніи должно отличать? — *Уч. Подлежащее* и *сказуемое*. *Пр.* Вотъ эти-то слова, которыя означаютъ въ предложеніи *подлежащее* и *сказуемое*, называются *главными частями* (*членами*) *предложенія*; всѣ же прочія слова въ предложеніи называются *второстепенными частями* (*членами*) или *распространеніемъ* предложенія. Они отвѣчаютъ на различные вопросы, которые дѣлаются отъ подлежащаго и сказуемаго, такъ напр. вотъ вамъ предложеніе: *длинный день покончилъ рядъ заботъ*. Назовите подлежащее. — *Уч. День. Пр.* А сказуемое? — *Уч. Покончилъ. Пр.* Какіе эти члены предложенія?—*Уч. Главные. Пр.* Вотъ отъ этихъ двухъ словъ мы и будемъ теперь дѣлать вопросы, на которые отвѣтимъ прочими словами, заключающимися въ томъ предложеніи, или *второстепенными* членами: день *какой?*—*Уч. Длинный. Пр.* Покончилъ *что?* — *Уч. Рядъ заботъ. Пр.* Нѣтъ, постойте!

отвѣчайте только однимъ словомъ; покончилъ *что?*—*Уч. Рядъ. Пр. Рядъ чего?*—*Уч. Заботъ. Пр.* Тѣ слова, которыя отвѣчаютъ на вопросы, дѣлаемые отъ другихъ словъ, называются *зависящими* или *подчиненными*. Отыскивать, на какіе вопросы отъ однихъ словъ другія слова отвѣчаютъ, значитъ, узнавать *зависимость* словъ въ предложеніи, т. е. какое слово отъ какого другого *зависитъ* или къ какому другому *относится* (*отношеніе*). Разберемъ же еще слѣдующее предложеніе: *по краямъ темнѣющаго свода тьни всѣ широкія слились*. Что въ этомъ предложеніи *подлежащее*? — *Уч. Тьни. Пр.* А *сказуемое*? — *Уч. Слились. Пр.* Хорошо. Теперь скажите: *какой* вопросъ и отъ *какого* слова надобно сдѣлать, чтобы отвѣтить словомъ *всѣ*?—*Уч. Тьни какія*?—*всѣ. Пр.* Такъ. Значитъ, слово *всѣ* къ какому слову въ этомъ предложеніи *относится*? — *Уч.* Къ слову *тьни. Пр.* А на какой вопросъ вы отвѣтите словомъ *широкія*?—*Уч.* На вопросъ *какія*? *Пр.* Отъ какого слова въ предложеніи вы сдѣлаете этотъ вопросъ? — *Уч.* Отъ того-же слова *тьни. Пр.* Итакъ, значитъ, къ слову *тьни* въ предложеніи *относятся* два слова?—*Уч.* Да, два: *всѣ* и *широкія*. *Пр.* Какія-же еще остались слова въ предложеніи *второстепенныя*, кромѣ этихъ двухъ? — *Уч.* По *краямъ темнѣющаго свода*. *Пр.* Мнѣ кажется, что всѣ эти слова могутъ отвѣтить на *одинъ*, *общій* для нихъ вмѣстѣ, вопросъ? Не скажетъ ли кто изъ васъ: на какой именно? — *Уч.* (послѣ нѣкотораго молчанія) на вопросъ *гдѣ*? *Пр.* Хорошо. А отъ какого слова вы сдѣлаете этотъ вопросъ?—*Уч.* Отъ слова *слились*.

Подобнымъ же образомъ разбирается еще одно предложеніе: *встрѣтить ночь готовится природа*.

Пр. Какимъ-же образомъ можно узнать, отъ какого слова другое зависитъ, или къ какому оно относится? — *Уч.* Надобно сдѣлать вопросъ, на который бы это слово отвѣтило... а потомъ... потомъ посмотрѣть, отъ какого слова дѣлается этотъ вопросъ. *Пр.* Совершенно такъ; хорошо. Итакъ, вы видѣли, что предложеніе можетъ состоять только *изъ однихъ главныхъ членовъ*, напр. *жаръ свалилъ*, *повѣяла прохлада*, и *изъ главныхъ со второстепенными*, напр. *длинный день покончилъ рядъ заботъ*. Первыя могутъ быть названы *краткими*, а по-

слѣднее *распространеннымъ*. Какія-же бываютъ предложенія? —*Уч. Краткія* и *распространенныя*. *Пр.* Укажите въ этомъ стихотвореніи *краткія* предложенія.—*Уч. Говоръ смолкъ. Тихо все. Промолвятъ голоса. Пыль слеглась*. *Пр.* Хорошо. А *распространенныя*?—*Уч. Косцы вернулися съ работъ. Потемнѣлъ заря уже готова. Часъ ночи не далекъ*. *Пр.* Довольно. Перейдемъ теперь къ слѣдующему предложенію этого-же стихотворенія: *по дворамъ давно загнали стадо*. Что здѣсь подлежащее? — *Уч.* (послѣ нѣкотораго молчанія) *Стадо*. *Пр.* Положимъ, такъ. А сказуемое?—*Уч. Загнали*. *Пр.* Значитъ, въ этомъ предложеніи говорится, что *стадо загнали*; *кого*-же стадо загнали?—*Уч.* Нѣтъ.... это не такъ.... не *стадо* загнали. *Пр.* А *кто*-же загнали? *кто* загоняетъ *обыкновенно* стадо?—*Уч.* Пастухи... мужики... крестьяне... *Пр.* А какое есть общее названіе для пастуховъ, мужиковъ, крестьянъ?—*Уч.* Люди. *Пр.* Такъ и скажите просто: *люди загнали*. И такъ, подлежащимъ въ этомъ предложеніи какое-же слово?—*Уч. Люди*. *Пр.* А сказуемое?—*Уч. Загнали*. *Пр.* Но вѣдь въ этомъ предложеніи нѣтъ слова *люди*?—*Уч.* Нѣтъ. *Пр.* Откуда-же вы его взяли?—*Уч.* Да оно *должно* тутъ быть... *Пр.* Почему-же именно *должно*? *Уч.* Да какъ-же... кто-же *загналито*?... не будетъ подлежащаго... не можетъ быть и предложенія, если ни о комъ не говорится. *Пр.* Да вѣдь вотъ есть же такое предложеніе?—*Уч.* Такъ ужь тутъ всякій пойметъ, что говорится о *людяхъ*. *Пр.* Однако вы сперва сказали, что въ этомъ предложеніи подлежащее *стадо*?—*Уч.* Мы не подумали.... ошиблись... не догадались сразу... *Пр.* Пусть будетъ такъ. Дѣло и не въ томъ, а вотъ оно въ чемъ: очень нерѣдко попадаются въ рѣчи такія предложенія, въ которыхъ *подразумѣвается* подлежащее или сказуемое, особенно въ предложеніяхъ *повелительныхъ*, *вопросительныхъ*, *отвѣтныхъ* и *восклицательныхъ*; напр. *поди*: кто?—*Уч. Ты*. *Пр. Дайте книгу*: кто?—*Уч. Вы*. *Пр. Кто тамъ*? (подразумѣвается: *пришелъ*, *стучитъ*, *говоритъ*...) отвѣчайте сами, какъ хотите?—*Уч. Я... гость... братъ...* (подразумѣваются тѣ-же слова). *Пр.* Если напр. гдѣ-нибудь случится пожаръ, такъ вѣдь никто не кричитъ: *пожаръ случился*! а какъ обыкновенно кри-

чать?—*Уч.* Просто кричать: *пожаръ! пожаръ! Пр.* Да. Значитъ, въ предложеніи *пожаръ!* что *подразумѣвается?*—*Уч.* Подразумѣвается сказуемое *случился* или *сдѣлался. Пр.* Точно также: когда вы услышите громъ, вы рѣдко говорите: *громъ гремитъ*, а обыкновенно воскликнете просто одно слово: *громъ!* Въ этомъ предложеніи что̀ подлежащее и что̀ сказуемое?—*Уч.* Подлежащее—*громъ*, а сказуемое—*гремитъ* подразумѣвается. (Еще нѣсколько примѣровъ). Замѣтьте-же теперь: такія предложенія, въ которыхъ *подразумѣвается* подлежащее или сказуемое, называются *неполными*, а въ которыхъ есть на-лицо то и другое, называются *полными*. Какія-же предложенія бываютъ?—*Уч. Полныя* и *неполныя. Пр.* А раньше, помните, какія у насъ были?—*Уч. Краткія* и *распространенныя. Пр.* А еще раньше? посмотрите въ тетрадь, гдѣ у васъ это записано.—*Уч. Простыя* и *сложныя. Пр.* (обращаясь къ одному изъ учениковъ). Прочитайте, что вы сегодня записали въ тетрадь? о чемъ мы говорили?—*Уч.* (читаетъ) *Предложеніе. Предложеніе простое и сложное. Главныя части (члены) предложенія: подлежащее и сказуемое. Второстепенныя части (члены) предложенія—зависящія слова или распространенія. Зависимость словъ въ предложеніи по вопросамъ. Предложенія краткія и распространенныя. Пропускъ частей предложенія (подразумѣваются). Предложенія полныя и неполныя. Пр.* Хорошо, вѣрно. Къ слѣдующему классу вашимъ урокомъ будетъ вотъ что: 1) выберите изъ того, что вы учили наизустъ, или прочитали и разсказывали, нѣсколько предложеній *простыхъ, сложныхъ, распространенныхъ, полныхъ* и *сокращенныхъ* (всего-на-все хоть 10) и спишите ихъ въ тетрадь, отмѣтивъ на полѣ тетради, противъ каждаго предложенія, *какое оно?* (показываетъ на доскѣ, какъ это дѣлается); 2) въ каждомъ изъ этихъ предложеній подчеркните подлежащее и сказуемое, и поставьте надъ первымъ букву *п*, а надъ вторымъ *с* (показываетъ на доскѣ, какъ надо это сдѣлать); въ предложеніи же *неполномъ* то, что подразумѣвается, напишите въ скобкахъ (показываетъ примѣръ на доскѣ).

М. Н.

Выводъ изъ второй бесѣды: Что называется *предложеніемъ?* Предложеніе *простое* и *сложное. Главные члены* предложенія: *подле-*

жащее и сказуемое. Второстепенные члены предложенія — слова зависящія или распространенія. *Зависимость* словъ въ предложеніи по вопросамъ. Предложенія *краткія* и *распространенныя. Пропускъ* частей предложенія. Предложенія *полныя* и *неполныя.*

Всякая понятная рѣчь, или мысль, выраженная словами, называется *предложеніемъ*. Предложеніе, въ которомъ, для полной ясности, соединяется нѣсколько предложеній, называется *сложнымъ*, а каждое отдѣльное предложеніе—*простымъ*.

То, *о комъ* или *о чемъ* говорится въ предложеніи, называется *подлежащимъ*, а то, *что* о подлежащемъ говорится, называется *сказуемымъ*. Подлежащее и сказуемое считаются *главными частями(членами)* предложенія; всѣ-же прочія слова въ предложеніи называются *второстепенными* или *распространеніями*, потому-что они зависятъ отъ главныхъ, служатъ имъ поясненіемъ, и такимъ образомъ распространяютъ предложеніе. *Зависимость* словъ въ предложеніи узнается по вопросамъ; слова, отвѣчающія на вопросы, дѣлаемые отъ другихъ словъ, называются *зависящими* или *подчиненными*. Отыскивать, на какіе вопросы отъ однихъ словъ другія слова отвѣчаютъ, значитъ узнавать зависимость словъ въ предложеніи, т. е. какое слово отъ какого другого зависитъ, или къ какому другому *относится* (*отношеніе* между словами).

Предложеніе, которое состоитъ изъ однѣхъ главныхъ частей, называется *краткимъ*, а въ которомъ есть и второстепенныя части, называется *распространеннымъ*. Въ предложеніяхъ *повелительныхъ*, *восклицательныхъ*, *вопросительныхъ* и *отвѣтныхъ* весьма нерѣдко опускаются или подразумѣваются главныя части предложенія; такія предложенія называются *неполными*; тѣ-же предложенія, въ которыхъ главныя части на-лицо, называются *полными*.

Предложенія отдѣляются *знаками препинанія*: простыя предложенія, составляющія части одного сложнаго предложенія, отдѣляются *запятыми*, а простыя отдѣльныя (независимыя предложенія) и сложныя отдѣляются *точками съ-запятыми* (;) и *точками* (.) Знаки *вопросительный*(?) и *восклицательный* (!) могутъ стоять вмѣсто точки (.) и вмѣсто точки-съ запятою (;).

СТАТЬИ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ ПО ПОВОДУ ВТОРОЙ БЕСѢДЫ.

Пословицы и поговорки (*).

Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Ученье атаманъ, а неученье комаръ. Бѣдность не порокъ. Бѣдность учитъ, а счастье пор-

---

(*) Для упражненія въ отличеніи: 1) предложеній простыхъ и сложныхъ, *полныхъ* и неполныхъ и 2) главныхъ частей предложенія.

титъ. Кто лжетъ, тотъ и крадетъ. Глаза глядятъ, а руки дѣлаютъ. Локоть близокъ, *да не укусишь*. Мышь сыта, мука горька. Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Коли самъ плохъ, такъ не дастъ и Богъ. *Что посѣешь, то и пожнешь*. Москва царство, а деревня рай. Языкъ болтаетъ, голова не понимаетъ. *Будь здоровъ*. *Разъ сказали, другого не жди*. Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Видитъ око да зубъ нейметъ. Радъ дуракъ, что пирогъ великъ. Голова не захочетъ, ноги не пойдутъ. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. И высоки сапоги, да вода велика. *Какъ пришло, такъ и ушло. Гуляй, да не загуливайся*. (*).

Слова, соединяющія предложенія *а, и, да, коли, если, то, такъ, что*, называются *союзами*; иногда они подразумѣваются (языкъ болтаетъ, голова не понимаетъ; голова не захочетъ, ноги не пойдутъ).

Появленіе первой ласточки.

Травка зеленѣетъ,
Солнышко блеститъ,
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.
Съ нею солнце дольше,
И весна милѣй....

Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй;
Дамъ тебѣ я зеренъ,
А ты пѣсню спой:
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой?..

Плещеевъ.

Назовите предметы, о которыхъ въ этомъ стихотвореніи говорится? Что говорится о травкѣ? о солнышкѣ? о ласточкѣ? о солнцѣ? О чемъ говорится въ 9-мъ стихѣ? въ 10-мъ? въ послѣднихъ двухъ строкахъ (кто принесла?) О комъ говорится въ 7-мъ стихѣ? (Кто прощебечь?) Назовите предметы одушевленные? неодушевленные? Сколько здѣсь предложеній сложныхъ? простыхъ? Какія предложенія здѣсь краткія? распространенныя? полныя? неполныя? Къ какому слову относятся слова *намъ* и *привѣтъ* (на какіе вопросы?) и т. д. Отличите въ каждомъ предложеніи главныя части и второстепенныя.

(*) Въ предложеніяхъ, напечатанныхъ курсивомъ, подразумѣвается одинъ изъ главныхъ членовъ предложенія.

Зимнее утро въ Петербургѣ.

Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ;
На биржу тянется извощикъ;
Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ;
И хлѣбникъ, нѣмецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ не разъ
Ужь отворялъ свой васисдасъ.

А. Пушкинъ.

Назовите лица, о которыхъ въ этой статьѣ говорится? Что говорится о каждомъ лицѣ отдѣльно? О какихъ еще предметахъ въ этой статьѣ говорится? Что говорится о снѣгѣ, о шумѣ, о ставняхъ, о дымѣ? Отдѣлите предложенія сложныя? простыя? краткія? распространенныя? Отличите въ каждомъ предложеніи члены главные и второстепенные. На какіе вопросы второстепенные члены, въ каждомъ здѣсь предложеніи, отвѣчаютъ? отъ какихъ словъ дѣлаются эти вопросы?

Наступленіе утра.

Востокъ, алѣя (*), пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Проснулись пташки; въ тихій боръ
Ужь дровосѣкъ несетъ топоръ;
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельскихъ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесенъ,
Скрипитъ подъ сѣномъ возъ тяжелый,
И заигралъ рожокъ веселый.

Козловъ.

(*) Слово *алѣя* при разборѣ стихотворенія по предложеніямъ слѣдуетъ выпустить.

Тишина ночи.

Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужь гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ;
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Никто не пройдетъ, лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужь нѣтъ на лодкахъ огоньковъ;
Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;
Обитель въ сонъ погружена;
Повсюду миръ и тишина.

Козловъ.

При разборѣ этой статьи по предложеніямъ, напечатанное курсивомъ можно и выпустить, потому-что о предложеніяхъ такого строя въ бесѣдѣ не говорилось. Въ нихъ подлежащее сливается со сказуемымъ такъ тѣсно, что обѣ части выражаются однимъ словомъ (*не слышно, не видно, нѣтъ*). Такія предложенія называются *сжатыми*. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ предложеній: *Улицу замело снѣгомъ. Разсвѣтаетъ. Морозитъ. Нездоровится.*

Мщеніе.

Измѣнной слуга Паладина убилъ:
Убійцѣ завиденъ санъ рыцаря былъ.
Свершилось убійство ночною порой—
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рѣкой.
И шпоры и латы убійца надѣлъ,
И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.
И мостъ на конѣ проскакать онъ спѣшитъ:
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока:
Конь бѣшеный сбросилъ въ рѣку сѣдока.
Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ:
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

Жуковскій.

Послѣ подробнаго разбора этой статьи по предложеніямъ, можно объяснить употребленіе знака *двоеточіе (:)*. Двоеточіе ставится предъ тѣмъ предложеніемъ, въ которомъ означается причина или слѣдствіе предъидущаго; также предъ исчисленіемъ, напр. *У насъ четыре времени года: весна, лѣто, осень и зима, а подъ экваторомъ только два: сухое и дождливое.*

Бесѣда III.

Примѣч. Было задано къ этому уроку изъ прочитанной, разсказанной и объясненной статьи «Сѣяніе ржи» слѣдующее: 1) первую половину ея раздѣлить на отдѣльныя предложенія, 2) въ каждомъ предложеніи отыскать подлежащее и сказуемое и 3) объяснить, на какіе вопросы и отъ какихъ словъ отвѣчаютъ прочіе, второстепенные, члены предложенія. Вотъ этотъ отрывокъ:

Сѣяніе ржи.

«Сѣятель сыплетъ сѣмена полною рукою въ рыхлую землю, и чудно воскресаетъ посѣянное. Земля принимаетъ зернышко въ нѣдра свои и въ тишинѣ развиваетъ его; нѣжный отросточекъ выходитъ изъ него и поднимаетъ вверхъ свою красноватую головку. Голый малютка стоитъ и зябнетъ, и молитъ у неба росы и солнышка; а солнышко на высокомъ пути своемъ съ любовію смотритъ на земную малютку. Вскорѣ настаютъ морозы и бури, отъ которыхъ прячется человѣкъ и червякъ; отросточекъ также не избавится отъ нихъ; онъ долженъ стоять на вѣтру и на холодѣ.» (Изъ журнала «Звѣздочка».)

Цѣль этой задачи заключалась въ томъ, чтобы понемногу пріучать учениковъ къ самостоятельному труду, наиболѣе упрочить за ними знанія, практически пріобрѣтенныя въ классѣ, и наконецъ увѣриться, какъ значительно меньшинство худо понявшихъ объясненія.

Одна часть этой задачи была исполнена письменно, а именно: ученики должны были написать половину этой статьи отдѣльными предложеніями, и въ каждомъ предложеніи подчеркнуть подлежащее и сказуемое, поставивъ надъ первымъ *п*, а надъ вторымъ *с*. Цѣль этого заключается въ томъ: 1) чтобы ученики дѣйствительно приготовились къ уроку и 2) чтобы имѣли упражненія въ письмѣ.

Послѣ пересмотра преподавателемъ нѣсколькихъ тетрадей въ классѣ съ указаніемъ и исправленіемъ ошибокъ, при помощи товарищей, ученики, у которыхъ остались непросмотрѣнными письменныя работы, одинъ за другимъ, читали предложенія и выполнили заданный урокъ изустно. За тѣмъ уже приступлено было къ самой бесѣдѣ.

*

Одинъ изъ учениковъ прочиталъ предложеніе «*Сѣятель сыплетъ сѣмена полною рукою въ рыхлую землю*». Преподаватель заставилъ его назвать тѣ слова, которыя означаютъ предметы. Потомъ послѣдовали вопросы преподавателя и отвѣты учениковъ въ такомъ порядкѣ:

Пр. Какой предметъ означаетъ слово *сѣятель?*—*Уч.* предметъ *одушевленный*. *Пр.* Что сѣятель *дѣлаетъ?*—*Уч.* Онъ *сыплетъ*. *Пр.* (обращаясь къ другому ученику) Значитъ, слово *сыплетъ* что̀ выражаетъ?—*Уч.* *Что̀* сѣятель *дѣлаетъ*. *Пр.* Вмѣсто *дѣлаетъ* можно сказать и *дѣйствуетъ*. Это даже лучше, потому-что слово *дѣйствуетъ* принадлежитъ къ большему числу понятій, нежели *дѣлаетъ*; такъ напр. въ предложеніяхъ собака *бѣгаетъ*; птица *летаетъ;* я *говорю:* какъ лучше спросить: что *дѣлаю* я, что дѣлаютъ собака и птица? или: какъ *дѣйствую* я, какъ дѣйствуютъ собака и птица?—*Уч.* *Дѣйствуютъ*. *Пр.* Почему-же?—*Уч.* Да вы ничего не дѣлаете, и птица и собака ничего не дѣлаютъ. (другіе ученики) Всѣ эти предметы *дѣйствуютъ*. *Пр.* И такъ, господа, слово *сыплетъ* означаетъ *дѣйствіе?*—*Уч.* *Дѣйствіе*. *Пр.* Назовите-же мнѣ еще нѣсколько словъ, выражающихъ *дѣйствіе?*—*Уч.* *Бѣгаетъ*, *летаетъ*, *говоритъ*. *Пр.* Это вы только повторили тѣ слова, что я сказалъ вамъ сейчасъ; нѣтъ, вы скажите свои примѣры? —*Уч.* *Читаетъ*, *ходитъ*, *пишетъ*, *рисуетъ*.... *Пр.* Такъ *сѣятель—предметъ*, *а сыплетъ—дѣйствіе? Какъ*-же вы назовете этотъ предметъ *въ отношеніи* къ дѣйствію?—*Уч.* Предметъ, *который дѣйствуетъ*. *Пр.* Да, или короче можно сказать: *дѣйствующій*. (обращаясь къ одному изъ учениковъ, послабѣе) Итакъ, сѣятель какой предметъ *въ отношеніи къ дѣйствію?*—*Уч.* *Дѣйствующій*. *Пр.* Вотъ вамъ три предложенія (пишите): Канарейка поетъ. Извощикъ возитъ. Дверь скрипитъ. Скажите, что̀ въ нихъ выражаетъ каждое слово?—*Уч.* Канарейка—предметъ дѣйствующій, а поетъ—дѣйствіе; извощикъ—предметъ дѣйствующій, а везетъ—дѣйствіе; дверь—предметъ дѣйствующій, а скрипитъ—дѣйствіе. *Пр.* Хорошо. Теперь перейдемъ къ слѣдующему слову *сѣмя*. Не скажете ли вы сами, какой это предметъ *въ отношеніи къ дѣйствію*?—(ученики молчатъ). Дѣйствующій или нѣтъ?—(одинъ голосъ) Дѣйствующій. *Пр.* Какъ-же онъ дѣйствуетъ? (молчаніе). Значитъ, онъ не дѣй-

ствующій?—*Уч.* Нѣтъ. *Пр.* Такъ я васъ спрашиваю теперь: если бы у сѣятеля не было сѣменъ, могъ бы онъ сыпать?—*Уч.* Конечно нѣтъ. *Пр.* Почему же?—*Уч.* Да вѣдь надо сыпать *что-нибудь*. *Пр.* Вотъ такой-то предметъ и называется *страдательнымъ*, или предметомъ, *на который переходитъ дѣйствіе*. Итакъ, *сѣмена* какой-же предметъ?—*Уч. Страдательный, на который переходитъ дѣйствіе*. *Пр.* Какое дѣйствіе?—*Уч.* Сыплетъ. *Пр.* Чье дѣйствіе?—*Уч.* Сѣятеля. *Пр.* А сѣятель какой предметъ?—*Уч.* Дѣйствующій. *Пр.* Почему?—*Уч.* Потому-что онъ дѣйствуетъ. *Пр.* Какъ?—*Уч.* Сыплетъ. *Пр.* Что?—*Уч.* Сѣмена. *Пр.* А сѣмена какой предметъ?—*Уч.* Страдательный, на который переходитъ дѣйствіе. *Пр.* Итакъ, въ предложеніи слова могутъ выражать: *дѣйствіе*, *предметъ дѣйствующій* и *предметъ страдательный* или *на который переходитъ дѣйствіе другого предмета* (по вопросамъ *кого* и *что?*). Запишите же это. Вотъ вамъ еще примѣры: извощикъ везетъ (*кого?*) *купца*, и погоняетъ (*кого?*) *лошадь*; сѣятель сыплетъ (*что?*) *сѣмена*; я взялъ (что?) *книгу*.

Пр. Теперь примемся за слово *рукою*. Какой это предметъ?—(нѣсколько голосовъ) Неодушевленный... дѣйствующій... страдательный.... *Пр.* Погодите, погодите. *Неодушевленный*—это вѣрно. *Дѣйствующій*—развѣ рука сама собою *дѣйствуетъ?*—*Уч.* Нѣтъ, дѣйствуетъ сѣятель *чѣмъ? рукою*. *Пр.* Хорошо. Вы еще сказали: *страдательный*—развѣ *на руку* переходитъ дѣйствіе, развѣ она страдала бы, еслибъ не было сѣмени?—*Уч.* Нѣтъ. Такъ какой-же это предметъ, г. учитель? *Пр.* Не найдете ли вы словъ въ подобномъ же отношеніи къ дѣйствію, какъ теперь *рукою*, въ слѣдующихъ предложеніяхъ: я говорю *языкомъ*; вы слушаете *ушами*, смотрите *глазами*, думаете *головою?*—*Уч.* Такъ, такъ: *языкомъ*, *ушами*, *глазами*, *головою* рѣшительно выражаютъ то-же, что *рукою*. Эти предметы выражаютъ, *чѣмъ* дѣйствуетъ дѣйствующій предметъ. *Пр.* Хорошо. Но можно сказать и лучше: *чѣмъ*, или *посредствомъ чего совершается дѣйствіе*. Иначе сказать: слово *рукою* означаетъ *предметъ орудія или средства дѣйствія*, на вопросъ *чѣмъ?*... Итакъ, *глазами*—какой предметъ?—*Уч.* Предметъ орудія, или средства дѣйствія. *Пр.* (обращаясь къ разнымъ ученикамъ

Языкомъ?... ушами?... головою?... рукою?—*Уч.* Предметъ орудія или средства дѣйствія. *Пр.* *Чье* дѣйствіе?—*Уч.* Сѣятеля. *Пр.* А какой *это* предметъ?—*Уч.* Дѣйствующій. *Пр.* *Какого* дѣйствія?—*Уч.* Сыплетъ. *Пр.* *Что* сыплетъ?—*Уч.* Сѣмена. *Пр.* А сѣмена *какой* предметъ?—*Уч.* Страдательный..... на который переходитъ дѣйствіе. *Пр.* На *какіе вопросы* отвѣчаетъ предметъ, на который переходитъ дѣйствіе?—*Уч.* На вопросы: *кого* и *что?* *Пр.* Хорошо, хорошо. А *чьмъ* сѣятель сыплетъ сѣмена?—*Уч.* Рукою. *Пр.* Какой *это* предметъ?—*Уч.* Предметъ орудія или средства дѣйствія. *Пр.* На *какой вопросъ* отвѣчаетъ предметъ орудія или средства дѣйствія?—*Уч.* На вопросъ *чьмъ*. *Пр.* Теперь повторите-же: что могутъ выражать слова въ предложеніи?—*Уч.* *Дѣйствіе, предметъ дѣйствующій, предметъ страдательный или на который переходитъ дѣйствіе, предметъ орудія или средства дѣйствія.* *Пр.* Хорошо. Припишите-же къ тому, что у васъ записано: *предметъ орудія или средства дѣйствія.* Теперь пойдемъ дальше. Какое-же слово слѣдуетъ разбирать?—*Уч.* Да вотъ вы пропустили слово *полною*. *Пр.* Что-же оно выражаетъ? какъ вы думаете? (Молчаніе). Посмотрите хорошенько и сообразите, *къ чему* это слово *относится? къ дѣйствію* или *къ предмету?*—*Уч.* Конечно, *къ предмету*. *Пр.* Къ *какому*-же *предмету?*—*Уч.* Рукою. *Пр.* А что этотъ предметъ выражаетъ въ отношеніи къ дѣйствію? —*Уч.* Орудіе или средство дѣйствія. *Пр.* Почему-же вы думаете, что слово *полною* относится къ слову *рукою?*—*Уч.* Да какъ-же: вопросъ-то вѣдь надо сдѣлать отъ слова *рукою*, чтобы отвѣтить *полною*: *какою рукою?*—*полною*. *Пр.* А почему-же такъ?—*Уч.* Иначе и не можетъ быть.... Это ужь такъ ясно. *Пр.* Положимъ такъ. Для чего-же это слово прибавлено? развѣ безъ него нельзя обойтись тутъ?—*Уч.* Можно; но только съ нимъ выходитъ яснѣе; оно прибавлено, чтобы показать, что у сѣятеля много сѣменъ. *Пр.* А что вы можете сказать о рукѣ на вопросъ *какая?*—*Уч.* *Большая, маленькая, бѣлая, красная, тяжелая...* *Пр.* А на вопросъ *чья?*—*Уч.* *Моя, твоя, дѣтская....* *Пр.* Хорошо. Для чего-же мы прибавляемъ эти слова?—*Уч* Чтобъ показать, *какая* или *чья* рука. *Пр.* То есть *отличить* ее отъ всѣхъ другихъ рукъ?—*Уч.* Да, да! *отличить*.

Пр. Вы такъ и скажите: слово *полною* прибавлено къ слову *рукою* для *отличенія* этого предмета отъ подобныхъ. Итакъ, слово *полною* что выражаетъ въ предложеніи?—*Уч.* *Отличеніе* предмета. *Пр.* Какого?—*Уч.* Рука. *Пр.* Придайте слова, выражающія отличеніе, къ предмету *столъ?*—*Уч.* *Классный, большой, грязный, желтый, черный....* *Пр.* Что выражаютъ эти слова?—Отличеніе. *Пр.* Да, отличеніе или *признакъ* предмета. Припишите-же и это къ тому, что у васъ записано. (Ученики записываютъ). Что-же вы записали?—*Уч.* *Отличеніе предмета* отъ подобныхъ *или признакъ предмета.* *Пр.* Прибавьте къ этому еще въ скобкахъ (по вопросамъ *какой, чей?*). Теперь обратимся къ послѣдней части предложенія: *въ рыхлую землю.* Что-же это выражаетъ въ предложеніи? (Молчаніе). Къ чему оно относится: къ предмету или къ дѣйствію?—*Уч.* Къ дѣйствію: *сыплетъ куда?* *Пр.* А когда, вообще, мы дѣлаемъ вопросы: *куда? гдѣ? откуда?*—*Уч.* Когда хотимъ узнать *мѣсто.* *Пр.* И прекрасно! значитъ, часть предложенія *въ рыхлую землю* выражаетъ *мѣсто дѣйствія.* Что-же выражаетъ часть предложенія *въ рыхлую землю?*—*Уч.* *Мѣсто дѣйствія.* *Пр.* *Какого* дѣйствія?—*Уч.* Сыплетъ. *Пр.* *Чье* это дѣйствіе? —*Уч.* Сѣятеля. *Пр.* А *какой* это предметъ?—*Уч.* Дѣйствующій. *Пр.* *Какъ* онъ дѣйствуетъ?—*Уч.* Сыплетъ. *Пр.* *Что* сыплетъ?—*Уч.* Сѣмена. *Пр.* А *это* какой предметъ?—(ученики думаютъ). Смотрите, что у васъ записано?—*Уч.* Страдательный, на который переходитъ дѣйствіе. *Уч.* Чѣмъ сѣятель сыплетъ?—*Уч.* Рукою. *Пр.* Какой *это* предметъ?—*Уч.* Орудія или средства дѣйствія. *Пр.* *Какою* рукою сѣятель сыплетъ)—*Уч.* Полною рукою. *Пр.* *Что* это слово выражаетъ въ предложеніи?—*Уч.* *Отличеніе* или *признакъ* предмета. *Пр.* *Куда* сыплетъ?—*Уч.* Въ рыхлую землю. *Пр.* Что выражаетъ *эта часть* въ предложеніи?—*Уч.* Мѣсто дѣйствія. *Пр.* На какіе вопросы отвѣчаетъ мѣсто дѣйствія?—*Уч.* На вопросы: *гдѣ, куда, откуда?* *Пр.* Хорошо, очень хорошо! А кто скажетъ: зачѣмъ прибавлено слово *рыхлую* къ слову *землю*?—*Уч.* Для отличенія предмета, на вопросъ *какую землю?* *Пр.* Припишите-же къ тому, что у васъ записано, и это (диктуетъ): *мѣсто дѣйствія* (на вопросы: *гдѣ, куда, откуда*?). Теперь

разберемъ и второе предложеніе: *И чудно воскресаетъ посѣянное.* Сперва скажите: *про что* говоритъ слово *посѣянное?* что *посѣяно?*—*Уч.* Зернышко, сѣмя. *Пр.* О чемъ-же въ этомъ предложеніи говорится?—*Уч.* О зернышкѣ, о сѣмени. *Пр.* О какомъ-же сѣмени?—*Уч.* О посѣянномъ. *Пр.* Хорошо. *Что* о немъ говорится?—*Уч.* Посѣянное зернышко *воскресаетъ. Пр. Какъ*-же оно воскресаетъ? просто, или особеннымъ, отличнымъ образомъ?—*Уч.* Оно воскресаетъ *чудно. Пр.* Такъ что-же, значитъ, выражаетъ въ этомъ предложеніи слово *чудно?*... стыдно, если не скажете!... *Уч.* Да это ужъ очень понятно: вы сами почти сказали.... оно выражаетъ *отличеніе. Пр.* Отличеніе чего-же?—*Уч.* Слова воскресаетъ. *Пр.* А *воскресаетъ* что̀ выражаетъ?—*Уч.* Дѣйствіе. *Пр.* Слѣдственно, слово *чудно* выражаетъ *отличеніе* или признакъ *дѣйствія?* такъ?—*Уч.* Такъ; *отличеніе* или признакъ *дѣйствія. Пр.* А на какой вопросъ?—*Уч.* На вопросъ *какъ? какимъ образомъ? Пр.* Припишите-же и это къ тому, что у васъ тамъ записано (ученики записываютъ). А чье это дѣйствіе *воскресаетъ?* какого предмета?—*Уч.* Зернышка, сѣмени. *Пр.* Да вѣдь этого слова нѣтъ въ предложеніи *чудно воскресаетъ посѣянное? Уч.* Оно *подразумѣвается. Пр.* Почему вы такъ думаете? изъ чего заключаете?—*Уч.* А какъ-же: раньше было сказано: сѣятель сыплетъ *сѣмена. Пр.* Хорошо. Теперь скажите, что̀ выражаетъ слово *посѣянное?*—*Уч.* Отличеніе или признакъ предмета, на вопросъ *какое* зернышко? *Пр.* Такъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выражаетъ и еще что-то. Вмѣсто *посѣянное* можно вѣдь сказать: *которое посѣяно* или *которое посѣялъ сѣятель?* какъ вы думаете?—*Уч.* Да, можно. *Пр.* Что можно?—*Уч.* Вмѣсто *посѣянное* можно сказать: *которое посѣялъ сѣятель. Пр.* А что означаетъ *которое?*—*Уч.* Зернышко, сѣмя. *Пр.* Поставимъ-же вмѣсто *которое* слово *зернышко*, тогда выйдетъ предложеніе *зернышко посѣялъ сѣятель.* Что означаетъ въ этомъ предложеніи слово *сѣятель?*—*Уч.* Предметъ *дѣйствующій. Пр.* А *посѣялъ?*—*Уч. Дѣйствіе. Пр. Зернышко?*—*Уч.* Предметъ, *на который переходитъ дѣйствіе*, или предметъ *страдательный. Пр.* Нельзя ли теперь заключить изъ этого, что слово *посѣянное* въ отношеніи предмета *зернышко* выражаетъ *страданіе*

его?—*Уч.* Да, можно. *Пр.* Почему-же? (Молчаніе, Да вѣдь вы сами сказали, что *зернышко—предметъ страдательный?*—*Уч.* Да, *страдательный*. *Пр.* Значитъ, зернышко *страдаетъ?*—*Уч.* Да, *страдаетъ*. *Пр.* А какъ-же страдаетъ?—*Уч.* Такъ, такъ.... зернышко *поспѣло:* слѣдственно слово *поспѣлое* выражаетъ *страданіе*. *Пр.* Чье страданіе?—*Уч.* Зернышка. *Пр.* Хорошо. Припишите-же и это слово (*страданіе* предмета) къ тому, что у васъ тамъ записано. Теперь скажите мнѣ: какъ-же это вышло такъ, что *зернышко* въ предложеніи: *чудно воскресаетъ поспѣлое* и *дѣйствующій* предметъ и *страдательный?*—*Уч.* Потому, что въ этомъ предложеніи два слова говорятъ о зернышкѣ: одно—*воскресаетъ* (выражаетъ дѣйствіе), а другое—*поспѣлое* (выражаетъ признакъ и страданіе). *Пр.* Совершенно вѣрно. Хорошо. Вотъ на сей день пока и довольно. Прочитайте-же мнѣ теперь все, что у васъ тамъ записано.—*Уч.* Слова, составляющія предложеніе, могутъ выражать въ немъ: *дѣйствіе, предметъ дѣйствующій, предметъ страдательный или на который переходитъ дѣйствіе* (*кого? что?*), *предметъ орудія или средства дѣйствія* (*чѣмъ* совершается дѣйствіе), *отличеніе или признакъ предмета* (*какой, чей?*), *мѣсто дѣйствія* (*гдѣ? куда? откуда?*), *отличеніе или признакъ дѣйствія* (*какъ? какимъ образомъ?*), *страданіе* предмета. *Пр.* Хорошо. Все это такъ. Прочтите вы.... вы.... вы.... (обращаясь къ тремъ, четыремъ ученикамъ). Къ слѣдующему классу вотъ я задамъ вамъ какую работу: возьмите 4 новыя предложенія, слѣдующія за тѣми двумя, которыя мы разобрали сего-дня, а именно: 1) Земля принимаетъ зернышко въ нѣдра свои, 2) и въ тишинѣ (оно) развиваетъ его, 3) отросточекъ выходитъ изъ него и 4) и поднимаетъ (онъ) вверхъ свою красноватую головку. Напишите въ тетрадяхъ, что выражаетъ каждое слово въ каждомъ изъ этихъ четырехъ предложеній. Тѣ слова, въ значеніи которыхъ вы усомнитесь, оставьте: мы разберемъ ихъ вмѣстѣ. Это вы сдѣлаете такъ (показываетъ на классной доскѣ):

Земля—предметъ дѣйствующій.
Принимаетъ—дѣйствіе.
Зернышко—предметъ страдательный.

Въ нѣдра—предметъ, означающій мѣсто (*куда?*)

Свои—отличеніе или признакъ предмета (*чье?*) и т. д.

Выводъ изъ третьей бесѣды. *Дѣйствіе, состояніе* и *страданіе* предмета; предметъ *дѣйствующій, страдательный* или на который переходитъ дѣйствіе (*кого? что?*), предметъ *орудія или средства дѣйствія* (*кѣмъ? чѣмъ?* совершается дѣйствіе). Отличеніе или *признакъ предмета* (*какой? чей? сколько?*); отличеніе или *признакъ дѣйствія* (*какъ? какимъ образомъ?*); *мѣсто* дѣйствія (*гдѣ? куда? откуда?*), *время* дѣйствія (*когда?*).

Предметъ можетъ находиться въ спокойномъ *состояніи, дѣйствовать* и *страдать* (когда на него переходитъ дѣйствіе другого предмета); слѣдственно въ предметѣ можно отличить: его *состояніе, дѣйствіе* и *страданіе*. Предметъ, который самъ производитъ какое-либо дѣйствіе, т. е. дѣйствуетъ, называется *дѣйствующимъ предметомъ*, а предметъ, на который переходитъ дѣйствіе другого предмета (по вопросу *кого? что?*), называется *страдательнымъ*; предметъ-же, посредствомъ котораго совершается дѣйствіе, называется предметомъ *орудія или средства дѣйствія*.

Чтобы отличить подобные предметы одинъ отъ другого, имъ придаются слова, которыя называются отличеніями или *признаками предметовъ;* они узнаются по вопросамъ: *какой, чей, сколько?* Одно и то-же дѣйствіе можетъ совершаться различнымъ образомъ, по различнымъ причинамъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время; слова, отличающія такимъ образомъ дѣйствіе, называются отличеніями или *признаками дѣйствія;* они узнаются по вопросамъ: *какъ (какимъ образомъ?), почему, гдѣ, откуда, куда, когда?* и др.

М. Н.

Примѣчаніе. Для упражненія по поводу этой (3-й) бесѣды служатъ тѣ же статьи, которыя помѣщены послѣ вывода изъ 4-й бесѣды, особенно-же многія изъ пословицъ.

О IV бесѣдѣ.

Предметомъ 4-й бесѣды могутъ быть слѣдующія 7 предложеній, изъ той-же статьи «*Сѣяніе ржи*»:

1) Голый малютка *стоитъ и зябнетъ*.
2) Вскорѣ настаютъ *морозы и бури*.
3) Отъ которыхъ прячутся *человѣкъ и червякъ*.
4) Онъ молитъ у неба *росы и солнышка*.
5) *Ему* не вредитъ ни то, ни другое.
6) Скоро пролетаетъ мрачная зима, начинаетъ пѣть жаворонокъ, просыпается зернышко.
7) Золотой вѣнокъ *ржи* украшаетъ ее.

Изъ этой бесѣды ученики могутъ узнать: а) (на разборѣ предложеній подъ №№ 1, 2, 3 и 6) что сложныя предложенія раздѣляются на *слитныя и состав-*

ныя, б) (на разборѣ предложеній подъ № 4 и 7), что кромѣ предметовъ дѣйствующаго, страдательнаго, орудія или средства дѣйствія, есть еще предметы, *зависящіе отъ другого предмета* (вѣнокъ *ржи)* на вопросъ *чего?*, в) (изъ предложенія № 5), что есть еще предметъ, *въ пользу или во вредъ котораго совершается дѣйствіе.*

За тѣмъ преподаватель знакомитъ учениковъ со слѣдующими терминами: *дополненіе, опредѣленіе, обстоятельства мѣста, времени* и *образности*, при помощи вполнѣ усвоенныхъ учениками, въ этихъ двухъ (3-й и 4-й) бесѣдахъ, вопросовъ и понятій о предметахъ, по ихъ отношеніямъ (къ дѣйствію и къ другому предмету).

Слѣдственно 4-я бесѣда приведетъ къ слѣдующему выводу.

Выводъ изъ 4-й бесѣды. Предложеніе *слитное* и *составное*. *Предметъ, зависящій отъ другого* предмета (*кого, чего?*); *предметъ, въ пользу или во вредъ котораго совершается дѣйствіе* (*кому, чему?*). Слова *дополнительныя, опредѣлительныя* и *обстоятельственныя*.

Сложное предложеніе можетъ быть *слитное* и *составное; слитнымъ* называется такое, въ которомъ болѣе двухъ главныхъ членовъ (нѣсколько подлежащихъ, или нѣсколько сказуемыхъ, или нѣсколько подлежащихъ и сказуемыхъ); *составнымъ же* — такое, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ простыхъ предложеній.

Зависимость одного предмета отъ другого узнается по вопросу *кого, чего?* Предметъ, *въ пользу или во вредъ котораго совершается дѣйствіе*, узнается по вопросу *кому, чему?*

Итакъ, зависимость предмета отъ дѣйствія, или отъ другого предмета узнается по вопросамъ: *кого, что? кого, чего? кому, чему? кѣмъ, чѣмъ? о комъ, о чемъ?* Слова, отвѣчающія на эти вопросы, называются *дополнительными*. Иногда эти вопросы предлагаются съ помощію особыхъ маленькихъ словъ, которыя называются *предлогами*, напр.: *съ кѣмъ?* —съ отцомъ; *при комъ?* —при отцѣ; *на кого?* — на отца; *на что?* —на столъ, и т. д.

Слова, отвѣчающія на вопросы: *какой, чей, сколько?* называются *опредѣлительными* и означаютъ обыкновенно отличенія или признаки предметовъ. Слова, означающія отличенія или признаки дѣйствія, называются *обстоятельственными*.

Н.

СТАТЬИ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЙ ПО ПОВОДУ 4-Й БЕСѢДЫ:

Пословицы и поговорки.

I (*).

Богъ труды любитъ. Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ. Лѣнь добра не дѣлаетъ. Кого кто любитъ, тотъ того и

(*) Для упражненія въ отличеніи *дополненій*.

слушаетъ. Денежка любитъ счетъ. Не мѣсто краситъ человѣка, а *человѣка мѣсто* (*). Отъ поклона голова не заболитъ. Кто въ нуждѣ не бывалъ, тотъ ея не видалъ. Нужда научитъ Богу молиться. *Куй желѣзо*, пока *горячо*. Фунтъ пуду долженъ уступить. Долгъ платежемъ красенъ. *Засыпь правду золотомъ*, а она выплыветъ. Правда глаза колетъ. Не красна изба углами, а *красна пирогами*. *Хлѣбъ соль пышь*, а *правду рѣжь*. *Не доглядишь окомъ*, *заплатишь бокомъ*. Слухомъ земля полнится. Рука руку моетъ, и обѣ чисты. Здоровому врачъ не надобенъ. Боль врача ищетъ. Не велička капля, а *камень долбитъ*. Тотъ не унываетъ, кто на Бога уповаетъ. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. *На Бога надѣйся*, а самъ не плошай. *За Богомъ молитва*, а за царемъ служба не пропадаетъ.

II (**).

Корень ученья горекъ, да плодъ его сладокъ. Дающая рука не оскудѣетъ. Кто вчера солгалъ, *тому и завтра не повѣрятъ* (*). Новая метла чисто мететъ. Совѣсть добрая гласъ Божій. Рано пташечка запѣла, какъ-бы кошечка не съѣла. Не великъ сверчокъ, да *громко поетъ*. И пѣтухъ храбрится на своемъ пепелищѣ. Глаза зеркало души. *Не подслушивай у дверей*, сквозной вѣтеръ надуетъ. Не ровны пальцы на рукѣ, а *живутъ безъ спѣси*. Тѣ-же шти стоятъ, да не тѣ-же глаза глядятъ. Языкъ до Кіева доведетъ. *Моя хата съ краю*. *Не въ свои сани не садись*. Широкая рѣка плыветъ, плыветъ, а малый ручеекъ журчитъ, журчитъ. Послѣ ненастья бываетъ вёдро. *Не хвались*, а *прежде Богу помолись*.

III (***).

Праздный живетъ, только небо коптитъ. Маленькое дѣло лучше большого бездѣлья. Любовь братская лучше каменныхъ стѣнъ. Берегись козла спереди, лошади сзади, а лихого

(*) Въ предложеніяхъ, напечатанныхъ курсивомъ, подразумѣвается подлежащее или сказуемое.

(**) Для упражненія въ отличеніи *опредѣленій* и *обстоятельствъ*.

(***) Для упражненія въ отличеніи всѣхъ *второстепенныхъ* членовъ предложенія и во всемъ, что было предметомъ предъидущихъ бесѣдъ.

человѣка со всѣхъ сторонъ. Кто отца и матери не слушаетъ, тотъ послушаетъ телячьей кожи. Одинъ рабъ двумъ господамъ не служитъ. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. За честное обхожденье всегда получишь почтенье. Готовь лѣтомъ сани, а зимою телѣгу. Людскихъ рѣчей не переслушаешь. Москва людна и хлѣбна. Новыхъ друзей наживай, а старыхъ не забывай. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Скупой богачъ бѣднѣе нищаго. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Гласъ народа—гласъ Божій. Всякое дѣло мастера боится. Пряди всякъ свою пряжу. Зяблыя сѣмена всегда поздно всходятъ. Одна паршивая овца все стадо портитъ. Завидливые глазки все съѣсть хотятъ. Людское сердце не лукошко, не прорѣжешь въ немъ окошка. Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Пуганная ворона куста боится. Въ лѣсъ дровъ не возятъ, въ колодезь воду не льютъ.

Огородъ.

Расчищенная дорожка скоро вывела насъ изъ липовой рощи; мы вошли въ огородъ. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрѣли круглые, блѣдно-зеленые кочаны капусты, хмѣль винтами обвивалъ высокія тычинки; тѣсно торчали на грядахъ бурые прутья, перепутанные засохшимъ горохомъ; большія, плоскія тыквы словно валялись на землѣ? огурцы желтѣли изъ-подъ запыленныхъ угловатыхъ листьевъ; вдоль плетня качалась высокая крапива; въ двухъ или трехъ мѣстахъ кучами росли татарская жимолость, бузина, шиповникъ. Возлѣ небольшой сажалки, наполненной красноватой слизистой водой, виднѣлся колодезь, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли въ этихъ лужицахъ; собака, дрожа всѣмъ тѣломъ и жмурясь, грызла кость на полянѣ; пѣгая корова тутъ же лѣниво щипала траву, изрѣдка закидывая хвостъ на худую спину. Дорожка повернула въ сторону; изъ-за толстыхъ ракитъ и березъ глянулъ на насъ старенькій сѣрый домикъ, съ тесовой крышей и кривымъ крылечкомъ.

Тургеневъ.

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ;
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

Никитинъ.

О пользѣ труда въ юности.

Всѣ мы рождаемся для трудовъ, и того уважаемъ болѣе, кто болѣе другихъ трудится. Но никогда трудъ не бываетъ пріятнѣе, какъ въ молодыя лѣта: тогда сердце спокойно,

силы свѣжи, духъ бодръ, умъ неозабоченъ никакими нуждами житейскими, — трудись только да благодари Бога и наставниковъ, что доставляютъ прекрасныя средства къ образованію. Придетъ пора отдыха, труды забудутся —и самъ порадуешься, что молодость провелъ не безъ пользы. Такъ радуется заботливый поселянинъ, когда наполнитъ свои житницы хлѣбомъ, котораго посѣвъ и уборка стоили ему большихъ трудовъ.

Юность издавна называютъ весною жизни, и душу нашу полемъ необработаннымъ: что посѣешь весною, то и пожнешь осенью, что пріобрѣтешь въ юности, тѣмъ и будешь пользоваться въ зрѣломъ возрастѣ; кто не видалъ людей, которые провели молодость въ однѣхъ забавахъ, и не трудились, когда имъ доставляли всѣ средства къ трудамъ благороднымъ и полезнымъ. Жаль смотрѣть на нихъ, когда они являются въ свѣтъ и вступаютъ на поприщѣ службы! Ограниченность ума и скудость въ самыхъ маловажныхъ свѣдѣніяхъ стыдятъ ихъ на каждомъ шагу и не могутъ быть замѣнены ни богатствомъ, ни знатностію происхожденія. Они хотѣли бы начать снова свое образованіе, хотѣли бы неутомимо трудиться, да уже поздно: голова ихъ устарѣла вмѣстѣ съ привычкою къ разсѣянности.

О V бесѣдѣ.

Къ 5-й бесѣдѣ *«почятія о частяхъ рѣчи»* приступать можно только тогда, когда ученики уже хорошо усвоятъ себѣ понятія *о членахъ предложенія* на разборахъ статей, которыя помѣщены при бесѣдахъ 2-й, 3-й и 4-й. Особенно рекомендуемъ помѣщенныя тутъ-же *«пословицы и поговорки»*.

Предметомъ 5-й бесѣды могутъ быть *«понятія о частяхъ рѣчи (разрядахъ словъ* [1]*)*: Эти понятія сообщаются ученикамъ въ бесѣдѣ очень нетрудно, если ученики хорошо умѣютъ отличать члены предложенія, т. е. хорошо усвоили себѣ *понятія о частяхъ предложенія*, если хорошо ознакомились въ предъидущихъ бесѣдахъ съ понятіями о *предметѣ*, *признакѣ*, *дѣйствіи*, *обстоятельствахъ* и о *зависимости словъ*.... Такъ-что (мы убѣдились вполнѣ собственными опытами) въ послѣдующихъ бесѣдахъ, не болѣе какъ въ двухъ, учениковъ довольно *легко* можно *хорошо* познакомить съ *падежами* (вмѣстѣ съ предло-

---

[1]) Мы предпочитаемъ это названіе, потому-что, по смыслу, выраженія: *части предложенія* и *части рѣчи*, для учениковъ, совершенно одноз начущи.

гами), и безъ малѣйшаго труда съ отличеніемъ *рода и числа* въ именахъ существительныхъ, а за тѣмъ и съ согласованіемъ прилагательныхъ съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ и главными свойствами глаголовъ. А этимъ, мы полагаемъ, должно заканчивать курсъ 1-го класса гимназіи.

Слѣдственно пятая бесѣда (а можетъ быть 6 и 7), приведетъ къ слѣдующему выводу:

Выводъ изъ пятой бесѣды. *Разряды словъ* (или части рѣчи). Общія и отличительныя *свойства* этихъ разрядовъ: *родъ*, *число*, *падежъ*, *склоненіе* (въ именахъ), и *наклоненіе*, *видъ*, *время*, *лицо*, *число*, *причастіе*, *дѣепричастіе*, *спряженіе* (въ глаголахъ). Разряды словъ *измѣняемые* (знаменательные) и *неизмѣняемые* (служебные).

Изъ многихъ примѣровъ въ предыдущихъ бесѣдахъ было видно, что *подлежащимъ и дополненіемъ* обыкновенно бываетъ *предметъ (имя существительное* или *мѣстоименіе)*, *опредѣленіемъ*—отличеніе или *признакъ предмета* (*имя прилагательное*, *имя числительное* и мѣстоименіе), *сказуемымъ*—*дѣйствіе*, *страданіе*, *состояніе*, *существованіе* (быть) или также признакъ предмета (*глаголъ* и имя прилагательное); *обстоятельствами*—отличенія или *признаки дѣйствія* (*нарѣчіе*); *для соединенія предложеній* служатъ *союзы*, а *для выраженія отношеній* между предметами и предметовъ къ дѣйствію—*предлоги*. Итакъ, всѣ слова могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе *разряды* (или *части рѣчи*): *имя существительное*, *имя прилагательное*, *имя числительное*, *мѣстоименіе*, *глаголъ*, *нарѣчіе*, *предлогъ*, *союзъ* и *междометіе*.

Въ именахъ существительныхъ отличаются слѣдующія свойства: *родъ*, *число*, *падежъ и склоненіе*. *Родъ* въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ узнается *по значенію* (принадлежитъ ли имя мущинѣ или женщинѣ), а въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ *по окончанію*: имена мужескаго рода кончаются на *ъ*, *й*, *ь*, женскаго рода на *а*, *я*, *ь*, средняго на *о*, *е*, *мя*. (Имена: *дитя и чадо* средняго рода.

Число бываетъ двоякое: *единственное* и *множественное*, смотря по тому, объ одномъ, или о нѣсколькихъ предметахъ говорится. *Падежомъ* называется перемѣна окончанія въ имени для выраженія его зависимости, которая узнается по вопросамъ: для *именительнаго* падежа служатъ вопросы *кто*, *что?* для *родительнаго* — *кого*, *чего?* для *дательнаго*—*кому*, *чему?* для *винительнаго*—*кого*, *что?* для *творительнаго*—*кѣмъ*, *чѣмъ?* для *предложнаго*—*комъ*, *чёмъ?* Седьмой падежъ называется *звательнымъ*. Измѣненіе окончанія въ именахъ по всѣмъ падежамъ въ обоихъ числахъ называется *склоненіемъ*.

Прочія имена (прилагательное, числительное, мѣстоименіе), частію и глаголъ *согласуются съ именемъ существительнымъ въ родѣ*, *числѣ и падежѣ*, т. е. принимаютъ сходное съ нимъ окончаніе, которое у прилагательныхъ бываетъ двоякое: *одночленное* (усѣченное) и *двучленнное* (полное). Прилагательное съ двучленнымъ окончаніемъ скло-

няется подобно мѣстоименію 3-го лица (*онъ, она, оно*), а съ одночленнымъ подобно имени существительному.

Глаголъ, служа въ предложеніи *сказуемымъ*, имѣетъ свойство, при которомъ можно отличить всѣ три времени: *настоящее, прошедшее и будущее*. Это свойство называется *наклоненіемъ*, которое бываетъ: *изъявительное, повелительное и сослагательное*. Служа *дополненіемъ*, глаголъ принимаетъ *форму неопредѣленную* (кончится на *ть* и въ немногихъ глаголахъ на *чь* и *ти*), а служа *опредѣленіемъ*, принимаетъ форму прилагательную, которая называется *причастіемъ* (*щій, шій; мый, нный, тый*); форма же, въ которой глаголъ обыкновенно служитъ въ предложеніи *обстоятельствомъ*, называется *дѣепричастіемъ*. Измѣненіе окончанія въ глаголѣ по всѣмъ временамъ и лицамъ въ обоихъ числахъ называется *спряженіемъ*.

Глаголы раздѣляются на *дѣйствительные*, *средніе* и *существительные* (быть, бывать и стать), съ подраздѣленіемъ первыхъ на залоги: *дѣйствительный, страдательный, возвратный* и *взаимный*. Свойство глаголовъ выражать пространство дѣйствія называется *видомъ*. Видовъ глагола два: *несовершенный* (будущее время *сложное*) и *совершенный* (будущее время *простое*).

Нарѣчіе, предлогъ, союзъ и *междометіе* не измѣняютъ вообще своихъ окончаній, а потому и называются *неизмѣняемыми разрядами словъ* (или *служебными частицами*); прочіе же разряды (какіе?) называются *измѣняемыми разрядами словъ* (или *знаменательными*).

Примѣч. Въ заключеніе о бесѣдахъ считаемъ необходимымъ прибавить, что мы вовсе не думаемъ навязывать непремѣнной обязанности преподавателямъ сообщить все, изложенное нами, въ *такомъ-то* именно числѣ бесѣдъ: пусть каждый устроиваетъ ихъ столько, сколько ему угодно. Повторяемъ то, что мы сказали въ самомъ началѣ о бесѣдахъ, въ примѣчаніи.

М. Н.

СТАТЬИ ДЛЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ РАЗБОРѢ, НА ОСНОВАНІИ ВСЕГО ПРОЙДЕННАГО (ВЪ БЕСѢДАХЪ):

Разсѣянность.

Я пришелъ одинъ разъ обѣдать къ Шишковымъ, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Мнѣ сказали, что дядя обѣдаетъ въ гостяхъ, и что онъ одѣвается. Я сѣлъ за столомъ и чрезъ нѣсколько минутъ Александръ Семенычъ вышелъ изъ кабинета во всемъ парадѣ, то есть, въ мундирѣ и въ лентѣ; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «кабы зналъ, что ты придешь,—отказался бы сегодня обѣдать у Бакунинныхъ». Я просіялъ отъ радости, а тетка поучительно и строго возразила: «все пустое; Сергѣй Тимофеичъ обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю, а тебя насилу

дозвались Бакунины; я думаю, ты уже съ годъ у нихъ не обѣдалъ; сего-дня-же старшій сынъ у нихъ именинникъ....» и дядя смиренно побрелъ въ переднюю. Минутъ чрезъ двадцать, только что мы хотѣли встать изъ-за стола, вдругъ является дядя. Всѣ удивились. «Что съ тобой?» спросила тетка.— «Вообразите» отвѣчалъ Александръ Семенычъ: «пріѣзжаю, а они уже почти отобѣдали, и назвали такихъ гостей, съ которыми я даже не кланяюсь: господъ NN и NN.... Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть». Онъ сейчасъ очень проворно переодѣлся и сѣлъ за столъ. Тетка съ дамами, племянниками и молодыми людьми встали, а мы съ К-мъ остались: ѣсть дядѣ рѣшительно было нечего. Между-тѣмъ тетка сейчасъ воротилась изъ гостиной, и—сказавъ мимоходомъ своему супругу: это какой-нибудь вздоръ! никогда у Бакунинхъ не бываютъ NN и NN; и могутъ ли Бакунины позвать съ тобой людей, которые тебя терпѣть не могутъ»—отправилась въ переднюю и начала свои розыски. По слѣдствію оказалось, что дядя, садясь въ карету, вмѣсто Бакунинхъ, приказалъ ѣхать къ В-мъ, у которыхъ онъ никогда не бывалъ. Ничего не замѣчая, онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ оффиціантъ доложилъ ему, что господа почти откушали и скоро встанутъ изъ-за стола. Шишковъ удивился и, проворчавъ: «да какъ-же это, звали меня, да не подождали», спросилъ: «кто здѣсь»? Оффиціантъ назвалъ ему NN и NN. Дядя еще больше удивился и уѣхалъ домой.

С. Аксаковъ.

Осень.

Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужь у двора.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ.
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужь коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей
Трещитъ лучина передъ ней.

А. Пушкинъ

Осень.

Настала осень,—непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лицо природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, охладѣло;
Пространство дали почернѣло;
Нахмурилъ брови бѣлый день;
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.

Кольцовъ.

Наступленіе ночи.

Вотъ ужь солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;

Мраченъ долъ, и мраченъ лѣсъ.
Вотъ и мѣсяцъ величавый
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ.
Съ горъ простерты длинны тѣни;
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны...
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ...
Чу!... полночный часъ звучитъ.

В. Жуковскій.

Спускъ пруда.

На длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ доѣхали мы до мельницы; на плотинѣ дожидались насъ крестьяне съ разными орудіями. Русскій народъ любитъ смотрѣть на движеніе воды, и все населеніе Аксакова сбѣжалось поглядѣть, какъ будутъ спускать прудъ. Заводскихъ вешняковъ съ деревянными запорами у насъ еще не заводилось, и отверстіе въ плотинѣ, то есть, вешнякъ, для спуска полой воды, ежегодно заваливали на-глухо. Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ, и вода едва помѣщалась въ каузѣ. Топорами, пѣшнями и желѣзными лопатами разрубили мерзлую плотину по обоимъ краямъ прошлогодняго вешняка, и едва своротили верхній слой въ аршинъ глубиною, какъ вода хлынула и, не нуждаясь болѣе въ человѣческой помощи, такъ успѣшно принялась за дѣло, что въ полчаса расчистила себѣ дорогу до самаго материка земли. Яростно устремились мутныя волны, и въ одну минуту образовалась сильная рѣка, которая не умѣстилась въ новенькой канавкѣ и затопила окружныя мѣста. Радостными восклицаніями привѣтствовалъ народъ вырвавшуюся на волю изъ зимняго плѣна любимую имъ стихію; особенно кричали и взвизги-

вали женщины,—и все это, мѣшаясь съ шумомъ круто падающей воды, съ трескомъ осѣдающаго и ломающагося льда, представляло полную жизни картину.... и еслибъ не прислали изъ дому сказать, что давно пришла пора обѣдать, то, кажется, мы съ отцомъ простояли бы тутъ до вечера.

С. Аксаковъ.

Рыбная ловля крестьянъ.

На другой день поутру мы опять поѣхали на плотину и нашли уже тамъ другое, также шумное и веселое зрѣлище. Первые бурные порывы воды нѣсколько усмирились, прудъ значительно сбѣжалъ, мелкія глыбы льда разбились о сваи и пронеслись, а большія сѣли на дно по отмелѣвшимъ мѣстамъ. По сухому почти мѣсту, гдѣ текла теперь цѣлая рѣка изъподъ вешняка, были заранѣе вколочены толстые, невысокіе колья; къ этимъ кольямъ, входя по поясъ въ воду, привязывали, или надѣвали на нихъ петлями морды и хвостуши; рыба, которая скатывалась внизъ, увлекаемая стремленіемъ воды, а еще болѣе рыба, поднимавшаяся вверхъ по рѣкѣ до самаго вешняка, сбиваемая назадъ силою падающихъ волнъ—попадала въ морды и хвостуши. То и дѣло, мокрые крестьяне, дрожа отъ холода, но въ то-же время перекидываясь шутками и громкими восклицаніями, вытаскивали на берегъ свою добычу, а бабы, старики, старухи, мальчишки и дѣвчонки таскали ее домой въ лукошкахъ и рѣшетахъ, а иногда просто въ подолахъ своихъ рубашекъ. Выбравъ нѣсколько рыбъ, мы отправились домой.

С. Аксаковъ.

Водяная мельница.

Прудъ наполнялся родниками, и былъ довольно глубокъ; оврагъ перегораживала, запружая воду, широкая навозная плотина; посрединѣ ея стояла мельничная амбарушка; въ ней находился одинъ мукомольный поставъ, который мололъ хорошо только въ полую воду, впрочемъ, не оттого, чтобы мало

было воды въ прудѣ, какъ объяснилъ мнѣ отецъ, а оттого, что вода шла вездѣ сквозь плотину. Эта дрянная мельница показалась мнѣ чудомъ искусства человѣческаго. Прежде всего я увидѣлъ падающую изъ каузной трубы струю воды прямо на водяное колесо, позеленѣвшее отъ мокроты, ворочавшееся довольно медленно, все въ брызгахъ и пѣнѣ; шумъ воды смѣшивался съ какимъ-то другимъ гудѣньемъ и шипѣньемъ. Отецъ показалъ мнѣ деревянный ларь, то есть, ящикъ, широкій вверху и узенькій внизу, какъ я увидалъ послѣ, въ который всыпаютъ хлѣбныя зерна. Потомъ мы сошли внизъ, и я увидѣлъ вертящійся жерновъ и надъ нимъ дрожащій ковшикъ, изъ котораго сыпались зерна; жерновъ, окруженный лубочной обечайкой, превращалъ ихъ въ муку, которая сыпалась внизъ по деревянной лопаточкѣ. Заглянувъ съ боку, я увидѣлъ другое, такъ называемое сухое колесо, которое вертѣлось гораздо скорѣе водяного и, задѣвая какими-то кулаками за шестерню, вертѣло утвержденный на ней камень; амбарушка была наполнена хлѣбной пылью и вся дрожала, даже припрыгивала. Долго находился я въ совершенномъ изумленіи, разглядывая такія чудеса и вспоминая, что я видѣлъ что-то подобное въ дѣтскихъ игрушкахъ; долго простояли мы въ мельничномъ амбарѣ, гдѣ какой-то старикъ, дряхлый и сгорбленный, котораго называли засыпкой, сѣдой и хворый, мололъ всякое хлѣбное ухвостье для посыпки господскимъ лошадямъ: онъ былъ весь бѣлый отъ мучной пыли.

С. Аксаковъ.

Зима въ деревнѣ.

Вотъ пришла наконецъ и зимняя Матрена, поднялась зима на ноги; прилетѣли морозы съ желѣзныхъ горъ. Рѣка стала. Рѣзко зазвучали колеса на колкой, мерзлой дорогѣ, захрустѣли въ колесахъ ледяныя иглы, весело блеснули на солнцѣ длинныя ледяныя сосульки, облѣпившія бахромою окна и кровли избушекъ. Выпалъ первый снѣгъ. Шумною толпой выбѣгаютъ ребятишки на побѣлѣвшую улицу; въ волоковыя окна выглядываютъ сморщенныя лица бабушекъ; крестясь, или радостно

похлопывая рукавицами, показываются изъ-за скрипучихъ воротъ отцы и старые дѣды, такіе-же почти бѣлые, какъ самый снѣгъ, который продолжаетъ валить пушистыми хлопьями. Наступила пора всеобщаго отдыха. Работы рѣшены, ужь обмолотились. Съ трудомъ вызовешь теперь мужика изъ теплой избы, окутанной соломой, припертой жердями и полузанесенной снѣгомъ. Развѣ приведется съѣздить въ сосѣдній лѣсъ за валежникомъ, или нужда велитъ идти съ обозомъ. И снова спѣшитъ онъ въ теплую избу свою. Котко летятъ его пустыя санишки по буграмъ и раскатамъ, нетерпѣливо выглядываетъ онъ изъ-подъ рогожи въ снѣжную даль..... «Прочь съ дороги!» тамъ, сквозь сумерки, уже мелькаетъ огонекъ, привѣтливо подымается витая струя дыма надъ трубнымъ горшечкомъ. Чаще и чаще покрикиваетъ онъ на клячу; но сама кляча уже почуяла стойло и во весь скачь помчалась съ косогора. Сладко вѣдь отдохнуть и порасправить кости послѣ тяжкаго, страднаго лѣта и многозаботной осени!

Григоровичъ.

Катанье съ горъ въ деревнѣ.

Наконецъ переломилась жестокая зима, и унялись трескучіе морозы. У насъ не было тогда термометровъ, и я не могу сказать, до сколька градусовъ достигала стужа; но помню, что птица мерзла, и что мнѣ приносили воробьевъ и галокъ, которые на-лету падали мертвыми и мгновенно коченѣли; нѣкоторымъ теплота возвращала жизнь. Вообще я долженъ замѣтить, что зимы во время моего дѣтства и ранней молодости были гораздо холоднѣе нынѣшнихъ, и это не стариковскій предразсудокъ: въ бытность мою въ К. до начала 1807-го года, два раза замерзала ртуть, и мы ковали ее, какъ разогрѣтое желѣзо. Теперь уже въ К. это сдѣлалось преданіемъ старины.

Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла масляница, и началось катанье съ горъ. Въ общественныхъ катаньяхъ, къ-сожалѣнію моему, мать также не позволяла мнѣ участвовать, и только, катаясь съ сестрицей, а

иногда и съ маленькимъ братцемъ, проѣзжая мимо, съ завистію посматривалъ я на толпу деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые, раскраснѣвшись отъ движенія и холода, смѣло летѣли съ высокой горы, прямо отъ гумна, на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же, какъ и коньки. Шумный говоръ и смѣхъ раздавались въ бодрой, веселой толпѣ, часто одѣтой въ фантастическіе костюмы, особенно, когда летѣли вверхъ ногами наѣздники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какой-нибудь дѣвчонкой, которая начинала визжать задолго до крушенія своего экипажа. Какъ мнѣ хотѣлось туда—въ этотъ шумъ, говоръ и смѣхъ!... и какъ послѣ этого зрѣлища казалось мнѣ скучнымъ уединенное катанье съ ледяной горки, устроенной въ саду передъ окнами гостиной, и только одно меня утѣшало, что моя милая сестрица каталась вмѣстѣ со мной.

С. Аксаковъ.

Дядя и племянникъ.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая, на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудами устилали застывшую землю; всюду чернѣли голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканье зеленой лягушки, стона головастика; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными, косматыми травами. Вдалекѣ ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада; кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися на-встрѣчу галками и, взметнувшись наконецъ яростнымъ шипящимъ вихремъ ударилъ въ тощую грудь осинника.... И мужикъ прерывалъ тогда работу. Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй, Ванюша! ишь куда забрался! того и гляди вѣтромъ снесетъ; ступай на земь!...

—Не замай, дядя Антонъ, откликался парнишка:—не бойсь, не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу. Такъ повторялось неоднократно, пока наконецъ возъ не наполнился до верху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику: его упорное неповиновеніе какъ-бы впервые пришло ему въ голову, онъ не-на-шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! закричалъ онъ, стукая обухомъ топора въ осину;—долго ли говорить тебѣ? слѣзай! вотъ я те, озорника, поартачишься у меня, погоди!...

—А вотъ-же не слѣзу, коли такъ, отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь выше и выше.

—Не слѣзешь!... ладно-же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть-те ѣдятъ волки..., проклятаго....

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка: онъ обхватилъ ручонками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься наземь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

—А бить не станешь? вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

—Ну, ну, слѣзай-знай, слѣзай....

—Взаправду, не станешь?

—Говорятъ, не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно.... ступай только.

Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу, чего еще? Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку: съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ-бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно круглое, свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другою упираясь въ оглоблю. Проколесивши добрый часъ по глинистымъ, кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и, немного погодя, услышали отдаленный шумъ мельницы.

Григоровичъ.

ОТДѢЛЪ IV.

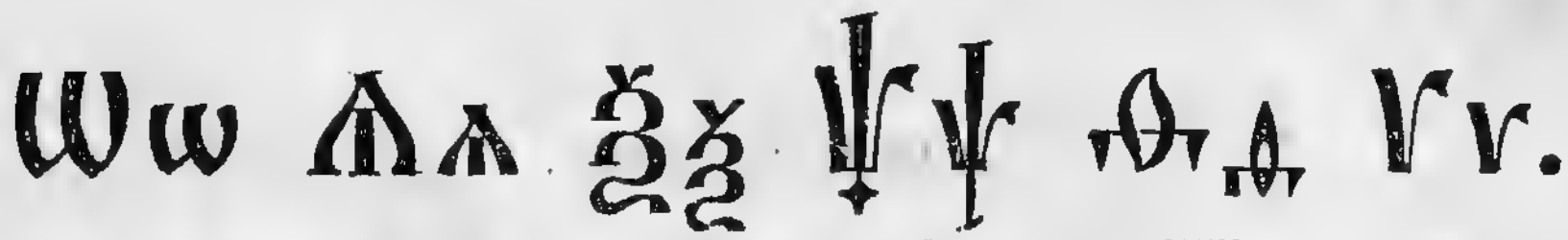
Азъ буки вѣди глаголь добро есть живѣте зѣло
а б в г д е ж з

земля иже і како люди мыслѣте нашъ
з и і к л м н

онъ покой рцы слово твердо укъ у
о п р с т у у

фертъ хѣръ отъ цы червь ша ща
ф х о ц ч ш щ

еръ еры ерь ять ю юсъ я
ъ ы ь ѣ ю у я



о юсъ кси пси ѳита ижица
о я кс пс ѳ v.

Сравните алфавитъ русскій съ славянскимъ; въ которомъ больше буквъ? Какихъ нѣтъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ? Какія буквы, имѣя различныя начертанія, произносятся одинаково?

Въ ново-церковнославянскомъ языкѣ ꙋ заступило мѣсто ѫ (юса большого) и употребляется въ срединѣ и въ концѣ словъ (рꙋкꙋ); въ началѣ же слова ставится ѹ (ѹсе́пе).

ѧ (юсъ малый) и ꙗ произносятся одинаково (я); но ѧ употребляется въ срединѣ и въ концѣ словъ, а ꙗ въ началѣ слова (хотѧше, мѧ, ꙗкѡ).

Ѻ пишется въ началѣ словъ (онъ, огнь).

ѵ произносится между гласными какъ *в* (єѵангелїе, левїтъ), а въ другихъ случаяхъ, какъ *и* (сѵнодъ, мѡѷсей).

Чи́сла церкѡ́вныѧ.

Зная твердо алфавитъ славянскій, весьма просто запомнить численное значеніе каждой буквы, принявъ въ соображеніе слѣдующее: 1) буквы б и ж выпускаются, 2) ѳ означаетъ 9, ҁ҃—90, ц҃—900, ѯ҃—60, ѱ҃—700, ѿ҃—800, и 3) за тѣмъ всѣ буквы алфавита по порядку соотвѣтствуютъ числамъ: (*)

а҃—1, в҃—2, г҃—3, д҃—4, є҃—5, ѕ҃—6, з҃—7, и҃—8, ѳ҃—9, і҃—10.

По этому въ русскомъ языкѣ *и* называется *восмеричнымъ*, а *і десятиричнымъ*.

а҃і-11, в҃і-12, г҃і-13, д҃і-14, є҃і-15, ѕ҃і-16, з҃і-17, и҃і-18, ѳ҃і-19, к҃-20, л҃-30, м҃-40, н҃-50, ѯ҃-60, ѻ҃-70, п҃-80, ҁ҃-90, р҃-100, с҃-200, т҃-300, ѵ҃-400, ф҃-500, х҃-600, ѱ҃-700, ѿ҃-800, ц҃-900, ҂а҃-1000, ҂в҃-2000, ҂г҃-3000, ҂д҃-4000 и т. д.

Прочтите слѣдующія числа: ҂аѿѯ҃ѳ, ҂єф҃и, ҂зто҃з.

(*) Цифра отъ буквы отличается только тѣмъ, что имѣетъ надъ собою знакъ ҃ (а—а, а҃—1).

И́мена знаковъ.

Ѻ҆ѯі́а ́. і҆со ̑. варі́а ̀. камо́ра ̑. кра́ткаѧ ̆. зва́тельцо ̑. ті́тла ҃. словоті́тла ⷭ҃. а҆построфъ ̾. кавы́ка ̆. є҆ро́къ ̆. запѧта́ѧ , двоето́чїе : то́чка . вопроси́тельнаѧ ; ѹ҆диви́тельнаѧ ! вмѣсти́тельнаѧ ( ).

Главныѧ словосокращенїѧ.

А҆гг҃лъ. А҆рха́гг҃лъ. А҆пⷭ҇лъ. Бг҃ъ. Бж҃ество̀. Бцⷣа. бл҃же́нъ. бл҃гослове́нъ. блⷣть. блⷭ҇ть. Влⷣка. Влⷣчца. Воскрⷭ҇нїе. Гдⷭ҇ь. гдⷭ҇ство. гл҃а. Гдⷭ҇рь. Гпⷭ҇ди́нъ. Гпⷭ҇жа̀. Дх҃ъ. Дв҃дъ. дв҃ца. двⷭ҇тво. дш҃а̀. дн҃ь. Є҆тⷭ҇тво̀. Єѵ҃лїе. Є҆пⷭ҇кпъ. І҆и҃ль. І҆и҃съ. І҆ерⷭ҇ли́мъ. Крⷭ҇тъ. крⷭ҇ще́нїе. Крⷭ҇ти́тель. люⷣскі́й. Мрⷣъ. мрⷣсть. млⷭ҇ть. млⷭ҇рдїе, млⷭ҇тынѧ, мл҃тва. мт҃и. Мрі́а, мт҃рь. Мч҃нкъ, мцⷭ҇ъ. млⷣнцъ. Нб҃о. нб҃ный. нн҃ѣ. нш҃ъ. О҆ц҃ъ, о҆ч҃ь. Премрⷣость. прⷭ҇тъ. прⷭ҇то́лъ. прⷣвнъ, прⷣпбенъ. Прⷭ҇ро́къ. Прⷣте́ча, прⷭ҇нѡ. Рж҃тво̀. Ст҃ъ, сл҃нце. срⷣце, стрⷭ҇ть, Ст҃ль. Трⷭ҇ца. трⷭ҇тъ. трⷭ҇то́е. Оу҆чт҃ль. оу҆чн҃къ. оу҆чн҃цы̀. Хрⷭ҇то́съ. Цр҃ь. цр҃ковь. црⷭ҇тво. Чл҃къ. чл҃чь. члчⷭ҇кїй. чⷭ҇ть. чⷭ҇тенъ.

МЛ҃ТВЫ
МОЛИТВЫ.

I.

Во и҆́мѧ О҆ц҃а̀, и҆ Сн҃а и҆ Ст҃а́гѡ Дх҃а, а҆ми́нь.
Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да [1]) будетъ.

Ко Престѣй Трⷭ҇цѣ.
Ко Пресвятой Троицѣ.

Престⷭ҇а́ѧ Трⷭ҇це, поми́лꙋй на́съ: Гдⷭ҇и, ѡ҆чи́сти
Пресвятая Троица помилуй насъ: Господи, очисти [2])
грѣхѝ на́шѧ: Влⷣко, простѝ беззакѡ́нїѧ на́шѧ! Ст҃ы́й,
грѣхи наши! Владыко, прости беззаконія [3]) наши! Святой,
посѣтѝ и҆ и҆сцѣлѝ не́мощи на́шѧ: и҆́мене Твоегѡ̀
посѣти [4]) и исцѣли [5]) недуги [6]) наши, имени Твоего
ра́ди.
ради. [7]).

---

[1]) Пусть. [2]) Сними (отпусти). [3]) Согрѣшенія (преступленія). [4]) Посѣти насъ, какъ врачъ духовный. [5]) Вылечи. [6]) Болѣзни душевныя и тѣлесныя. [7]) Для имени твоего, такъ-какъ ты называешься милосердымъ и Богомъ любви.

Мл҃тва Гд҃нѧ.
Молитва Господня.

Ѻ҆ч҃е на́шъ, и҆́же є҆сѝ на нб҃сѣ́хъ! да
Отче нашъ, который пребываешь на небесахъ! да
ст҃и́тсѧ и҆́мѧ Твоѐ: да прїи́детъ цр҃твїе Твоѐ: да
святится имя Твое; [1]) да пріидетъ (намъ) царство [2]) Твое, да
бꙋ́детъ во́лѧ Твоѧ̀, ꙗ҆́кѡ на нб҃сѝ, и҆ на
будетъ воля Твоя (надъ нами), какъ на небѣ, такъ и на
землѝ. Хлѣ́бъ на́шъ насꙋ́щный да́ждь на́мъ дне́сь, и҆
землѣ. Хлѣбъ нашъ насущный [3]) дай намъ сегодня, и
ѡ҆ста́ви на́мъ до́лги на́шѧ, ꙗ҆́коже и҆ мы̀ ѡ҆став-
оставь [4]) намъ грѣхи наши, такъ-же какъ и мы остав-
лѧ́емъ должникѡ́мъ на́шымъ. И҆ не введѝ на́съ во
ляемъ [5]) должникамъ нашимъ. [6]) И не введи [7]) насъ во
и҆скꙋше́нїе, но и҆зба́ви на́съ ѿ лꙋка́вагѡ. Ꙗ҆́кѡ
искушеніе, [8]) но избавь насъ отъ лукаваго. [9]) Такъ какъ
Твоѐ є҆́сть цр҃тво, и҆ си́ла, и҆ сла́ва во вѣ́ки, а҆ми́нь.
Твое есть царство, и сила и слава во вѣки, да будетъ.

Гд҃и, І҆и҃се Хр҃тѐ.
Господи Іисусе Христе.

Гд҃и, І҆и҃се Хр҃тѐ, Сн҃е Бж҃їй, мл҃твъ ра́ди
Господь (нашъ), Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, молитвы ради [10])
пречⷭ҇тыѧ твоеѧ̀ Мт҃ре и҆ всѣ́хъ ст҃ы́хъ, поми́лꙋй на́съ,
Пречистой Твоей Матери и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ,
а҆ми́нь.
да будетъ.

Ко Ст҃о́мꙋ Дх҃ꙋ.
Ко Святому Духу.

Цр҃ю̀ нб҃ный ᲂу҆тѣ́шителю, Дш҃е и҆́стины, и҆́же вездѣ̀
Царь небесный, утѣшитель, Духъ истины, который вездѣ
сы́й, и҆ всѧ̀ и҆сполнѧ́ѧй, сокро́вище бл҃ги́хъ, и҆
пребываешь [11]) и все исполняешь, [12]) сокровище благъ и

---

[1]) Въ нашихъ сердцахъ. [2]) Царство небесное. [3]) На одни сутки, на сей день. [4]) Прости. [5]) Прощаемъ. [6]) Согрѣшающимъ противъ насъ. [7]) Не допусти къ [8]) Поводъ къ грѣху. [9]) Діавола, какъ виновника всякаго зла и бѣдъ. [10]) По молитвамъ, за молитвы, [11]) Пребываешь (въ Русс. яз. обыкновенно опускается). [12]) Исполняешь (наполняешь).

жи́зни пода́телю, прїидѝ, и҆ всели́сѧ въ ны̀, и҆ ѡ҆чи́сти
жизни податель, приди и вселись [1]) въ насъ и очисти

ны̀ ѿ всѧ́кїѧ скве́рны, и҆ спасѝ, Бл҃же, дꙋ́шы на́шѧ.
насъ отъ всякой нечистоты, [2]) и спаси, Благій [3]) души наши.

Ко Прест҃ѣ́й Бцⷣѣ А҆рха́гг҃лово цѣлова́нїе.
Ко Пресвятой Богородицѣ Архангела [4]) привѣтствіе.

Бг҃оро́дице дв҃о, ра́дꙋйсѧ, бл҃года́тнаѧ Марі́е, Гдⷭ҇ь съ
Богородица, Дѣва, радуйся, благодатная [5]) Марія, Господь съ

Тобо́ю: бл҃гослове́нна Ты̀ въ жена́хъ, и҆ бл҃гослове́нъ
Тобою: благословенна Ты между женщинами, и благословенъ

пло́дъ чре́ва Твоегѡ̀, ꙗ҆́кѡ Спа́са родила̀ є҆сѝ дꙋ́шъ
плодъ утробы Твоей, [6]) потому что Спасителя родила душъ

на́шихъ.
нашихъ.

Пѣ́снь Прест҃ѣ́й Бцⷣѣ.
Пѣснь Пресвятой Богородицѣ.

Досто́йно є҆́сть, ꙗ҆́кѡ вои́стиннꙋ, бл҃жи́ти Тѧ̀ Бцⷣꙋ,
Достойно есть, чтобы воистину ублажать [7]) Тебя Бого-

присноблж҃е́ннꙋю и҆ пренепоро́чнꙋю, и҆ Мт҃рь Бг҃а
родицу, всегда—блаженную [8]) и пренепорочную, и Мать Бога

на́шегѡ. Честнѣ́йшꙋю Херꙋві́мъ и҆ сла́внѣйшꙋю без̾ сра-
нашего, Честнѣйшую Херувимовъ и славнѣйшую несра-

вне́нїѧ Серафі́мъ, без̾ и҆стлѣ́нїѧ Бг҃а Сло́ва ро́ждшꙋю,
вненно Серафимовъ, безъ истлѣнія [9]) Бога Слова [10]) родившую,

сꙋ́щꙋю Бцⷣꙋ Тѧ̀ велича́емъ.
сущую [11]) Богородицу Тебя величаемъ!

Мл҃тва ко ст҃о́мꙋ А҆́гг҃лꙋ Храни́телю.
Молитва къ святому Ангелу Хранителю.

А҆́гг҃ле Бж҃їй, Храни́телю мо́й ст҃ы́й, на соблюде́нїе мнѣ̀
Ангелъ Божій, Хранитель мой святой, для охраненія [12]) мнѣ

ѿ Бг҃а съ небесѐ да́нный, прилѣ́жнѡ молю́ тѧ: ты́ мѧ
отъ Бога съ неба данный, прилежно молю Тебя: ты меня

---

[1]) Живи, поселись. [2]) Нечистоты духовной, т. е. грѣховъ. [3]) Добрый. [4]) Архангелъ Гавріилъ. [5]) Исполненная благодати. [6]) Рожденный Тобою (Сынъ Твой, который родился отъ Тебя). [7]) Величать. [8]) Вѣчно-Блаженную. [9]) Непорочно, дѣвственно. [10]) Сына Божія, Іисуса Христа. [11]) Истинную. [12]) Для моего охраненія.

днéсь просвѣтѝ, и҆ ѿ всѧ́каго ѕла̀ сохранѝ, ко благо́мꙋ
сегодня просвѣти, и отъ всякаго зла сохрани, къ доброму
дѣѧ́нїю наста́ви, и҆ на пꙋ́ть спасе́нїѧ напра́ви.
дѣлу наставь [1]) и на путь спасенія направь. [2])

Мл҃тва ко ст҃о́мꙋ, є҆гѡ́же и҆́мѧ дано̀ во ст҃о́мъ Кр҃ще́нїи.
Молитва къ святому, котораго [3]) имя дано при святомъ Крещеніи.

Молѝ Бг҃а ѡ҆ мнѣ̀, ст҃ы́й ᲂу҆го́дниче Бж҃їй (и҆́мкъ) ꙗ҆́кѡ
Моли Бога о мнѣ, святой угодникъ Божій [4]) такъ какъ
а҆́зъ ᲂу҆се́рднѡ къ тебѣ̀ прибѣга́ю, ско́ромꙋ помо́щникꙋ
я усердно къ тебѣ прибѣгаю, скорому помощнику
и҆ моли́твенникꙋ ѡ҆ дꙋшѝ мое́й.
и молельщику о душѣ моей.

Моли́тва ѡ҆ Царѣ̀.
Молитва о Царѣ. [5])

Спасѝ, Гд҃и, лю́ди Твоѧ̀, и҆ благословѝ достоѧ́нїе Твоѐ,
Спаси, Господи, людей Твоихъ, и благослови достояніе [6]) Твое!
побѣ́ды Бл҃говѣ́рномꙋ І҆МПЕРА́ТОРꙊ на́шемꙋ А҆ЛЕ-
побѣды Благовѣрному ИМПЕРАТОРУ нашему АЛЕ-
ѮА́НДРꙊ НИКОЛА́ЕВИЧꙊ на сопроти́вныѧ да́рꙋѧ, и҆
КСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ на враговъ даруя, и
Твоѐ сохранѧ́ѧ Кр҃то́мъ Твои́мъ жи́тельство.
Твое сохраняя Крестомъ Твоимъ жительство. [7])

Мл҃тва пред̾ трапе́зою [8]).

Гд҃и І҆и҃се Хр҃тѐ Бж҃е на́шъ, бл҃гвѝ на́мъ пи́щꙋ и҆ питїѐ, мл҃твами Пречⷭ҇тыѧ Твоеѧ̀ Мт҃ре, [9]) и҆ всѣ́хъ ст҃ы́хъ твои́хъ, ꙗ҆́кѡ бл҃гослове́нъ є҆сѝ во вѣ́ки, а҆ми́нь.

или

О҆́чи [10]) всѣ́хъ на Тѧ̀, Гд҃и, ᲂу҆пова́ютъ [11]), и҆ Ты

---

[1]) Научи доброму дѣлу. [2]) Укажи мнѣ дорогу къ моему спасенію. [3]) Чье. [4]) и҆́мкъ—имя этого угодника вставьте). [5]) Молитва къ святому Кресту за Царя и отечество. [6]) Весь міръ. [7]) Страну, въ которой живутъ всѣ вѣрующіе въ Бога. [8]) Принятіемъ пищи. [9]) По молитвамъ Пречистой Твоей Матери [10]) Глаза [11]) Надѣются.

да́еши [1]) и҆̀мъ пи́щꙋ во бл҃говре́менїи, [2]) ѿверза́еши [3]) Ты̀ щ҆е́дрꙋю рꙋ́кꙋ Твою̀, и҆ и҆сполня́еши вся́ко живо́тное [4]) бл҃говоле́нїѧ [5]).

Бл҃годаре́нїе по [6]) трапе́зѣ:

Бл҃годари́мъ Тѧ̀, Хрⷭ҇тѐ Бж҃е на́шъ, ꙗ҆̈кѡ [7]) насы́тилъ є҆сѝ [8]) на́съ земны́хъ Твои́хъ бла̑гъ, [9]) не лишѝ на́съ и҆ нбⷭ҇наго Твоегѡ̀ цр҃твїѧ.

Пре́дъ ѹ҆че́нїемъ.

Пребл҃гі́й [10]) Гдⷭ҇и, ниспослѝ [11]) на́мъ бл҃года́ть Дх҃а Твоегѡ̀ Ст҃а́гѡ, да́рствꙋющагѡ [12]) и҆ ѹ҆крѣпля́ющагѡ дꙋше́вныѧ на́ши си̑лы, дабы̀ [13]) внима́ѧ [14]) преподава́емомꙋ на́мъ ѹ҆че́нїю, возраслѝ [15]) мы̀ Тебѣ̀ на́шемꙋ Созда́телю во сла́вꙋ, роди́телѧмъ же на́шымъ на ѹ҆тѣше́нїе, Цр҃кви и҆ Ѻ҆те́чествꙋ на по́льзꙋ.

По́слѣ ѹ҆че́нїѧ.

Бл҃годари́мъ Тебѐ, Созда́телю, [16]) ꙗ҆̈кѡ [17]) сподо́билъ є҆сѝ [18]) на́съ бл҃года́ти Твоеѧ̀, [19]) во є҆̈же [20]) внима́ти [21]) ѹ҆че́нїю. Бл҃гословѝ на́шихъ нача́льникѡвъ, роди́телей и҆ ѹ҆чи́телей, ведꙋ́щихъ на́съ къ позна́нїю бла́га, [22]) и҆ пода́ждь [23]) на́мъ си́лꙋ и҆ крѣ́пость къ продолже́нїю ѹ҆че́нїѧ сегѡ̀.

На ѻ҆̈дръ [24]) возлега́ѧ [25]).

Ѡ҆гради́ мѧ, Гдⷭ҇и, си́лою чⷭ҇тна́гѡ и҆ животворѧ́щагѡ Твоегѡ̀ Крⷭ҇та̀, и҆ тѣ́мъ сохранѝ мѧ̀ ѿ вся́кагѡ ѕла̀.

---

[1]) Даешь. [2]) Въ свое время (когда нужно). [3]) Открываешь [4]) Всякое животное (все что живетъ). [5]) Благосклонности, любви. [6]) Послѣ. [7]) Что. [8]) є҆сѝ въ русскомъ опускается. [9]) Даровъ. [10]) Предобрый, наидобрѣйшій. [11]) Ниспосли, пошли [12]) Дарующаго, дающаго. [13]) Чтобы. [14]) Повинуясь, внимательно слушая. [15]) Выросли. [16]) Тебя, Создатель. [17]) За то, что. [18]) Удостоилъ. [19]) Твоей [20]) Чтобы. [21]) Повиноваться, быть внимательными къ. [22]) Научающихъ насъ добру. [23]) Подай. [24]) Постель. [25]) Ложась.

Оу҆снꙋ́ти [1]) хотѧ́й [2]) глаго́летъ. [3])

Въ рꙋ́цѣ твоѝ, Гдⷭ҇и І҆и҃се Хрⷭ҇тѐ, Бж҃е мо́й, предаю̀ дꙋ́хъ мо́й: [4]) Ты́ же мѧ̀ бл҃гословѝ, Ты́ мѧ поми́лꙋй, и҆ живо́тъ [5]) вѣ́чный да́рꙋй мѝ [6]), а҆ми́нь.

Двѣ̀ гла́вныѧ за́повѣди Бж҃їѧ.

Пе́рваѧ: Возлю́биши [7]) Гдⷭ҇а Бг҃а твоего̀ всѣ́мъ се́рдцемъ твои́мъ, и҆ все́ю дꙋше́ю твое́ю, и҆ все́ю мы́слїю твое́ю.

Втора́ѧ: Возлю́биши бли́жнѧго твоего̀, ꙗ҆́кѡ [8]) са́мъ себѐ [9]).

ДЕСѦТЬ ЗАПОВѢДИ БОЖЇѦ

на двою̀ [10]) скрижа́лехъ [11]) Мѡѷсе́ю пре́данныѧ. [12])

Пе́рваѧ скрижа́ль:

а҃) А҆зъ є҆́смь Гдⷭ҇ь Бг҃ъ тво́й, да не бꙋ́дꙋтъ тебѣ̀ бо́зи [13]) и҆ні́и [14]), ра́звѣ [15]) Менѐ [16]).

в҃) Не сотворѝ [17]) себѣ̀ кꙋмі́ра [18]), и҆ всѧ́каго подо́бїѧ [19]), є҆ли́ка [20]) на нб҃сѝ горѣ̀ [21]), и҆ є҆ли́ка на землѝ ни́зꙋ [22]), и҆ є҆ли́ка въ вода́хъ и҆ под̾ земле́ю да не покло́нишисѧ [23]) и҆̀мъ, ни послꙋ́жиши [24]) и҆̀мъ.

г҃) Не во́змеши [25]) и҆́мене Гдⷭ҇а Бг҃а твоегѡ̀ всꙋ́е [26]).

д҃) По́мни де́нь сꙋббѡ́тный [27]), є҆́же [28]) свѧти́ти є҆го̀: ше́сть дне́й дѣ́лай, [29]) и҆ сотвори́ши [30]) (въ ни́хъ) всѧ̀ [31]) дѣла̀ твоѧ̀; [32]) въ де́нь же седьмы́й, сꙋббѡ́та, Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ̀.

---

[1]) Заснуть. [2]) Хотящій. [3]) Говоритъ. [4]) Мою жизнь. [5]) Жизнь. [6]) Мнѣ. [7]) Люби. [8]) Какъ. [9]) Себя. [10]) На двухъ. [11]) Каменныя доски. [12]) Переданныя. [13]) Боги. [14]) Другіе. [15]) Кромѣ. [16]) Меня. [17]) Дѣлай. [18]) Идолъ. [19]) Изображеній. [20]) Какія. [21]) На небесной высотѣ. [22]) На земной поверхности. [23]) Не поклоняйся. [24]) Не служи (не молись). [25]) Не бери (не призывай). [26]) Напрасно. [27]) Воскресенье. [28]) Чтобы. [29]) Работай. [30]) Исполни. [31]) Всѣ. [32]) Твои.

Втора́ѧ скрижа́ль:

є҃) Чтѝ [1]) ѻ҆ц҃а̀ твоего̀ и҆ ма́терь твою̀, да бла́го тѝ бꙋ́детъ, [2]) и҆ да долголѣ́тенъ бꙋ́деши на землѝ.

ѕ҃) Не ᲂу҆бі́й.

з҃) Не прелю́бы сотворѝ. [3])

и҃) Не ᲂу҆кра́ди.

ѳ҃) Не послꙋ́шествꙋй [4]) на дрꙋ́га твоего̀ свидѣ́тельства [5]) ло́жна [6]).

і҃) Не пожела́й жены̀ и҆скреннѧго твоего̀, [7]) не пожела́й до́мꙋ бли́жнѧгѡ твоегѡ̀, ни села̀ є҆гѡ̀, ни раба̀ є҆гѡ̀, ни рабы́ни є҆гѡ̀, ни вола̀ [8]) є҆гѡ̀, ни ѻ҆сла̀ є҆гѡ̀, ни всѧ́кагѡ скота̀ є҆гѡ̀, ни всегѡ̀, є҆ли́ка [9]) сꙋ́ть [10]) бли́жнѧгѡ твоегѡ̀.

Сѵ҆мво́лъ [11])

правосла́вныѧ вѣ́ры.

Вѣ́рꙋю во є҆ди́наго [12]) Бг҃а Ѻ҆ц҃а̀, Вседержи́телѧ, Творца̀ нб҃ꙋ [13]) и҆ землѝ, ви҆димымъ [14]) же всѣ́мъ [15]) и҆ неви҆димымъ. И҆ во є҆ди́наго Гд҃а І҆и҃са Хр҃та̀, Сн҃а Бж҃їѧ, є҆диноро́днаго, и҆́же ѿ Ѻ҆ц҃а̀ рожде́ннаго пре́жде всѣ́хъ вѣ́къ [16]), Свѣ́та ѿ Свѣ́та, Бг҃а и҆́стинна [17]) ѿ Бг҃а и҆́стинна, рожде́нна, не сотворе́нна, є҆диносꙋ́щна [18]) Ѻ҆ц҃ꙋ̀, И҆́мже всѧ̀ бы́ша. [19]) На́съ ра́ди [20]) чл҃вѣ́къ, [21]) и҆ на́шегѡ ра́ди спасе́нїѧ сше́дшаго съ нб҃съ, и҆ вопло-

---

[1]) Почитай. [2]) Чтобы тебѣ было хорошо. [3]) Храни душевную и тѣлесную чистоту. [4]) Не свидѣтельствуй. [5]) Показаніемъ. [6]) Ложнымъ. [7]) Друга твоего. [8]) Быка. [9]) Что. [10]) Выпускается. [11]) Сокращеніе (краткое, но полное ученіе). [12]) Одного. [13]) Неба. [14]) Видимаго. [15]) Всего. [16]) Вѣковъ. [17]) Истиннаго [18]) Одного существа со Отцомъ. [19]) Которымъ все стало. [20]) Для насъ. [21]) Человѣковъ.

ти́вшагосѧ [1]) ѿ Дх҃а Ст҃а, и҆ Мр҃і́и Дв҃ы, и҆ вочеловѣ́чшасѧ [2]). Распѧ́таго же за ны̀, при Понті́йстѣмъ [3]) Пїла́тѣ, и҆ страда́вша [4]) и҆ погребе́нна. И҆ воскре́сшаго въ тре́тїй де́нь по писа́нїемъ. [5]) И҆ возше́дшаго на небеса̀, и҆ сѣдѧ́ща [6]) ѡ҆деснꙋ́ю [7]) О҆ц҃а̀. И҆ па́ки [8]) грѧдꙋ́щаго [9]) со сла́вою сꙋди́ти живы́мъ и҆ ме́ртвымъ, [10]) є҆го́же [11]) цр҃твїю не бꙋ́детъ конца̀. И҆ въ Дх҃а Ст҃а́го, Гд҃а животворѧ́щаго [12]), И҆́же ѿ О҆ц҃а̀ и҆сходѧ́щаго, И҆́же со О҆ц҃е́мъ и҆ Сн҃омъ споклонѧ́ема и҆ ссла́вима [13]), гл҃авшаго Прр҃о́ки [14]). Во є҆ди́нꙋ, ст҃ꙋ́ю, Собо́рнꙋю и҆ А҆пл҃ьскꙋю Це́рковь. И҆сповѣ́даю [15]) є҆ди́но креще́нїе во ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ́въ. Ча́ю [16]) воскр҃нїѧ ме́ртвыхъ: И҆ жи́зни бꙋ́дꙋщагѡ вѣ́ка, а҆ми́нь.

Мл҃тва оу҆́треннѧѧ.

Ѿ сна̀ воста́въ, [17]) бл҃годарю̀ Тѧ̀, Ст҃а́ѧ Тр҃це, ꙗ҆́кѡ [18]) мно́гїѧ ра́ди Твоеѧ̀ бла́гости [19]) и҆ долготерпѣ́нїѧ не прогнѣ́валсѧ є҆сѝ на мѧ̀ лѣни́ваго и҆ грѣ́шнаго, нижѐ [20]) погꙋби́лъ мѧ̀ є҆сѝ со беззако́нми [21]) мои́ми: но человѣколю́бствовалъ є҆сѝ [22]) о҆бы́чнѡ, [23]) и҆ въ неча́ѧнїи [24]) лежа́щаго воздви́глъ [25]) мѧ̀ є҆сѝ, [26]) во є҆́же [27]) оу҆́треневати [28]) и҆ славосло́вити [29]) держа́вꙋ [30]) Твою̀. И҆ ны́нѣ просвѣтѝ моѝ о҆́чи мы́сленныѧ, [31])

---

[1]) Принявшаго плоть (тѣло). [2]) Содѣлавшагося человѣкомъ. [3]) Понтійскомъ. [4]) Страдавшаго. [5]) Какъ сказано въ Св. Писаніи. [6]) Сидящаго. [7]) По правую сторону. [8]) Опять. [9]) Имѣющаго придти. [10]) Живыхъ и мертвыхъ. [11]) Котораго. [12]) Дающаго жизнь. [13]) Которому воздаютъ одинаковое со Отцомъ и Сыномъ поклоненіе и прославленіе. [14]) Говорившаго чрезъ Пророковъ. [15]) Твердо признаю. [16]) Ожидаю. [17]) Вставши. [18]) Что. [19]) По великой Твоей благости. [20]) Также не (а равно не). [21]) Прегрѣшенія (грѣхи). [22]) Оказалъ человѣколюбіе. [23]) По обыкновенію. [24]) Беззаботность. [25]) Поднялъ. [26]) Меня. [27]) Чтобы [28]) Встать по утру. [29]) Славить. [30]) Власть (господство). [31]) Глаза ума (умъ).

ѿве́рзи моѧ̀ оу҆ста̀ [1] поꙋча́тисѧ [2] словесе́мъ [3] Твои́мъ, и҆ разꙋмѣ́ти [4] за́повѣди Твоѧ̀, и҆ твори́ти [5] во́лю Твою̀ и҆ пѣ́ти Тѧ̀ [6] во и҆сповѣ́данїи серде́чнѣмъ, [7] и҆ воспѣва́ти всест҃о́е и҆́мѧ Твоѐ, Ѻц҃а̀, и҆ С҃на, и҆ С҃та́гѡ Дх҃а, ны́нѣ и҆ при́снѡ, [8] и҆ во вѣ́ки вѣкѡ́въ, а҆ми́нь.

На со́нъ грѧдꙋ́щїй.

Бж҃е вѣ́чный, и҆ Цр҃ю̀ [9] всѧ́кагѡ созда́нїѧ, сподо́бивый [10] мѧ̀ да́же въ ча́съ се́й доспѣ́ти: [11] прости́ ми грѣхѝ, ꙗ҆̀же [12] сотвори́хъ [13] въ се́й де́нь, дѣ́ломъ, сло́вомъ и҆ помышле́нїемъ: и҆ ѡ҆чи́сти Гд҃и, смире́ннꙋю [14] мою̀ дꙋ́шꙋ ѿ всѧ́кїѧ скве́рны пло́ти и҆ дꙋ́ха, [15] и҆ да́ждь мѝ, Гд҃и, въ но́щи [16] се́й со́нъ пре́йтѝ [17] въ ми́рѣ: [18] да [19] воста́въ ѿ смире́ннагѡ мѝ ло́жа, [20] благоꙋгождꙋ̀ [21] прест҃о́мꙋ и҆́мени Твоемꙋ̀, во всѧ̀ днѝ живота̀ моегѡ̀, [22] и҆ поперꙋ̀ [23] бори́щыѧ мѧ̀ врагѝ [24] плотскі́ѧ [25] и҆ безпло́тныѧ: [26] и҆ и҆зба́ви мѧ̀, Гд҃и, ѿ помышле́нїй сꙋ́етныхъ, [27] ѡ҆скверна́ющихъ мѧ̀, и҆ по́хотей [28] лꙋка́выхъ. [29] Ꙗ҆́кѡ [30] твоѐ є҆́сть цр҃тво, си́ла и҆ сла́ва, Ѻц҃а̀ и҆ С҃на, и҆ С҃та́гѡ Дх҃а, ны́нѣ и҆ при́снѡ, и҆ во вѣ́ки вѣкѡ́въ, а҆ми́нь.

---

[1]) Открой мой ротъ. [2]) Научаться [3]) Словомъ. [4]) Понимать. [5]) Исполнять. [6]) Пѣть Тебѣ (прославлять въ молитвахъ). [7]) Въ сердечкомъ признаваніи (Твоего бытія). [8]) Вѣчно, всегда. [9]) Царь. [10]) Сподобившій (удостоившій). [11]) Дожить до этого часа. [12]) Которыя. [13]) Я сдѣлалъ. [14]) Покорную. [15]) Отъ всякихъ нечистотъ (тѣлесныхъ и душевныхъ) [16]) Ночь. [17]) Провести (пройти). [18]) Спокойно. [19]) Чтобы. [20]) Постель [21]) Вполнѣ угодить. [22]) Во всѣ дни моей жизни. [23]) Побѣду одержу (побѣжду). [24]) Одолѣвающихъ меня враговъ. [25]) Тѣлесныхъ. [26]) Безтѣлесныхъ (духовъ). [27]) Безполезныхъ. [28]) Желаній. [29]) Злыхъ (діавольскихъ навожденій [30]) Такъ какъ.

Еѵа́нгелій в҃і свѧты́хъ страсте́й. *)

Еѵ҃лїе а҃. Ѿ Іѡа́нна зача́ло м҃ѕ.

Речѐ Гдь свои́мъ оу҆ченикѡ́мъ: ны́нѣ просла́висѧ Сн҃ъ чл҃вѣ́ческїй, и҆ Бг҃ъ просла́висѧ ѡ҆ не́мъ. А҆́ще Бг҃ъ просла́висѧ ѡ҆ не́мъ, и҆ Бг҃ъ просла́витъ є҆го̀ въ себѣ̀, и҆ а҆́бїе просла́витъ є҆го̀. Ча̑дца, є҆щѐ съ ва́ми ма́лѡ є҆́смь: взы́щете менѐ, и҆ ꙗ҆́коже рѣ́хъ І҆ꙋде́ѡмъ, ꙗ҆́кѡ а҆́може а҆́зъ и҆дꙋ̀, вы̀ не мо́жете прїи́ти, и҆ ва́мъ глаго́лю ны́нѣ. За́повѣдь но́вꙋю даю̀ ва́мъ, да лю́бите дрꙋ́гъ дрꙋ́га: ꙗ҆́коже возлюби́хъ вы̀, да и҆ вы̀ лю́бите себѐ. Ѡ҆ се́мъ разꙋмѣ́ютъ вси̇̀, ꙗ҆́кѡ мои̇̀ оу҆ченицы̀ є҆стѐ, а҆́ще любо́вь и҆́мате междꙋ̀ собо́ю. Глаго́ла є҆мꙋ̀ Сі́мѡнъ Пе́тръ: Гдⷭ҇и, ка́мѡ и҆́деши; ѿвѣща̀ є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: а҆́може а҆́зъ и҆дꙋ̀, не мо́жеши ны́нѣ по мнѣ̀ и҆ти̇̀: послѣди́ же по мнѣ̀ и҆́деши. Глаго́ла є҆мꙋ̀ Пе́тръ: Гдⷭ҇и, почто̀ не могꙋ̀ ны́нѣ по тебѣ̀ и҆ти̇̀; ны́нѣ дꙋ́шꙋ мою̀ за тѧ̀ положꙋ̀. Ѿвѣща̀ є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: дꙋ́шꙋ ли твою̀ за мѧ̀ положи́ши; а҆ми́нь а҆ми́нь глаго́лю тебѣ̀: не возгласи́тъ а҆ле́ктѡръ, до́ндеже ѿве́ржешисѧ менѐ три́щи. Да не смꙋща́етсѧ се́рдце ва́ше: вѣ́рꙋйте въ Бг҃а, и҆ въ мѧ̀ вѣ́рꙋйте. Въ домꙋ̀ О҆ц҃а̀ моегѡ̀ о҆би́тели мнѡ́ги сꙋ́ть: а҆́ще ли же ни̇̀, ре́клъ бы́хъ ва́мъ: И҆дꙋ̀ оу҆гото́вати мѣ́сто ва́мъ. И҆ а҆́ще оу҆гото́влю мѣ́сто ва́мъ, па́ки прїидꙋ̀, и҆ поимꙋ̀ вы̀ къ себѣ̀: да, и҆дѣ́же є҆́смь а҆́зъ, и҆ вы̀ бꙋ́дете. И҆ а҆́може а҆́зъ и҆дꙋ̀, вѣ́сте, и҆ пꙋ́ть вѣ́сте. Гл҃го́ла є҆мꙋ̀ Ѳѡма̀: Гдⷭ҇и, не вѣ́мы, ка́мѡ и҆́деши: и҆ ка́кѡ мо́жемъ пꙋ́ть вѣ́дѣти; Гл҃го́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: а҆́зъ є҆́смь пꙋ́ть, и҆ и҆́стина, и҆ живо́тъ: никто́же прїи́детъ ко О҆цꙋ̀, то́кмѡ мно́ю. А҆́ще мѧ̀ бы́сте зна́ли, и҆ О҆ц҃а̀ моего̀ зна́ли бы́сте оу҆́бѡ: и҆ ѿсе́лѣ позна́сте

*) Читается въ Великій четвергъ на страстной недѣлѣ, во время всенощной.

єго̀, и҆ ви́дѣсте єго̀. Глаго́ла є҆мꙋ̀ Фїлі́ппъ: Гдⷭ҇и, покажи̇̀ на́мъ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ довлѣ́етъ на́мъ. Глаго́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: толи́ко вре́мѧ съ ва́ми є҆́смь, и҆ не позна́лъ є҆сѝ менѐ, Фїлі́ппе; Ви́дѣвый менѐ, ви́дѣ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ ка́кѡ ты̀ глаго́леши: покажи̇̀ на́мъ Ѻ҆ц҃а̀; Не вѣ́рꙋеши ли, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ во Ѻ҆ц҃ѣ̀, и҆ Ѻ҆ц҃ъ во мнѣ̀ є҆́сть; Глаго́лы, ꙗ҆̀же а҆́зъ глаго́лю ва́мъ, ѡ҆ себѣ̀ не глаго́лю: Ѻ҆ц҃ъ же во мнѣ̀ пребыва́ѧй, то́й твори́тъ дѣла̀. Вѣ́рꙋйте мнѣ̀, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ во Ѻ҆ц҃ѣ̀, и҆ Ѻ҆ц҃ъ во мнѣ̀: а҆́ще ли же ни̇̀, за та̀ дѣла̀ вѣ́рꙋ и҆ми́те ми̇̀. А҆ми́нь а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ: вѣ́рꙋѧй въ мѧ̀, дѣла̀, ꙗ҆̀же а҆́зъ творю̀, и҆ то́й сотвори́тъ, и҆ бѡ́льша си́хъ сотвори́тъ: ꙗ҆́кѡ а҆́зъ ко Ѻ҆ц҃ꙋ̀ моемꙋ̀ грѧдꙋ̀. И҆ є҆́же а҆́ще что̀ про́сите ѿ Ѻ҆ц҃а̀ ѡ҆ и҆́мени мое́мъ, то̀ сотворю̀: да просла́витсѧ Ѻ҆ц҃ъ въ Сн҃ѣ. И҆ а҆́ще чесѡ̀ про́сите во и҆́мѧ моѐ, а҆́зъ сотворю̀. А҆́ще лю́бите мѧ̀, за́пѡвѣди моѧ̀ соблюди́те. И҆ а҆́зъ ᲂу҆молю̀ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ и҆но́го Оу҆тѣ́шителѧ да́стъ ва́мъ, да бꙋ́детъ съ ва́ми въ вѣ́къ, Дх҃ъ и҆́стины, є҆гѡ́же мі́ръ не мо́жетъ прїѧ́ти, ꙗ҆́кѡ не ви́дитъ є҆гѡ̀, нижѐ зна́етъ є҆гѡ̀: вы́ же зна́ете є҆го̀, ꙗ҆́кѡ въ ва́съ пребыва́етъ, и҆ въ ва́съ бꙋ́детъ. Не ѡ҆ста́влю ва́съ си́ры: прїидꙋ̀ къ ва́мъ. Є҆щѐ ма́лѡ, и҆ мі́ръ ктомꙋ̀ не ᲂу҆ви́дитъ менѐ, вы́ же ᲂу҆ви́дите мѧ̀, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ живꙋ̀, и҆ вы̀ жи́ви бꙋ́дете въ то́й де́нь ᲂу҆разꙋмѣ́ете вы̀, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ во Ѻ҆ц҃ѣ̀ мое́мъ, и҆ вы̀ во мнѣ̀, и҆ а҆́зъ въ ва́съ. И҆мѣ́ѧй за́пѡвѣди моѧ̀, и҆ соблюда́ѧй и҆̀хъ, то́й є҆́сть любѧ́й мѧ̀: а҆ любѧ́й мѧ̀, возлю́бленъ бꙋ́детъ Ѻ҆ц҃е́мъ мои́мъ: и҆ а҆́зъ возлюблю̀ є҆го̀, и҆ ꙗ҆влю́сѧ є҆мꙋ̀ са́мъ. Гл҃го́ла є҆мꙋ̀ І҆ꙋ́да не І҆скарїѡ́тскїй: Гдⷭ҇и, и҆ что̀ бы́сть, ꙗ҆́кѡ на́мъ хо́щеши ꙗ҆ви́тисѧ, а҆ не мі́рови; Ѿвѣща̀ І҆и҃съ, и҆ речѐ є҆мꙋ̀: а҆́ще кто̀ лю́битъ мѧ̀, сло́во моѐ соблюде́тъ: и҆ Ѻ҆ц҃ъ мо́й возлю́битъ є҆го̀, и҆ къ немꙋ̀ прїи́дема, и҆ ѻ҆би́тель ᲂу҆ негѡ̀ сотвори́ма. Не любѧ́й мѧ̀, слове́съ мои́хъ не соблюда́етъ: и҆ сло́во, є҆́же слы́шасте, нѣ́сть моѐ,

но послáвшагѡ мѧ̀ Ѻ҆ц҃а̀. Сїѧ̀ гл҃гóлахъ вáмъ, въ вáсъ сы́й. Оу҆тѣ́шитель же Дх҃ъ Ст҃ы́й, є҆гóже пóслетъ Ѻ҆ц҃ъ во и҆́мѧ моѐ, тóй вы̀ наꙋ́читъ всемꙋ̀, и҆ воспомѧ́нетъ вáмъ всѧ̀, ꙗ҆̀же рѣ́хъ вáмъ. Ми́ръ ѡ҆ставлѧ́ю вáмъ, ми́ръ мóй даю̀ вáмъ: не ꙗ҆́коже мі́ръ даéтъ, а҆́зъ даю̀ вáмъ. да не смꙋщáетсѧ сéрдце вáше, ни оу҆страшáетъ. Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ рѣ́хъ вáмъ: и҆дꙋ̀ и҆ прїидꙋ̀ къ вáмъ. А҆́ще бы́сте люби́ли мѧ̀, возрáдовалисѧ бы́сте оу҆́бѡ, ꙗ҆́кѡ рѣ́хъ, и҆дꙋ̀ ко Ѻ҆ц҃ꙋ̀: ꙗ҆́кѡ Ѻ҆ц҃ъ мóй бóлїй менѐ є҆́сть. И҆ ны́нѣ рѣ́хъ вáмъ, прéжде дáже не бꙋ́детъ. да є҆гда̀ бꙋ́детъ, вѣ́рꙋ и҆́мете. Ктомꙋ̀ не мнóгѡ глагóлю съ вáми: грѧдéтъ бо сегѡ̀ мі́ра кнѧ́зь, и҆ во мнѣ̀ не и҆́мать ничесѡ́же. Но да разꙋмѣ́етъ мі́ръ, ꙗ҆́кѡ люблю̀ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ ꙗ҆́коже заповѣ́да мнѣ̀ Ѻ҆ц҃ъ, тáкѡ творю̀: востáните, и҆́демъ ѿсю́дꙋ. А҆́зъ є҆́смь лоза̀ и҆́стиннаѧ, и҆ Ѻ҆ц҃ъ мóй дѣ́латель є҆́сть. Всѧ́кꙋ рóзгꙋ ѡ҆ мнѣ̀ не творѧ́щꙋю плода̀, и҆́зметъ ю҆̀: и҆ всѧ́кꙋ творѧ́щꙋю плóдъ, ѡ҆треби́тъ ю҆̀, да мнóжайшїй плóдъ принесéтъ. Оу҆жѐ вы̀ чи́сти є҆стѐ за слóво, є҆́же гл҃ахъ вáмъ. Бꙋ́дите во мнѣ̀, и҆ а҆́зъ въ вáсъ: ꙗ҆́коже розга̀ не мóжетъ плода̀ сотвори́ти ѡ҆ себѣ̀, а҆́ще не бꙋ́детъ на лóзѣ: тáкѡ и҆ вы̀, а҆́ще во мнѣ̀ не пребꙋ́дете. А҆́зъ є҆́смь лоза̀, вы́ же рóждїе. и҆ и҆́же бꙋ́детъ во мнѣ̀, и҆ а҆́зъ въ нéмъ, тóй сотвори́тъ плóдъ мнóгъ: ꙗ҆́кѡ безъ менѐ не мóжете твори́ти ничесѡ́же. А҆́ще кто̀ во мнѣ̀ не пребꙋ́детъ, и҆звéржетсѧ вóнъ, ꙗ҆́коже розга̀, и҆ и҆зсы́шетъ, и҆ собирáютъ ю҆̀, и҆ во ѻ҆́гнь влагáютъ, и҆ сгарáетъ. А҆́ще пребꙋ́дете во мнѣ̀, и҆ глагóлы моѝ въ вáсъ пребꙋ́дꙋтъ: є҆мꙋ́же а҆́ще хóщете, проси́те, и҆ бꙋ́детъ вáмъ. Ѡ҆ сéмъ прослáвисѧ Ѻ҆ц҃ъ мóй, да плóдъ мнóгъ сотворитѐ и҆ бꙋ́дете моѝ оу҆чн҃цы̀. ꙗ҆́коже возлюбѝ мѧ̀ Ѻ҆ц҃ъ, и҆ а҆́зъ возлюби́хъ вáсъ: бꙋ́дите въ любвѝ моéй. А҆́ще зáпѡвѣди моѧ̀ соблю̀дéте, пребꙋ́дете въ любвѝ моéй: ꙗ҆́коже а҆́зъ зáпѡвѣди Ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀

соблюдо́хъ, и҆ пребыва́ю въ є҆гѡ̀ любви̇̀. Сїѧ̑ гл҃го́лахъ ва́мъ, да ра́дость моѧ̀ въ ва́съ бꙋ́детъ, и҆ ра́дость ва́ша и҆спо́лнитсѧ. Сїѧ̀ є҆́сть за́повѣдь моѧ̀, да лю́бите дрꙋ́гъ дрꙋ́га, ꙗ҆́коже возлюби́хъ вы̀. Бо́льши сеѧ̀ любве̇̀ никто́же и҆́мать, да кто̀ дꙋ́шꙋ свою̀ положи́тъ за дрꙋ́ги своѧ̀. Вы̀ дрꙋ́зи мои̇̀ є҆сте̇̀, а҆́ще творите̇̀, є҆ли̇̀ка а҆́зъ заповѣ́даю ва́мъ. Не ктомꙋ̀ ва́съ глаго́лю рабы̀, ꙗ҆́кѡ ра́бъ не вѣ́сть, что̀ твори́тъ госпо́дь є҆гѡ̀: ва́съ же реко́хъ дрꙋ́ги, ꙗ҆́кѡ всѧ̑, ꙗ҆̀же слы́шахъ ѿ О҆ц҃а̀ моегѡ̀, сказа́хъ ва́мъ. Не вы̀ мене̇̀ и҆збра́сте, но а҆́зъ и҆збра́хъ ва́съ, и҆ положи́хъ: да вы̀ и҆́дете, и҆ пло́дъ принесе́те, и҆ пло́дъ ва́шъ пребꙋ́детъ: да, є҆гѡ́ же а҆́ще про́сите ѿ О҆ц҃а̀ во и҆́мѧ мое̇̀, да́стъ ва́мъ. Сїѧ̑ заповѣ́даю ва́мъ, да лю́бите дрꙋ́гъ дрꙋ́га. А҆́ще мі́ръ ва́съ ненави́дитъ, вѣ́дите, ꙗ҆́кѡ мене̇̀ пре́жде ва́съ возненави́дѣ. А҆́ще ѿ мі́ра бы́сте бы́ли, мі́ръ ᲂу҆̀бо свое̇̀ люби́лъ бы: ꙗ҆́коже ѿ мі́ра нѣ́сте, но а҆́зъ и҆збра́хъ вы̀ ѿ мі́ра, сегѡ̀ ра́ди ненави́дитъ ва́съ мі́ръ. Помина́йте сло́во, є҆́же а҆́зъ рѣ́хъ ва́мъ: нѣ́сть ра́бъ бо́лїй го́спода своегѡ̀: а҆́ще мене̇̀ и҆згна́ша, и҆ ва́съ и҆зженꙋ́тъ: а҆́ще сло́во мое̇̀ соблюдо́ша, и҆ ва́ше соблюдꙋ́тъ. Но сїѧ̑ всѧ̑ творѧ́тъ ва́мъ за и҆́мѧ мое̇̀, ꙗ҆́кѡ не вѣ́дѧтъ посла́вшаго мѧ̀. А҆́ще не бы́хъ прише́лъ, и҆ глаго́лалъ и҆̀мъ, грѣха̀ не бы́ша и҆мѣ́ли: ны́нѣ же вины̀ не и҆́мꙋтъ ѡ҆ грѣсѣ̀ свое́мъ. Ненави́дѧй мене̇̀, и҆ О҆ц҃а̀ моего̀ ненави́дитъ. А҆́ще дѣ́лъ не бы́хъ сотвори́лъ въ ни́хъ, и҆̀хже и҆́нъ никто́же сотвори̇̀, грѣха̀ не бы́ша и҆мѣ́ли: ны́нѣ же и҆ ви́дѣша, и҆ возненави́дѣша мене̇̀, и҆ О҆ц҃а̀ моего̀. Но да сбꙋ́детсѧ сло́во пи́санное въ зако́нѣ и҆́хъ, ꙗ҆́кѡ возненави́дѣша мѧ̀ тꙋ́не. Є҆гда́ же прїи́детъ Оу҆тѣ́шитель, є҆го́же а҆́зъ послю̀ ва́мъ ѿ О҆ц҃а̀, Дх҃ъ и҆́стины, и҆́же ѿ О҆ц҃а̀ и҆схо́дитъ, то́й свидѣ́тельствꙋетъ ѡ҆ мнѣ̀. И҆ вы́ же свидѣ́тельствꙋете, ꙗ҆́кѡ и҆скони̇̀ со мно́ю є҆сте̇̀. Сїѧ̑ гл҃ахъ ва́мъ, да не соблазните́сѧ. Ѿ со́нмищъ

и҃жденѹ́тъ вы҆. Но прїи́детъ ча́съ, да всѧ́къ, и҃же оу҆бїе́тъ вы҆, возмни́тсѧ слѹ́жбѹ приноси́ти Бг҃ѹ. И҆ сїѧ̀ сотворѧ́тъ и҃ко не познаша́ О҆ц҃а̀, ни менѐ. Но сїѧ̀ гла́хъ ва́мъ, да є҆гда̀ прїи́детъ ча́съ, воспомѧ́нете сѐ, и҃ко а҃зъ рє́хъ ва́мъ: си́хъ же ва́мъ и҆спе́рва не рє́хъ, и҃ко съ ва́ми бѣ́хъ. Нын҃ѣ же и҆дѹ̀ къ послА́вшемѹ мѧ̀, и҆ никто́же ѿ ва́съ вопроша́етъ менѐ: ка́мѡ и҆деши҆; Но, и҃ко сїѧ̀ гла́хъ ва́мъ, ско́рби и҆спо́лнихъ сердца̀ ва҃ша. Но а҃зъ и҃стинѹ̀ ва́мъ глю҆: оу҆не є҆́сть ва́мъ, да а҃зъ и҆дѹ̀: а҃ще бо не и҆дѹ̀ а҃зъ, Оу҆тѣ́шитель не прїи́детъ къ ва́мъ: а҃ще ли же и҆дѹ̀, послю̀ є҆го̀ къ ва́мъ. И҆ пришє́дъ о҃нъ, ѡ҃бличи́тъ мі́ръ ѡ҃ грѣсѣ̀ и҆ ѡ҃ пра́вдѣ и҆ ѡ҃ сѹ́дѣ. ѡ҃ грѣсѣ̀ оу҆́бѡ, и҃ко не вѣ́рѹютъ къ мѧ̀. ѡ҃ пра́вдѣ же, и҃ко ко О҆ц҃ѹ̀ моемѹ̀ и҆дѹ̀, и҆ кто́мѹ не ви́дите менѐ. ѡ҃ сѹ́дѣ же, и҃ко кня́зь мі́ра сегѡ̀ ѡ҃сѹ́жденъ бы҆сть. Є҆щє̀ мно́гѡ и҃мамъ гла́ти ва́мъ, но не мо́жете носи́ти ны́нѣ. Є҆гда́ же прїи́детъ о҃нъ, Дх҃ъ и҃стины, наста́витъ вы҆ на всѧ́кѹ и҃стинѹ̀: не ѿ себе́ бо глаго́лати и҃мать, но є҆ли́ка а҃ще оу҆слы́шитъ, глаго́лати и҃мать, и҆ гряды́щаѧ возвѣ́ститъ ва́мъ. О҃нъ мѧ̀ просла́витъ, и҃ко ѿ моегѡ̀ прїи́метъ, и҆ возвѣ́ститъ ва́мъ. Всѧ̀, є҆ли́ка и҃мать О҆ц҃ъ, моѧ̀ сѹ́ть. сегѡ̀ ра́ди рє́хъ: и҃ко ѿ моегѡ̀ прїи́метъ, и҆ возвѣ́ститъ ва́мъ. Вма́лѣ, и҆ кто́мѹ не ви́дите менѐ: и҆ па́ки вма́лѣ, и҆ оу҆́зрите мѧ̀: и҃ко и҆дѹ̀ ко О҆ц҃ѹ̀. Рє́ша же ѿ оу҆ч҃е́никъ є҆гѡ̀ къ себѣ̀: что́ є҆́сть сїѐ, е҆́же гла́голетъ на́мъ: вма́лѣ, и҆ не ви́дите менѐ: и҆ па́ки вма́лѣ, и҆ оу҆́зрите мѧ̀: и҆ и҃ко а҃зъ и҆дѹ̀ ко О҆ц҃ѹ̀; Глаго́лахѹ̀ оу҆́бо: что̀ сїѐ є҆́сть, е҆́же глаго́летъ, вма́лѣ; не вѣ́мы, что̀ гла́голетъ. Разѹ́мѣ же І҃и҃съ, и҃ко хотѧ́хѹ̀ є҆го̀ вопроша́ти, и҆ речѐ и҃мъ: ѡ҃ се́мъ ли стѧза́етесѧ между̀ собо́ю, и҃ко рє́хъ: вма́лѣ, и҆ не ви́дите менѐ: и҆ па́ки вма́лѣ, и҆ оу҆́зрите мѧ̀; А҆ми́нь а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ, и҃ко восплА́четесѧ и҆ возры́да́ете вы҆, а҆ мі́ръ возра́дѹетсѧ: вы҆ же печа́ли

бꙋ́дете, но печа́ль ва́ша въ ра́дость бꙋ́детъ. Жена̀ є҆гда раждаетъ, ско́рбь и҆́мать, ꙗ҆́кѡ прїи́де го́дъ є҆ѧ̀: є҆гда́ же роди́тъ ѻ҆троча̀, ктомꙋ̀ не по́мнитъ ско́рби за ра́дость, ꙗ҆́кѡ роди́сѧ человѣ́къ въ мі́ръ. И҆ вы́ же печа́ль и҆́мате ᲂу҆́бѡ ны́нѣ: па́ки же ᲂу҆зрю̀ вы̀, и҆ возра́дꙋетсѧ се́рдце ва́ше, и҆ ра́дости ва́шеѧ никто́же во́зметъ ѿ ва́съ: И҆ въ то́й де́нь менѐ не воспро́сите ничесѡ́же. А҆ми́нь а҆ми́нь глаго́лю ва́мъ, ꙗ҆́кѡ є҆ли́ка а҆́ще чесѡ̀ про́сите ѿ Ѻ҆ц҃а̀ во и҆́мѧ моѐ, да́стъ ва́мъ. Досе́лѣ не проси́сте ничесѡ́же во и҆́мѧ моѐ: проси́те, и҆ прїи́мете, да ра́дость ва́ша и҆спо́лнена бꙋ́детъ. Сїѧ̀ въ при́тчахъ гл҃ахъ ва́мъ: но прїи́детъ ча́съ, є҆гда̀ ктомꙋ̀ въ при́тчахъ не гл҃ю ва́мъ, но ꙗ҆́вѣ ѡ҆ Ѻ҆ц҃ѣ̀ возвѣщꙋ̀ ва́мъ. Въ то́й де́нь во и҆́мѧ моѐ воспро́сите: и҆ не гл҃ю ва́мъ, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ ᲂу҆молю̀ Ѻ҆ц҃а̀ ѡ҆ ва́съ. Са́мъ бо Ѻ҆ц҃ъ лю́битъ вы̀, ꙗ҆́кѡ вы̀ менѐ возлюби́сте, и҆ вѣ́ровасте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ ѿ Бг҃а и҆зыдо́хъ. И҆зыдо́хъ ѿ Ѻ҆ц҃а̀, и҆ прїидо́хъ въ мі́ръ: и҆ па́ки ѡ҆ставлѧ́ю мі́ръ, и҆ и҆дꙋ̀ ко Ѻ҆ц҃ꙋ̀. Гл҃аша є҆мꙋ̀ ᲂу҆ченицы̀ є҆гѡ̀: сѐ ны́нѣ не ѡ҆бинꙋ́ѧсѧ глаго́леши; а҆ при́тчи никоеѧ́же не гл҃еши. Ны́нѣ вѣ́мы, ꙗ҆́кѡ вѣ́си всѧ̀, и҆ не тре́бꙋеши, да кто̀ тѧ̀ вопроша́етъ: ѡ҆ се́мъ вѣ́рꙋемъ, ꙗ҆́кѡ ѿ Бг҃а и҆зше́лъ є҆сѝ. Ѿвѣща̀ и҆̀мъ І҆и҃съ: ны́нѣ ли вѣ́рꙋете; Сѐ грѧде́тъ ча́съ, и҆ ны́нѣ прїи́де, да разы́детесѧ кі́йждо во своѧ̀, и҆ менѐ є҆ди́наго ѡ҆ста́вите: и҆ нѣ́смь є҆ди́нъ, ꙗ҆́кѡ Ѻ҆ц҃ъ со мно́ю є҆́сть. Сїѧ̀ гл҃ахъ ва́мъ, да во мнѣ̀ ми́ръ и҆́мате. въ мі́рѣ ско́рбни бꙋ́дете: но дерза́йте, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ побѣди́хъ мі́ръ. Сїѧ̀ глаго́ла І҆и҃съ, и҆ возведѐ ѻ҆́чи своѝ на нб҃о, и҆ речѐ: Ѻ҆ч҃е, прїи́де ча́съ: просла́ви Сн҃а твоего̀, да и҆ Сн҃ъ тво́й просла́витъ тѧ̀. Ꙗ҆́коже да́лъ є҆сѝ є҆мꙋ̀ вла́сть всѧ́кїѧ пло́ти, да всѧ́ко, є҆́же да́лъ є҆сѝ є҆мꙋ̀, да́стъ и҆̀мъ живо́тъ вѣ́чный. Се́ же є҆́сть живо́тъ вѣ́чный, да зна́ютъ тебѐ є҆ди́наго и҆́стиннаго Бг҃а, и҆ є҆го́же посла́лъ є҆сѝ І҆и҃съ Хр҃та̀. А҆́зъ просла́вихъ

тѧ на земли, дѣло соверши́хъ, є҃же да́лъ є҆сѝ мнѣ̀ да сотворю̀: И҆ нынѣ̀ просла́ви мѧ̀ ты̀ О҆́ч҃е, оу҆̀ тебѐ самогѡ̀ сла́вою, ю҃же и҃мѣ́хъ оу҆̀ тебѐ пре́жде мі́ръ не бы́сть. Я҃ви́хъ и҃ма твоего̀ человѣ́кѡмъ, и҃хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀ ѿ̀ мі́ра: твоѝ бѣ́ша, и҆ мнѣ̀ и҃̀хъ да́лъ є҆сѝ, и҆ сло́во твоѐ сохрани́ша. Нынѣ̀ разумѣ́ша, я҃кѡ всѧ̀, є҆ли́ка да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, ѿ̀ тебѐ сѹ́ть: Я҃кѡ глаго́лы, и҃хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, да́хъ и҃мъ: и҆ ті́и прі́ѧша, и҆ разумѣ́ша вои́стинну, я҃кѡ ѿ̀ тебѐ и҆зыдо́хъ, и҆ вѣ́роваша, я҃кѡ ты̀ мѧ̀ посла́. А҃зъ ѡ҆̀ сі́хъ молю̀, не ѡ҆̀ всѣ́мъ мі́рѣ молю̀, но ѡ҆̀ тѣ́хъ, и҃хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, я҃кѡ твоѝ сѹ́ть. И҆ мо́ѧ всѧ̀ твоѧ̀ сѹ́ть, и҆ твоѧ̀ моѧ̀: и҆ просла́вихсѧ въ ни́хъ. И҆ ктомѹ̀ нѣ́смь въ мі́рѣ, и҆ сі́и въ мі́рѣ сѹ́ть, и҆ а҃зъ къ тебѣ̀ гряду́. О҆́ч҃е ст҃ы́и, соблюдѝ и҃̀хъ во и҃мѧ твоѐ: и҃хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, да бѹ́дѹтъ є҆ди́но я҃кожде и҆ мы̀. Є҆гда́ бѣ́хъ съ ни́ми въ мі́рѣ, а҃зъ соблюда́хъ и҃̀хъ во и҃мѧ твоѐ: и҃хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, сохрани́хъ, и҆ никто́же ѿ̀ ни́хъ погибе́, то́кмѡ сы́нъ погибе́льный, да сбу́детсѧ писа́нїе. Нынѣ̀ же къ тебѣ̀ гряду́, и҆ сі́ѧ глаго́лю въ мі́рѣ, да и҃мѹ́тъ ра́дость мою̀ и҆спо́лнену̀ въ себѣ̀. А҃зъ да́хъ и҃мъ сло́во твоѐ, и҆ мі́ръ возненави́дѣ и҃̀хъ, я҃кѡ не сѹ́ть ѿ̀ мі́ра, я҃кожде и҆ а҃зъ ѿ̀ мі́ра нѣ́смь. Не молю̀, да возмешѝ и҃̀хъ ѿ̀ мі́ра, но да соблюде́ши и҃̀хъ ѿ̀ непрі́язни. С҃ѣ́ мі́ра не сѹ́ть, я҃кожде и҆ а҃зъ ѿ̀ мі́ра нѣ́смь. Свѧтѝ и҃̀хъ во и҃стинѹ твою̀: сло́во твоѐ и҃сти́на е҆́сть. Я҃кожде менѐ посла́лъ є҆сѝ въ мі́ръ, и҆ а҃зъ посла́хъ и҃̀хъ въ мі́ръ. И҆ за ни́хъ а҃зъ свѧщѹ́ себѐ, да и҆ ті́и бѹ́дѹтъ свѧще́ни во и҃стинѹ. Не ѡ҆̀ сі́хъ же молю̀ то́кмѡ, но и҆ ѡ҆̀ вѣ́рующихъ словесѐ и҃̀хъ ра́ди въ мѧ̀. Да всѝ є҆ди́но бѹ́дѹтъ: я҃кожде ты̀ О҆́ч҃е во мнѣ̀, и҆ а҃зъ въ тебѣ̀, да и҆ ті́и въ на́съ є҆ди́но бѹ́дѹтъ: да и҆ мі́ръ вѣ́рѹ и҃мѣ́тъ, я҃кѡ ты̀ мѧ̀ посла́лъ є҆сѝ. И҆ а҃зъ сла́вѹ, ю҃же да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, да́хъ и҃мъ: да бѹ́дѹтъ є҆ди́но, я҃кожде

мы̀ є҆ди́но є҆сма̀. А҆́зъ въ ни́хъ, и҆ ты̀ во мнѣ̀: да бꙋ́дꙋтъ соверше́ни во є҆ди́но, и҆ да разꙋмѣ́етъ мі́ръ, ꙗ҆́кѡ ты́ мѧ посла́лъ є҆сѝ, и҆ возлюби́лъ є҆сѝ и҆̀хъ, ꙗ҆́коже менѐ возлюби́лъ є҆сѝ. О҆́ч҃е, и҆̀хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, хощꙋ̀, да и҆дѣ́же є҆́смь а҆́зъ, и҆ ті́и бꙋ́дꙋтъ со мно́ю: да ви́дѧтъ сла́вꙋ мою̀, ю҆̀же да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, ꙗ҆́кѡ возлюби́лъ мѧ̀ є҆сѝ пре́жде сложе́нїѧ мі́ра. О҆́ч҃е пра́ведный, и҆ мі́ръ тебѐ не позна̀, а҆́зъ же тѧ̀ позна́хъ, и҆ сі́и позна́ша, ꙗ҆́кѡ ты̀ мѧ̀ посла́лъ є҆сѝ: И҆ сказа́хъ и҆̀мъ и҆́мѧ твоѐ, и҆ скажꙋ̀, да любы̀, є҆́юже мѧ̀ є҆сѝ возлюби́лъ, въ ни́хъ бꙋ́детъ, и҆ а҆́зъ въ ни́хъ. И҆ сїѧ̀ ре́къ І҆и҃съ, и҆зы́де со ᲂу҆чени́кѝ свои́ми на ѻ҆́нъ по́лъ пото́ка Ке́дрска, и҆дѣ́же бѣ̀ вертогра́дъ, въ ѻ҆́ньже вни́де са́мъ и҆ ᲂу҆ч҃нцы̀ є҆гѡ̀.

Є҆ѵ҃лїе в҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ І҆ѡа́нна, зача́ло н҃и.

Во вре́мѧ ѻ҆́но, и҆зы́де І҆и҃съ со ᲂу҆чени́кѝ свои́ми на ѻ҆́нъ по́лъ пото́ка Ке́дрска, и҆дѣ́же бѣ̀ вертогра́дъ, въ ѻ҆́ньже вни́де са́мъ и҆ ᲂу҆ч҃нцы̀ є҆гѡ̀. Вѣ́дѧше же І҆ꙋ́да предаѧ́й є҆го̀ мѣ́сто: ꙗ҆́кѡ мно́жицею собира́шесѧ І҆и҃съ тꙋ̀ со ᲂу҆чени́кѝ свои́ми. І҆ꙋ́да ᲂу҆̀бо прїе́мъ спі́рꙋ, и҆ ѿ а҆рхїере́й и҆ фарїсе́й слꙋги̑, прїи́де та́мѡ со свѣти́лы и҆ свѣща́ми и҆ ѻ҆рꙋ́жїи. І҆и҃съ же вѣ́дый всѧ̑ грѧдꙋ́щаѧ на́нь, и҆зше́дъ речѐ и҆̀мъ: когѡ̀ и҆́щете; Ѿвѣща́ша є҆мꙋ̀: І҆и҃са Назѡре́а. глаго́ла и҆̀мъ І҆и҃съ: а҆́зъ є҆́смь. стоѧ́ше же и҆ І҆ꙋ́да, и҆́же предаѧ́ше є҆го̀, съ ни́ми. Да ꙗ҆́коже речѐ и҆̀мъ, а҆́зъ є҆́смь, и҆до́ша вспѧ́ть, и҆ падо́ша на земли̑. Па́ки ᲂу҆̀бо вопросѝ и҆̀хъ І҆и҃съ: когѡ̀ и҆́щете; ѻ҆ни́ же рѣ́ша: І҆и҃са Назѡре́а. Ѿвѣща̀ І҆и҃съ: рѣ́хъ ва́мъ, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь. а҆́ще ᲂу҆̀бо менѐ и҆́щете, ѡ҆ста́вите си́хъ и҆ти̑. Да сбꙋ́детсѧ сло́во, є҆́же речѐ: ꙗ҆́кѡ и҆̀хже да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, не погꙋби́хъ ѿ ни́хъ никогѡ́же. Сі́мѡнъ же Пе́тръ и҆мы́й но́жъ, и҆звлечѐ є҆го̀, и҆ ᲂу҆да́ри а҆рхїере́ова раба̀, и҆ ᲂу҆рѣ́за є҆мꙋ̀ ᲂу҆́хо десно́е: бѣ́ же и҆́мѧ рабꙋ̀ Ма́лхъ. Рече́ же

Іи҃съ Петро́ви: вонзѝ но́жъ въ но́жницꙋ. Ча́шꙋ, ю҆́же дадѐ мнѣ̀ О҆ц҃ъ, не и҆́мамъ ли пи́ти є҆ѧ̀; Спі́ра же и҆ ты́сѧщникъ, и҆ слꙋги̑ Іꙋде́йскїѧ ꙗ҆́ша Іи҃са, и҆ свѧза́ша є҆го̀. И҆ ведо́ша є҆го̀ ко А҆́ннѣ пе́рвѣе: бѣ́ бо те́сть Каїа́фѣ, и҆́же бѣ̀ а҆рхїере́й лѣ́тꙋ томꙋ̀. Бѣ́ же Каїа́фа да́вый совѣ́тъ Іꙋде́ѡмъ, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆́не є҆́сть є҆ди́номꙋ чл҃вѣ́кꙋ ᲂу҆мре́ти за лю́ди. По Іи҃сѣ же и҆дѧ́ше Сі́мѡнъ Пе́тръ, и҆ дрꙋгі́й ᲂу҆чени́къ: ᲂу҆чени́къ же то́й бѣ̀ зна́емь а҆рхїере́ови, и҆ вни́де со Іи҃сомъ во дво́ръ а҆рхїере́овъ. Пе́тръ же стоѧ́ше при две́рехъ внѣ̀, и҆зы́де ᲂу҆́бо ᲂу҆чени́къ то́й, и҆́же бѣ̀ зна́емь а҆рхїере́ови, и҆ речѐ две́рницѣ, и҆ введѐ Петра̀. Глаго́ла же раба̀ две́рница Петровѝ: є҆да̀ и҆ ты̀ ᲂу҆чени́къ є҆сѝ чл҃вѣ́ка сегѡ̀; глаго́ла ѻ҆́нъ: нѣ́смь. Стоѧ́хꙋ же рабѝ и҆ слꙋги̑ ѻ҆́гнь сотво́рше, ꙗ҆́кѡ зима̀ бѣ̀, и҆ грѣ́ѧхꙋсѧ: бѣ́ же съ ни́ми Пе́тръ стоѧ̀ и҆ грѣ́ѧсѧ. А҆рхїере́й же вопросѝ Іи҃са ѡ҆ ᲂу҆ченицѣ́хъ є҆гѡ̀, и҆ ѡ҆ ᲂу҆че́нїи є҆гѡ̀. Ѿвѣща̀ є҆мꙋ̀ Іи҃съ: а҆́зъ не ѡ҆бинꙋ́ѧсѧ гл҃го́лахъ мі́рꙋ: а҆́зъ всегда̀ ᲂу҆ча́хъ на со́нмищихъ, и҆ въ цр҃кви, и҆дѣ́же всегда̀ Іꙋде́є сне́млютсѧ, и҆ та́й не глаго́лахъ ничесѡ́же. Что́ мѧ вопроша́еши; вопросѝ слы́шавшихъ, что̀ глаго́лахъ и҆́мъ: сѐ сі́и вѣ́дѧтъ, ꙗ҆́же рѣ́хъ а҆́зъ. Сїѧ̀ же ре́кшꙋ є҆мꙋ̀, є҆ди́нъ ѿ предстоѧ́щихъ слꙋ́гъ ᲂу҆да́ри въ лани́тꙋ Іи҃са, ре́къ: та́кѡ ли ѿвѣщава́еши а҆рхїере́ови; Ѿвѣща̀ є҆мꙋ̀ Іи҃съ: а҆́ще ѕлѣ̀ глаго́лахъ, свидѣ́тельствꙋй ѡ҆ ѕлѣ̀: а҆́ще ли до́брѣ, что́ мѧ бїе́ши; Посла́ же є҆го̀ А҆́нна свѧ́зана къ Каїа́фѣ а҆рхїере́ови. Бѣ́ же Сі́мѡнъ Пе́тръ стоѧ̀ и҆ грѣ́ѧсѧ. Рѣ́ша же є҆мꙋ̀: є҆да̀ и҆ ты̀ ѿ ᲂу҆чени́къ є҆гѡ̀ є҆сѝ; ѻ҆́нъ же ѿве́ржесѧ, и҆ речѐ: нѣ́смь. Глаго́ла є҆ди́нъ ѿ ра́бъ а҆рхїере́овыхъ, ю҆́жика сы́й, є҆мꙋ́же Пе́тръ ᲂу҆рѣ́за ᲂу҆́хо: не а҆́зъ ли тѧ̀ ви́дѣхъ въ вертогра́дѣ съ ни́мъ; Па́ки ᲂу҆́бѡ Пе́тръ ѿве́ржесѧ: и҆ а҆́бїе пѣ́тель возгласѝ. Ведо́ша же Іи҃са ѿ Каїа́фы въ претѡ́ръ: бѣ́ же ᲂу҆́тро:

и҆ ті́и не внидо́ша въ претѡ́ръ, да не ѡ҆скверня́тсѧ, но да ꙗ҆дѧ́тъ фа́схꙋ.

Є҆ѵ҃лїе г҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Матѳе́а, зача́ло р҃ѳ.

Во вре́мѧ ѻ҆́но, во́ини є҆́мше І҆и҃са ведо́ша къ Каїа́фѣ а҆рхїере́ови, и҆дѣ́же кни́жницы и҆ ста́рцы собра́шасѧ. Пе́тръ же и҆дѧ́ше по не́мъ и҆здале́ча до двора̀ а҆рхїере́ова: и҆ вше́дъ внꙋ́трь сѣдѧ́ше со слꙋга́ми, ви́дѣти кончи́нꙋ. А҆рхїере́є же и҆ ста́рцы, и҆ со́нмъ ве́сь, и҆ска́хꙋ лжесвидѣ́тельства на І҆и҃са, ꙗ҆́кѡ да ᲂу҆бїю́тъ є҆го̀, И҆ не ѡ҆брѣта́хꙋ: и҆ мнѡ́гимъ лжесвидѣ́телємъ пристꙋ́пльшымъ, не ѡ҆брѣто́ша. по́слѣжде же пристꙋпи́вше два̀ лжесвидѣ́телѧ, рѣ́ша: се́й речѐ, могꙋ̀ разори́ти цр҃ковь Бж҃їю, и҆ треми̇̀ де́нми созда́ти ю҆. И҆ воста́въ а҆рхїере́й, речѐ є҆мꙋ̀: ничесѡ́же ли ѿвѣща́ваєши, что̀ сі́и на тѧ̀ свидѣ́тельствꙋютъ; І҆и҃съ же молча́ше. и҆ ѿвѣща́въ а҆рхїере́й, речѐ є҆мꙋ̀: заклина́ю тѧ̀ Бг҃омъ живы́мъ, да рече́ши на́мъ, а҆́ще ты̀ є҆сѝ Хр҃то́съ Сн҃ъ Бж҃їй; Гл҃го́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: ты̀ речѐ. Ѻ҆ба́че гл҃го́лю ва́мъ: ѿсе́лѣ ᲂу҆́зрите Сн҃а чл҃вѣ́ческаго сѣдѧ́ща ѡ҆деснꙋ́ю си́лы, и҆ грѧдꙋ́ща на ѻ҆́блацѣхъ нб҃ныхъ. Тогда̀ а҆рхїере́й растерза̀ ри́зы своѧ̑, глаго́лѧ, ꙗ҆́кѡ хꙋлꙋ̀ глаго́ла: что̀ є҆щѐ тре́бꙋємъ свидѣ́телей; сѐ ны́нѣ слы́шасте хꙋлꙋ̀ є҆гѡ̀. Что̀ сѧ ва́мъ мни́тъ; ѻ҆ни́ же ѿвѣща́вше рѣ́ша: пови́ненъ є҆́сть сме́рти. Тогда̀ заплева́ша лицѐ є҆гѡ̀, и҆ па́кѡсти є҆мꙋ̀ дѣ́ѧхꙋ. Ѻ҆́вїи же за лани́тꙋ ᲂу҆да́риша, глаго́люще: прорцы̀ на́мъ, Хр҃тѐ, кто̀ є҆́сть ᲂу҆даре́й тѧ̀; Пе́тръ же внѣ̀ сѣдѧ́ше во дворѣ̀: и҆ пристꙋпи̇̀ къ немꙋ̀ є҆ди́на рабы́нѧ, гл҃го́люще: и҆ ты̀ бы́лъ є҆сѝ со І҆и҃сомъ Галїле́йскимъ. Ѻ҆́нъ же ѿве́ржесѧ пред̾ всѣ́ми, глаго́лѧ: не вѣ́мъ, что̀ глаго́леши. И҆зше́дшꙋ же є҆мꙋ̀ ко вратѡ́мъ, ᲂу҆зрѣ̀ є҆го̀ дрꙋга́ѧ, и҆ глаго́ла сꙋ́щымъ тꙋ̀: и҆ се́й бѣ̀ со І҆и҃сомъ Назѡре́омъ. И҆ па́ки ѿве́ржесѧ съ клѧ́твою, ꙗ҆́кѡ не зна́ю чл҃вѣ́ка. Пома́лѣ же пристꙋпи́вше

стоѧщїи, рѣша Петрови: воистиннꙋ и ты ѿ нихъ єси: ибо бесѣда твоѧ ꙗвѣ тѧ творитъ. Тогда начатъ ротитисѧ и клѧтисѧ, ꙗкѡ не знаю чл҃вѣка: и абїе пѣтель возгласи. И помѧнꙋ Петръ гл҃ъ Іи҃совъ реченный ємꙋ, ꙗкѡ прежде даже пѣтель не возгласитъ, трикраты ѿвержешисѧ мене: и изшедъ вонъ, плакасѧ горькѡ.

Єѵ҃лїе д҃, ст҃ыхъ стр҃тей, ѿ Іѡанна, зачало н҃д.

Во времѧ оно, ведоша Іи҃са ѿ Каїафы въ Претѡръ: бѣ же оутро: и тіи не внидоша въ Претѡръ, да не ѡсквернѧтсѧ, но да ꙗдѧтъ фасхꙋ. Изыде же Пїлатъ къ нимъ вонъ, и рече: кꙋю рѣчь приносите на чл҃вѣка сего; Ѿвѣщаша и рѣша ємꙋ: аще не бы былъ сей ѕлодѣй, не быхомъ предали єго тебѣ. Рече же имъ Пїлатъ: поимите єго вы, и по законꙋ вашемꙋ сꙋдите ємꙋ. Рѣша же ємꙋ Іꙋдеє: намъ не достоитъ оубити никогѡже: Да слово Іи҃сово сбꙋдетсѧ, єже рече, назнаменꙋѧ коею смертїю хотѧше оумрети. Вниде же паки Пїлатъ въ Претѡръ, и гласи Іи҃са, и рече ємꙋ: ты ли єси Цр҃ь Іꙋдейскъ; Ѿвѣща ємꙋ Іи҃съ: ѡ себѣ ли ты сїе глаголеши, или иніи тебѣ рекоша ѡ мнѣ; Ѿвѣща Пїлатъ: єда азъ Жидовинъ єсмь; родъ твой и архїереє предаша тѧ мнѣ: что єси сотворилъ; Ѿвѣща Іи҃съ: цр҃тво моє нѣсть ѿ міра сегѡ: аще ѿ міра сегѡ было бы цр҃тво моє, слꙋги мои оубѡ подвизалисѧ быша, да не преданъ быхъ былъ Іꙋдеѡмъ: нынѣ же цр҃тво моє нѣсть ѿсюдꙋ. Рече же ємꙋ Пїлатъ: оубо Цр҃ь ли єси ты; Ѿвѣща Іи҃съ: ты глаголеши, ꙗкѡ Цр҃ь єсмь азъ. Азъ на сїє родихсѧ, и на сїє прїидохъ въ міръ, да свидѣтельствꙋю истинꙋ: и всѧкъ, иже єсть ѿ истины, послꙋшаетъ гласа моегѡ. Глагола ємꙋ Пїлатъ: что єсть истина; и сїє рекъ, паки изыде ко Іꙋдеѡмъ, и глагола имъ:

а҆́зъ ниеди́ныѧ вины̀ ѡ҆брѣта́ю въ не́мъ. Є҆́сть же ѻ҆бы́чай ва́мъ, да є҆ди́наго ва́мъ ѿпꙋщꙋ̀ на па́схꙋ: хо́щете ли ᲂу҆́бо, да ѿпꙋщꙋ̀ ва́мъ Цр҃ѧ̀ І҆ꙋде́йска; Возопи́ша же па́ки вси̇̀, глаго́люще: не сего̀, но Вара́ввꙋ: бѣ́ же Вара́вва разбо́йникъ. Тогда̀ ᲂу҆́бѡ Пїла́тъ поѧ́тъ І҆и҃са, и҆ би̇̀ є҆го̀, И҆ во́ини сплє́тше вѣне́цъ ѿ те́рнїѧ, возложи́ша є҆мꙋ̀ на главꙋ̀, и҆ въ ри́зꙋ багрѧ́нꙋ ѡ҆блеко́ша є҆го̀, И҆ глаго́лахꙋ: ра́дꙋйсѧ, Цр҃ю̀ І҆ꙋде́йскїй: и҆ бїѧ́хꙋ є҆го̀ по лани́тома. И҆зы́де же па́ки во́нъ Пїла́тъ и҆ глаго́ла и҆́мъ: се̇̀ и҆звожꙋ̀ є҆го̀ ва́мъ во́нъ, да разꙋмѣ́ете, ꙗ҆́кѡ въ не́мъ ниеди́ныѧ вины̀ ѡ҆брѣта́ю. И҆зы́де же во́нъ І҆и҃съ, носѧ̀ терно́венъ вѣне́цъ и҆ багрѧ́нꙋ ри́зꙋ, и҆ глаго́ла и҆́мъ: се̇̀ чл҃вѣ́къ. Є҆гда́ же ви́дѣша є҆го̀ а҆рхїере́є и҆ слꙋги̇̀, возопи́ша глаго́люще: распни̇̀, распни̇̀ є҆го̀. Глаго́ла и҆́мъ Пїла́тъ: поими́те є҆го̀ вы̀, и҆ распни́те, а҆́зъ бо не ѡ҆брѣта́ю въ не́мъ вины̀. Ѿвѣща́ша є҆мꙋ̀ І҆ꙋде́є: мы̀ зако́нъ и҆́мамы, и҆ по зако́нꙋ на́шемꙋ до́лженъ є҆́сть ᲂу҆мре́ти, ꙗ҆́кѡ себѐ Сн҃а Бж҃їѧ сотвори̇̀. Є҆гда̀ ᲂу҆́бѡ слы́ша Пїла́тъ сїѐ сло́во, па́че ᲂу҆боѧ́сѧ. И҆ вни́де въ Претѡ́ръ па́ки, и҆ глаго́ла І҆и҃сови́: ѿкꙋ́дꙋ є҆си̇̀ ты̀; І҆и҃съ же ѿвѣ́та не дадѐ є҆мꙋ̀. Глаго́ла є҆мꙋ̀ Пїла́тъ: мнѣ́ ли не глаго́леши; не вѣ́си ли, ꙗ҆́кѡ вла́сть и҆́мамъ распѧ́ти тѧ̀, и҆ вла́сть и҆́мамъ пꙋсти́ти тѧ̀; Ѿвѣща̀ І҆и҃съ: не и҆́маши вла́сти ни є҆ди́ныѧ на мнѣ̀, а҆́ще не бы̀ ти̇̀ дано̀ свы́ше: сегѡ̀ ра́ди преда́вый мѧ̀ тебѣ̀ бо́лїй грѣ́хъ и҆́мать. Ѿ сегѡ̀ и҆ска́ше Пїла́тъ пꙋсти́ти є҆го̀. І҆ꙋде́є же вопїѧ́хꙋ, глаго́люще: а҆́ще сего̀ пꙋ́стиши, нѣ́си дрꙋ́гъ Ке́саревъ: всѧ́къ, и҆́же царѧ̀ себѐ твори́тъ, проти́витсѧ Ке́сарю. Пїла́тъ ᲂу҆́бо слы́шавъ сїѐ сло́во, и҆зведѐ во́нъ І҆и҃са, и҆ сѣ́де на сꙋди́щи, на мѣ́стѣ глаго́лемѣмъ Лїѳострѡто́нъ, Є҆вре́йски же, Гавва́ѳа. Бѣ́ же пѧто́къ па́сцѣ, ча́съ же ꙗ҆́кѡ шесты́й: и҆ глаго́ла І҆ꙋде́ѡмъ: се̇̀ Цр҃ь ва́шъ. Ѻ҆ни́ же вопїѧ́хꙋ: возми̇̀, возми̇̀, распни̇̀ є҆го̀. Глаго́ла и҆́мъ

Пїла́тъ: Цр҃ѧ́ ли ва́шего распнꙋ̀; ѿвѣща́ша а҆рхїере́є: не и҆́мамы цр҃ѧ̀, то́кмѡ Ке́сарѧ. Тогда̀ ᲂу҆бо предадѐ є҆го̀ и҆̀мъ, да ра́спнетсѧ.

Є҆ѵ҃лїе є҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Матѳе́а, зача́ло ра҃і.

Во вре́мѧ ѻ҆́но ви́дѣвъ І҆ꙋ́да преда́вый І҆и҃са, ꙗ҆́кѡ ѡ҆сꙋди́ша є҆го̀, раска́ѧвсѧ возвратѝ три́десѧть сре́бреники а҆рхїере́ємъ и҆ ста́рцемъ, глаго́лѧ: согрѣши́хъ, преда́въ кро́вь непови́ннꙋю. Ѻ҆ни́ же рѣ́ша: что̀ є҆́сть на́мъ; ты̀ ᲂу҆́зриши. И҆ пове́ргъ сре́бреники въ цр҃кви, ѿи́де, и҆ ше́дъ ᲂу҆дави́сѧ. А҆рхїере́є же, прїе́мше сре́бреники рѣ́ша: недосто́йно є҆́сть вложи́ти и҆̀хъ въ корва́нꙋ: поне́же цѣна̀ кро́ве є҆́сть. Совѣ́тъ же сотво́рше, кꙋпи́ша и҆́ми село̀ скꙋде́лниче, въ погреба́нїе стра́ннымъ. Тѣ́мже нарече́сѧ село̀ то̀, село̀ кро́ве, до сегѡ̀ днѐ. Тогда̀ сбы́стсѧ рече́нное І҆еремі́емъ прр҃о́комъ, гл҃ющимъ: и҆ прїѧ́ша три́десѧть сре́бреникъ, цѣ́нꙋ цѣне́ннагѡ, є҆го́же цѣни́ша ѿ сынѡ́въ І҆и҃левъ: И҆ да́ша ѧ҆̀ на село̀ скꙋде́лниче, ꙗ҆́коже сказа̀ мнѣ̀ Гдⷭ҇ь. І҆и҃съ же ста̀ пред̾ и҆ге́мѡномъ: и҆ вопроси̇̀ є҆го̀ и҆ге́мѡнъ глаго́лѧ: ты́ ли є҆сѝ Цр҃ь І҆ꙋде́йскїй; І҆и҃съ же речѐ є҆мꙋ̀: ты̀ глаго́леши. И҆ є҆гда̀ на́нь глаго́лахꙋ а҆рхїере́є и҆ ста́рцы, ничесѡ́же ѿвѣщава́ше. Тогда̀ глаго́ла є҆мꙋ̀ Пїла́тъ: не слы́шиши ли, коли́ка на тѧ̀ свидѣ́тельствꙋютъ; И҆ не ѿвѣща̀ є҆мꙋ̀ ни къ є҆ди́номꙋ гл҃ꙋ, ꙗ҆́кѡ диви́тисѧ и҆ге́мѡнꙋ ѕѣлѡ̀. На всѧ́къ же пра́здникъ ѻ҆бы́чай бѣ̀ и҆ге́мѡнꙋ ѿпꙋща́ти є҆ди́наго наро́дꙋ свѧ́знѧ, є҆го́же хотѧ́хꙋ. И҆мѧ́хꙋ же тогда̀ свѧ́зана наро́чита, гл҃го́лемаго Вара́ввꙋ. Собра́вшымсѧ же и҆̀мъ, речѐ и҆̀мъ Пїла́тъ: кого̀ хо́щете (ѿ ѻ҆бою̀) ѿпꙋщꙋ̀ ва́мъ; Вара́ввꙋ ли, и҆лѝ І҆и҃са глаго́лемаго Хр҃та̀; Вѣ́дѧше бо, ꙗ҆́кѡ за́висти ра́ди преда́ша є҆го̀. Сѣдѧ́щꙋ же є҆мꙋ̀ на сꙋди́щи, посла̀ къ немꙋ жена̀ є҆гѡ̀, гл҃ющи: ничто́же тебѣ̀ и҆ пра́веднику томꙋ̀: мно́гѡ бо пострада́хъ дне́сь

во снѣ̀ є҆гѡ̀ ра́ди. А҆рхїере́є же и҆ ста́рцы наꙋсти́ша наро́ды, да и҆спро́сѧтъ Вара́ввꙋ, І҆и҃са же погꙋбѧ́тъ. Ѿвѣща́въ же и҆ге́мѡнъ, речѐ и҆̀мъ: кого̀ хо́щете ѿ ѻ҆бою̀ ѿпꙋщꙋ̀ ва́мъ; ѻ҆ни́ же рѣ́ша: Вара́ввꙋ. Гл҃а и҆̀мъ Пїла́тъ: что̀ ᲂу҆̀бо сотворю̀ І҆и҃сꙋ, глаго́лемомꙋ Хр҃тꙋ̀; глаго́лаша є҆мꙋ̀ всѝ: да ра́спѧтъ бꙋ́детъ. И҆ге́мѡнъ же речѐ: ко́е ᲂу҆̀бо ѕло̀ сотворѝ; ѻ҆ни́ же и҆́злиха вопїѧ́хꙋ, глаго́люще: да про́пѧтъ бꙋ́детъ. Ви́дѣвъ же Пїла́тъ, ꙗ҆́кѡ ничто́же ᲂу҆спѣва́етъ, но па́че молва̀ быва́етъ, прїе́мъ во́дꙋ, ᲂу҆мы̀ рꙋ́цѣ пред̾ наро́домъ, глаго́лѧ: непови́ненъ є҆́смь ѿ кро́ве пра́веднагѡ сегѡ̀: вы̀ ᲂу҆́зрите. И҆ ѿвѣща́вше всѝ лю́дїе рѣ́ша: кро́вь є҆гѡ̀ на на́съ и҆ на ча́дѣхъ на́шихъ. Тогда̀ ѿпꙋстѝ и҆̀мъ Вара́ввꙋ: І҆и҃са же би́въ предадѐ и҆̀мъ, да є҆го̀ про́пнꙋтъ. Тогда̀ во́ини и҆ге́мѡновы, прїе́мше І҆и҃са на сꙋди́ще, собра́ша на́нь всѐ мно́жество вѡ́инъ: И҆ совле́кше є҆го̀, ѡ҆дѣ́ѧша є҆го̀ хламꙋ́дою червле́ною: И҆ спле́тше вѣне́цъ ѿ те́рнїѧ, возложи́ша на главꙋ̀ є҆гѡ̀, и҆ тро́сть въ десни́цꙋ є҆гѡ̀: и҆ покло́ншесѧ на колѣ́нꙋ пред̾ ни́мъ, рꙋга́хꙋсѧ є҆мꙋ̀, глаго́люще: ра́дꙋйсѧ Цр҃ю̀ І҆ꙋде́йскїй: И҆ плю́нꙋвше на́нь, прїѧ́ша тро́сть, и҆ бїѧ́хꙋ по главѣ̀ є҆гѡ̀. И҆ є҆гда̀ порꙋга́шасѧ є҆мꙋ̀, совлеко́ша съ негѡ̀ багрѧни́цꙋ, и҆ ѡ҆блеко́ша є҆го̀ въ ри́зы є҆гѡ̀, и҆ ве́доша є҆го̀ на пропѧ́тїе. И҆сходѧ́ще же ѡ҆брѣто́ша чл҃вѣ́ка Кѵ̑рїне́йска, и҆́менемъ Сі́мѡна: и҆ семꙋ̀ задѣ́ша понестѝ кр҃тъ є҆гѡ̀.

Є҆ѵ҃лїе ѕ҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Ма́рка, зача́ло ѯ҃з.

Во вре́мѧ ѻ҆́но, во́ини ведо́ша І҆и҃са внꙋ́трь двора̀, є҆́же є҆́сть претѡ́ръ, и҆ созва́ша всю̀ спі́рꙋ, И҆ ѡ҆блеко́ша є҆го̀ въ препрѧ́дꙋ, и҆ возложи́ша на него̀ спле́тше терно́въ вѣне́цъ: И҆ нача́ша цѣлова́ти є҆го̀, и҆ гл҃ати: ра́дꙋйсѧ, цр҃ю̀ І҆ꙋде́йскїй. И҆ бїѧ́хꙋ є҆го̀ по главѣ̀ тро́стїю, и҆ плюва́хꙋ на него̀, и҆ прегиба́юще колѣ́на покланѧ́хꙋсѧ є҆мꙋ̀. И҆ є҆гда̀ порꙋга́шасѧ є҆мꙋ̀, совлеко́ша

съ негѡ̀ препрѧ́дꙋ, и҆ ѡ҆блеко́ша є҆го̀ въ ри҆зы своѧ̀: и҆ и҆зведо́ша є҆го̀, да про́пнꙋтъ є҆го̀. И҆ задѣ́ша мимоходѧ́щꙋ нѣ́коемꙋ Сі́мѡнꙋ Кѵ̈ринéю, грѧдꙋ́щꙋ съ села̀, ѻ҆ц҃ꙋ̀ А҆леѯа́ндровꙋ и҆ Рꙋ́фовꙋ, да во́зметъ кр҃тъ є҆гѡ̀. И҆ приведо́ша є҆го̀ на Голго́ѳꙋ мѣ́сто, є҆́же є҆́сть сказа́емо, ло́бное мѣ́сто. И҆ даѧ́хꙋ є҆мꙋ̀ пи́ти є҆смѵ̈рнїсме́но вїно̀: ѻ҆́нъ же не прїѧ́тъ. И҆ распе́ншїи є҆го̀ раздѣли́ша ри҆зы є҆гѡ̀, мета́юще жре́бїй ѡ҆ ни́хъ, кто̀ что̀ во́зметъ. Бѣ́ же ча́съ тре́тїй, и҆ распѧ́ша є҆го̀. И҆ бѣ̀ написа́нїе вины̀ є҆гѡ̀ напи́сано: цр҃ь І҆ꙋде́йскъ. И҆ съ ни́мъ распѧ́ша два̀ разбѡ́йника, є҆ди́наго ѡ҆деснꙋ́ю, и҆ є҆ди́наго ѡ҆шꙋ́юю є҆гѡ̀. И҆ сбы́стсѧ писа́нїе, є҆́же глаго́летъ: и҆ со беззако́нными вмѣни́сѧ. И҆ мимоходѧ́щїи хꙋ́лѧхꙋ є҆го̀, покива́юще глава́ми свои́ми, и҆ гл҃ю́ще: ѹ҆а̀, разорѧ́ѧй цр҃ковь, и҆ треми̇̀ де́нми созида́ѧй: Спаси́сѧ са́мъ, и҆ сни́ди съ кр҃та̀. Та́кожде и҆ а҆рхїере́є рꙋга́ющесѧ, дрꙋ́гъ ко дрꙋ́гꙋ съ кни́жники глаго́лахꙋ: и҆́ны спасѐ, себе́ ли не мо́жетъ спасти̇̀; Хр҃то́съ цр҃ь І҆и҃левъ да сни́детъ ны́нѣ съ кр҃та̀, да ви́димъ и҆ вѣ́рꙋ и҆́мемъ є҆мꙋ̀.

Є҆ѵ҃лїе з҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Матѳе́а, зача́ло рг҃і.

Во вре́мѧ ѻ҆́но прише́дше во́ини на мѣ́сто нарица́емое Голго́ѳа, є҆́же є҆́сть Кра́нїево мѣ́сто, да́ша І҆и҃сꙋ пи́ти ѻ҆́цетъ съ же́лчїю смѣ́шенъ: и҆ вкꙋ́шъ, не хотѧ́ше пи́ти. Распе́ншїи же є҆го̀ раздѣли́ша ри҆зы є҆гѡ̀, ве́ргше жре́бїѧ: И҆ сѣдѧ́ще стрежа́хꙋ є҆го̀ тꙋ̀. И҆ возложи́ша верхꙋ̀ гла́вы є҆гѡ̀ винꙋ̀ є҆гѡ̀ напи́санꙋ: се́й є҆́сть І҆и҃съ Цр҃ь І҆ꙋде́йскїй. Тогда̀ распѧ́ша съ ни́мъ два̀ разбѡ́йника, є҆ди́наго ѡ҆деснꙋ́ю, и҆ є҆ди́наго ѡ҆шꙋ́юю. Мимоходѧ́щїи же хꙋ́лѧхꙋ є҆го̀, покива́юще глава́ми свои́ми, и҆ глаго́люще: разорѧ́ѧй цр҃ковь, и҆ треми̇̀ де́нми созида́ѧй, спаси́сѧ са́мъ: а҆́ще Сн҃ъ є҆сѝ Бж҃їй, сни́ди со Кр҃та̀. Та́кожде же и҆ а҆рхїере́є рꙋга́ющесѧ съ кни́жники и҆ ста́рцы и҆

Фарїсе́и, глаго́лахꙋ: И҆ныѧ спасѐ, себѐ ли не мо́жетъ спастѝ; а҆́ще цр҃ь І҆и҃левъ є҆́сть, да сни́детъ ны́нѣ со кр҃та̀, и҆ вѣ́рꙋемъ въ него̀. Оу҆пова̀ на Бг҃а: да и҆зба́витъ ны́нѣ є҆го̀, а҆́ще хо́щетъ є҆мꙋ̀: рече́ бо, ꙗ҆́кѡ Бж҃їй є҆́смь Сн҃ъ. То́жде же и҆ разбѡ́йника распѧ̑таѧ съ ни́мъ поноша́ста є҆мꙋ̀. Ѿ шеста́гѡ же часа̀ тма̀ бы́сть по все́й земли̇̀, до часа̀ девѧ́тагѡ: Ѡ҆ девѧ́томъ же часѣ̀ возопи̇̀ І҆и҃съ гла́сомъ ве́лїимъ, глаго́лѧ: И҆лі̀, И҆лі̀, лїма̀ савахѳані̀; є҆́же є҆́сть: Бж҃е мо́й, Бж҃е мо́й, вскꙋ́ю мѧ̀ є҆сѝ ѡ҆ста́вилъ; Нѣ́цыи же ѿ тꙋ̀ стоѧ́щихъ слы́шавше, глаго́лахꙋ, ꙗ҆́кѡ И҆лїю̀ глаша́етъ се́й. И҆ а҆́бїе те́къ є҆ди́нъ ѿ ни́хъ, и҆ прїе́мъ гꙋ́бꙋ, и҆спо́лнивъ же ѻ҆́цта, и҆ вонзѐ на тро́сть, напаѧ́ше є҆го̀. Про́чїи же гл҃ахꙋ: ѡ҆ста́ви, да ви́димъ, а҆́ще прїи́детъ И҆лїа̀ спасти̇̀ є҆го̀. І҆и҃съ же па́ки возопи́въ гла́сомъ ве́лїимъ, и҆спꙋсти̇̀ дх҃ъ. И҆ сѐ завѣ́са цр҃ко́внаѧ раздра́сѧ на дво́е съ вы́шнѧгѡ кра́ѧ до ни́жнѧгѡ, и҆ землѧ̀ потрѧсе́сѧ, и҆ ка́менїе распаде́сѧ: И҆ гро́ви ѿверзо́шасѧ: и҆ мнѡ́га тѣлеса̀ оу҆со́пшихъ ст҃ы́хъ воста́ша. И҆ и҆зше́дше и҆з гро́въ по воскр҃се́нїи є҆гѡ̀, внидо́ша во ст҃ы́й гра́дъ, и҆ ꙗ҆ви́шасѧ мнѡ́зѣмъ. Со́тникъ же и҆ и҆́же съ ни́мъ стрегꙋ́щїи І҆и҃са, ви́дѣвше трꙋ́съ и҆ бы́вшаѧ, оу҆боѧ́шасѧ ѕѣлѡ̀, гл҃юще: воистиннꙋ Бж҃їй Сн҃ъ бѣ̀ се́й.

Є҆ѵ҃лїе и҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Лꙋки̇̀, зача́ло ра҃і.

Во вре́мѧ ѻ҆́но ведѧ́хꙋ и҆ и҆́на два̀ ѕлодѣ́ѧ съ ни́мъ [І҆и҃сомъ] оу҆би́ти. И҆ є҆гда̀ прїидо́ша на мѣ́сто, нарица́емое ло́бное, тꙋ̀ распѧ́ша є҆го̀, и҆ ѕлѡдѣ́ѧ, ѻ҆́ваго оу҆́бѡ ѡ҆деснꙋ́ю, а҆ дрꙋга́го ѡ҆шꙋ́юю. І҆и҃съ же глаго́лаше: Ѻ҆́ч҃е, ѿпꙋсти̇̀ и҆́мъ: не вѣ́дѧтъ бо, что̀ творѧ́тъ: раздѣлѧ́юще же ри́зы є҆гѡ̀, мета́хꙋ жре́бїѧ. И҆ стоѧ́хꙋ лю́дїе зрѧ́ще: рꙋга́хꙋсѧ же и҆ кнѧ́зи съ ни́ми, глаго́люще: и҆ныѧ̀ спасѐ, да спасе́тъ и҆ себѐ, а҆́ще то́й є҆́сть Хр҃то́съ Бж҃їй и҆збра́нный. Рꙋга́хꙋсѧ же є҆мꙋ̀ и҆ во́ины, пристꙋпа́юще и҆ ѻ҆́цетъ придѣ́юще є҆мꙋ̀, И҆ глаго́лахꙋ:

а҆́ще ты̀ є҆сѝ Цр҃ь І҆ꙋде́йскъ, спаси́сѧ са́мъ. Бѣ́ же и҆ написа́нїе напи́сано над̾ ни́мъ писмены̀ Є҆́ллинскими и҆ Ри́мскими и҆ Є҆вре́йскими: се́й є҆́сть Цр҃ь І҆ꙋде́йскъ. Є҆ди́нъ же ѿ ѡ҆бѣ́шеною ѕлодѣ́ю хꙋ́лѧше є҆го̀, глаго́лѧ: а҆́ще ты̀ є҆сѝ Хр҃то́съ, спасѝ себѐ и҆ на́ю. Ѿвѣща́въ же дрꙋгі́й, преща́ше є҆мꙋ̀ глаго́лѧ: ни лѝ ты̀ бои́шисѧ Бг҃а, ꙗ҆́кѡ въ то́мже ѡ҆сꙋжде́нъ є҆сѝ; И҆ мы̀ ᲂу҆́бѡ въ пра́вдꙋ: достѡ́йнаѧ бо по дѣлѡ́мъ на́ю воспрїе́млева: се́й же ниеди́нагѡ ѕла̀ сотворѝ. И҆ глаго́лаше І҆и҃сови: помѧни́ мѧ, Гд҃и, є҆гда̀ прїи́деши во цр҃твїи сѝ. И҆ речѐ є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: а҆ми́нь глаго́лю тебѣ̀: дне́сь со мно́ю бꙋ́деши въ раѝ. Бѣ́ же ча́съ ꙗ҆́кѡ шесты́й, и҆ тма̀ бы́сть по все́й землѝ до часа̀ девѧ́тагѡ. И҆ поме́рче со́лнце, и҆ завѣ́са цр҃ко́внаѧ раздра́сѧ посредѣ̀. И҆ возгла́шь гла́сомъ ве́лїимъ І҆и҃съ, речѐ: О҆́ч҃е, въ рꙋ́цѣ твоѝ предаю̀ дх҃ъ мо́й: и҆ сїѧ̀ ре́къ, и҆́здше. Ви́дѣвъ же со́тникъ бы́вшее, просла́ви Бг҃а, глаго́лѧ: вои́стиннꙋ чл҃вѣ́къ се́й пра́веденъ бѣ̀. И҆ всѝ прише́дшїи наро́ди на позо́ръ се́й, ви́дѧще быва̑ющаѧ, бїю́ще пе́рси своѧ̑, возвраща́хꙋсѧ. Стоѧ́хꙋ же всѝ зна́емїи є҆гѡ̀ и҆здале́ча, и҆ жены̀ спослѣ́дствовавшыѧ є҆мꙋ̀ ѿ Галїле́и, зрѧ́ще си́хъ.

Є҆ѵ҃лїе д҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ І҆ѡа́нна, зача́ло ѯ҃а.

Во вре́мѧ о҆́но, стоѧ́хꙋ при Кр҃тѣ̀ І҆и҃совѣ мт҃и є҆гѡ̀, и҆ сестра̀ мт҃ре є҆гѡ̀, Марі́а Клеѡ́пова, и҆ Марі́а Магдали́на. І҆и҃съ же ви́дѣвъ мт҃рь, и҆ ᲂу҆ченика̀ стоѧ́ща, є҆го́же люблѧ́ше, гл҃а мт҃ри свое́й: же́но, сѐ сы́нъ твой. Пото́мъ глаго́ла ᲂу҆ченикꙋ̀: сѐ мт҃и твоѧ̀: и҆ ѿ тогѡ̀ часа̀ поѧ́тъ ю҆ ᲂу҆чени́къ во своѧ́си. Посе́мъ вѣ́дый І҆и҃съ, ꙗ҆́кѡ всѧ̑ ᲂу҆жѐ соверши́шасѧ, да сбꙋ́детсѧ писа́нїе, глаго́ла: жа́ждꙋ. Сосꙋ́дъ же стоѧ́ше по́лнъ о҆́цта: о҆ни́ же и҆спо́лнивше гꙋ́бꙋ о҆́цта, и҆ на тро́сть во́нзше, придѣ́ша ко ᲂу҆стѡ́мъ є҆гѡ̀. Є҆гда́ же прїѧ́тъ о҆́цетъ І҆и҃съ, речѐ: соверши́шасѧ, и҆ преклѡ́нь главꙋ̀, предадѐ дх҃ъ.

Іꙋде́е же, поне́же пѧто́къ бѣ̀, да не ѡ҆ста́нꙋтъ на кр҃тѣ тѣлеса̀ въ сꙋббѡ́тꙋ: бѣ́ бо вели́къ де́нь тоѧ̀ сꙋббѡ́ты, моли́ша Пїла́та, да пребїю́тъ гѡ́лени и҆́хъ, и҆ во́змꙋтъ. Прїидо́ша же во́ини, и҆ пе́рвомꙋ ᲂу҆́бѡ преби́ша гѡ́лени, и҆ дрꙋго́мꙋ распѧ́томꙋ съ ни́мъ. На І҆и҃са же прише́дше, ꙗ҆́кѡ ви́дѣша є҆го̀ ᲂу҆жѐ ᲂу҆ме́рша, не преби́ша є҆мꙋ̀ го́ленїй: Но є҆ди́нъ ѿ вѡ́инъ копїе́мъ ре́бра є҆мꙋ̀ прободѐ, и҆ а҆́бїе и҆зы́де кро́вь и҆ вода̀. И҆ ви́дѣвый свидѣ́тельствова, и҆ и҆́стинно є҆́сть свидѣ́тельство є҆гѡ̀: и҆ то́й вѣ́сть, ꙗ҆́кѡ и҆́стинꙋ гл҃етъ, да вы̀ вѣ́рꙋ и҆́мете. Бы́ша бо сїѧ̑, да сбꙋ́детсѧ писа́нїе: ко́сть не сокрꙋши́тсѧ ѿ негѡ̀. И҆ па́ки дрꙋго́е писа́нїе гл҃го́летъ: воззрѧ́тъ на́нь, є҆го́же прободо́ша.

Є҆ѵ҃лїе і҃, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Ма́рка, зача́ло ѯ҃д.

Во вре́мѧ ѻ҆́но, прїи́де І҆ѡ́сифъ, и҆́же ѿ А҆рїмаѳе́а, благоѻбра́зенъ совѣ́тникъ, и҆́же и҆ то́й бѣ̀ ча́ѧ цр҃твїѧ Бж҃їѧ, дерзнꙋ́въ вни́де къ Пїла́тꙋ, и҆ проси̇̀ тѣ́ло І҆и҃сово. Пїла́тъ же диви́сѧ, а҆́ще ᲂу҆жѐ ᲂу҆́мре: и҆ призва́въ со́тника, вопроси̇̀ є҆го̀: а҆́ще ᲂу҆жѐ ᲂу҆́мре; И҆ ᲂу҆вѣ́дѣвъ ѿ со́тника, дадѐ тѣ́ло І҆ѡ́сифови. И҆ кꙋпи́въ плащани́цꙋ, и҆ сне́мъ є҆го̀, ѡ҆бви́тъ плащани́цею, и҆ положи̇̀ є҆го̀ во гро́бъ, и҆́же бѣ̀ и҆зсѣ́ченъ ѿ ка́мене: и҆ привали̇̀ ка́мень над̾ две́ри гро́ба. Марі́а же Магдали́на, и҆ Марі́а І҆ѡсі́ева, зрѧ́стѣ гдѣ̀ є҆го̀ полага́хꙋ.

Є҆ѵ҃лїе а҃і, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ І҆ѡа́нна, зача́ло ѯ҃в.

Во вре́мѧ ѻ҆́но, моли̇̀ Пїла́та І҆ѡ́сифъ, и҆́же ѿ А҆рїмаѳе́а, сы́й ᲂу҆чени́къ І҆и҃совъ, потае́нъ же стра́ха ра́ди І҆ꙋде́йска, да во́зметъ тѣ́ло І҆и҃сово: и҆ повелѣ̀ Пїла́тъ. прїи́де же и҆ взѧ́тъ тѣ́ло І҆и҃сово. Прїи́де же и҆ Нїкѡди́мъ, прише́дый ко І҆и҃сови но́щїю пре́жде, носѧ̀ смѣше́нїе смѵ́рнено и҆ а҆ло́йно, ꙗ҆́кѡ сто̀ лі́тръ. Прїѧ́ста же тѣ́ло І҆и҃сово, и҆ ѡ҆бви́ста є҆ ри́зами со а҆рѡма́ты,

ꙗ҆́коже ѻ҆бы́чай є҆́сть І҆ꙋде́ѡмъ погреба́ти. Бѣ́ же на мѣ́стѣ, и҆дѣ́же распѧ́тсѧ, ве́ртъ, и҆ въ ве́ртѣ гро́бъ но́въ, въ не́мже николи́же никто́же положе́нъ бѣ̀. Тꙋ̀ ᲂу҆̀бо пѧтка̀ ра́ди І҆ꙋде́йска, ꙗ҆́кѡ бли́зъ бѧ́ше гро́бъ, положи́ста І҆и҃са́.

Є҆ѵ҆лїе в҃і, ст҃ы́хъ стр҃те́й, ѿ Матѳе́а, зача́ло рд҃і.

Во ᲂу҆́трїй же де́нь, и҆́же є҆́сть по пѧтцѣ̀, собра́шасѧ а҆рхїере́є и҆ Фарїсе́є къ Пїла́тꙋ, гл҃юще: го́споди, помѧнꙋ́хомъ, ꙗ҆́кѡ льсте́цъ ѻ҆́нъ речѐ є҆щѐ сы́й жи́въ, по трїе́хъ дне́хъ воста́нꙋ. Повелѝ ᲂу҆̀бо ᲂу҆тверди́ти гро́бъ до тре́тїѧгѡ днѐ, да не ка́кѡ прише́дше ᲂу҆чн҃цы̀ є҆гѡ̀ но́щїю, ᲂу҆кра́дꙋтъ є҆го̀, и҆ рекꙋ́тъ лю́демъ: воста̀ ѿ ме́ртвыхъ: и҆ бꙋ́детъ послѣ́днѧѧ ле́сть го́рша пе́рвыѧ. Рече́ же и҆̀мъ Пїла́тъ: и҆́мате кꙋстѡдїю: и҆ди́те, ᲂу҆тверди́те, ꙗ҆́коже вѣ́сте. Ѻ҆ни́ же ше́дше ᲂу҆тверди́ша гро́бъ, зна́менавше ка́мень съ кꙋстѡдїею.

Полагаю не лишнимъ напомнить, что есть Св. Евангеліе въ переводѣ на Русскій языкъ, которое, безъ сомнѣнія, можетъ принести не малую пользу при чтеніи помѣщенныхъ здѣсь 12 Евангелій.

Гос. Историч. Публ. Б-ка
Инвент. №
193 г.

Славянскій текстъ напечатанъ въ С. Петербургской Синодальной Типографіи. Іюля 1873 г.